

Свами Вивекананда

ДЖНЯНА-ЙОГА

Содержание

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕЛИГИИ	3
ПОДЛИННАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА	9
МАЙЯ И ИЛЛЮЗИЯ	16
МАЙЯ И ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ БОГА	23
МАЙЯ И СВОБОДА	28
АБСОЛЮТ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ	32
БОГ ВО ВСЕМ	37
ОСОЗНАНИЕ	41
ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ	48
СВОБОДА ДУХА	53
КОСМОС	58
Макрокосм	58
Микрокосм	61
БЕССМЕРТИЕ	66
АТМАН	70
АТМАН: ЕГО НЕСВОБОДА И СВОБОДА	76
ПОДЛИННЫЙ И КАЖУЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК	79

Свами Вивекананда ДЖНЯНА-ЙОГА

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕЛИГИИ

Среди факторов, которые повлияли и продолжают влиять на формирование судеб рода человеческого, наиболее сильным является тот, чье воздействие мы зовем религией. Религиозный фактор лежит в основе всех социальных институтов, и он же — сильнейший импульс, объединяющий людей. В очень многих случаях узы религии оказываются прочнее расовых, территориальных или даже семейных. Известно, что люди, почитающие одного Бога, исповедующие одну веру, настойчивее и крепче держатся друг за друга, чем члены одной семьи, даже родные братья. Делалось много попыток раскрыть происхождение религии. Древние религии, существующие и поныне, утверждают свое сверхъестественное начало, ведут свой генезис не из человеческого мозга, а откуда-то извне.

Свами Вивекананда

В современной науке получили распространение две теории: теория духов и теория эволюции идеи Бесконечного¹. Одни ученые считают началом религиозной идеологии поклонение предкам, другие берут за начало персонификацию сил природы. Человек желает сохранить память о предках и верит, что они продолжают жить после физической смерти, он заботится о пище для них, и, в известном смысле, он им молится. Понемногу эти верования выросли в религию.

Изучая религии Египта, Вавилона, Китая, народов Америки и других, мы ясно видим, что начало им было положено культом предков. В основе верований древних египтян было представление о душе как двойнике: в теле каждого человека жил другой, очень на него похожий, когда человек умирал, двойник покидал тело, но продолжал жить. Однако жил двойник лишь до тех пор, пока оставалось сохранным мертвое тело, почему египтяне и проявляли такую заботу о трупах. Для их сохранения возводились гигантские пирамиды, ибо любое повреждение тела немедленно сказывалось и на двойнике. Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с поклонением предкам. Идею двойника мы обнаруживаем и в Вавилоне, с некоторым, однако, отличием: двойник полностью утрачивает чувство любви, он пугает живых, заставляя да-

вать ему пищу и всячески помогать ему. Двойник даже собственных детей и жену больше не любит. Следы культа предков есть и в религии Древней Индии, что же касается Китая, то там поклонение предкам есть не только основа религии, но и ее нынешнее содержание во всей этой огромной стране. Собственно говоря, культ предков и является единственной религией, распространенной в Китае. Все это как будто подтверждает точку зрения сторонников теории культа предков, как начальной стадии религии.

С другой стороны, есть ученые², которые доказывают примерами из древне-арийской³ литературы, что религия произошла от поклонения силам природы. Хотя Индия изобилует свидетельствами существования культа предков, в древнейших источниках о нем нет упоминаний, и современные исследователи склоняются к теории обожествления природы. Кажется, что человеческий ум так и старается заглянуть за завесу. Восход солнца, вечер, наступление ночи, ураган, ошеломляющие, гигантские силы природы, её красота — все это притягивает ум, который стремится понять их. Стремясь проникнуть в их суть, человек наделяет явления природы человечески-

«Джняна-йога» составлена из записей лекций Вивекананды в Нью-Йорке зимой 1895/1896 г. На русском языке была издана в 1914 г. (Вивекананда. Джняна-йога. Лекции. Пер. Я. Попова, СПб, 1914).

Перевод выполнен М. Л. Салганик по изданию: The Complete Works of Swami Vivekananda, v. 2. Calcutta, 1989.

¹ В европейском обществознании XIX в. существовало много теорий происхождения религии. Вивекананда излагает точки зрения позитивистов — Г. Спенсера, О. Конга, Дж. С. Милля, а также Макс Мюллера, с трудами которых он был хорошо знаком.

² Имеется в виду Макс Мюллер (1823—1900), немецкий ученый, всю жизнь проработавший в Англии. Он рассматривал древнеиндийскую религию как самый начальный этап религиозного сознания вообще и называл Веды памятником «детства человечества». По его мысли, религиозные представления растут, эволюционируют, развиваясь от самой простой «клеточки религии» в сложные системы, завершающиеся в христианстве — высшем, как он считал, «богопознании теизма».

³ В XIX в. мысль о родстве ряда европейских и некоторых восточных языков, высказанная в XVIII в., получила дальнейшую научную разработку в трудах ряда лингвистов Европы. Было определено близкое родство языков народов Индии, Ирана (языки индийские, иранские) с языками отдельных регионов Западной и Восточной Европы (языки греческий, латинский, кельтские, германские славянские и др.). Была выдвинута гипотеза о единой для многих народов прародине. Поскольку письменные памятники Древней Индии и Древнего Ирана были самыми ранними в хронологическом отношении, а говорили они об «арьях», было высказано мнение, что «арья» — это самоназвание

ми качествами, наделяет их душами и телами, иногда прекрасными, иногда трансцендентными. И все это приводит к тому, что явления природы превращаются в абстракции, персонифицированные или неперсонифицированные. То же самое происходило и с древними греками: вся их мифология — это абстракция обожествленных сил природы; то же самое можно сказать о древних германцах, о скандинавах, обо всех других арийских народах. Иными словами, как будто подтверждается и точка зрения сторонников теории происхождения религии от персонифицированных сил природы.

Обе точки зрения, несмотря на их кажущуюся противоречивость, могут быть соединены на основе того, что мне представляется подлинным зародышем религии и что я назвал бы стремлением преодолеть ограниченность чувственных восприятий. Либо человек отправляется на поиски духов своих предков, духов умерших, желая понять, что происходит после смерти тела, либо стремится проникнуть мыслью в механизм действия могущественных сил природы. В любом случае он пытается преодолеть границы мира чувственных восприятий. Они не удовлетворяют его, он хочет узнать, что за ними. В этом нет ничего таинственного. Мне кажется вполне естественным, что началом религии могли стать сны: во сне и через сон человек мог прийти к идее бессмертия. Разве сон не прекрасное состояние? Как нам известно, дети и люди неискушенные не делают большой разницы между сновидениями и явью. Что может быть естественнее, чем в силу естественной же логики задуматься над тем, что во время сна, когда тело выглядит мертвым, ум продолжает действовать? А коли это так, то не просто ли прийти к заключению, что, когда тело погружается в смертный сон, все равно что-то продолжает действовать? Мне это представляется более логичным объяснением сверхъестественного; отталкиваясь же от идеи сна и смерти, человеческий ум продвигается ко все более высоким концепциям. Конечно, со временем большая часть человечества осознала, что сновидения не подтверждаются явью, что во сне человек не получает новую жизнь, а просто воспроизводит опыт бодрствования.

Но поиск уже начат, и этот поиск обращен внутрь человека. По мере все углубляющегося исследования различных состояний ума человек обнаружил состояния и более высокие, чем сон или бодрствование. Речь идет о таком признаваемом всеми организованными религиями мира состоянии, как экстаз или прозрение. Основатели этих религий, пророки или посланники Бога, испытывали состояния, которые нельзя назвать ни сном, ни бодрствованием и которые открывали им доступ к новой категории явлений, относящихся к тому, что именуется царством духа. Восприятия в этом состоянии обретали интенсивность, неизвестную нам в повседневной жизни. Взять, например, *брахманизм*⁴. Считается, что Веды были написаны *риши* — мудрыми людьми, осознавшими определен-

для всей общности народов, некогда живших вместе «под единой крышей», позднее расселившихся по всей Европе, а примерно в 1500—1200гг. до н.э. «завоевавших» Индию. Предполагаемых носителей общего «праязыка» назвали «арийцами». Появились и такие работы, в которых эта общность, говорившая на некоем общем праязыке, представляла как воплощение лучших черт «цивилизованного» мира. Несостоятельность вводимых в научный оборот понятий «арийская раса», «арийские нации», «индоевропейская раса» и др. была обнаружена достаточно быстро. Ошибка состояла в смешении языковой и расовой классификации, и, разумеется, не было оснований говорить об «арийцах» как о представителях «высшей расы».

В XX в. чисто мифическая теория «арийской расы», научная несостоятельность которой была ясна уже в 60-е годы XIX в., привлекалась идеологами нацизма с самых прагматических позиций. На ее основе делалась попытка создать иллюзию достоверного прочтения историко-культурного материала и использовать его как одно из обоснований всей внешней и внутренней политики в фашистской Германии.

В Индии в XIX в. теория «арийской общности» не была подвергнута серьезному теоретическому осмыслению. Она была замечена, о ней упоминают индийские историки.

Тем не менее чаще всего индийские общественные и политические деятели пользовались понятиями «арий», «арийский» и пр. как не несущими особой смысловой нагрузки и, безусловно, не означающими превосходства, основанного на расовом принципе. Примерно так употребляет слово «арий» и образованные от него слова Вивекананда. Он пользуется им скорее для обозначения неких общих признаков цивилизационного плана, обусловленных общими историческими судьбами, едиными элементами веками складывавшейся культуры. Время создания первых гимнов Ригведы он, как и многие его соотечественники, отодвигает в глубокую древность, в V тыс. до н.э.

⁴ Индуизм формировался в течение тысячелетий, проходя через различные стадии, которые ученые сейчас называют так: ведизм, брахманизм, собственно индуизм. Ведизм соотносится с верованиями, отразившимися в гимнах Вед, особенно в самом раннем ведическом сборнике — Ригведе; с брахманизмом связывается тот комплекс религиозных представлений, взглядов, правил и социальных установлений, который сложился к концу ведийской эпохи, примерно в I тыс. до н.э. Он отразил во многом новые взгляды на пантеон богов, религиозную практику, эсхатологические концепции древних индийцев. Наконец, позднее, ближе к VII в. н.э., сформировался тот комплекс идей и практических предписаний, который получил название индуизма. Само название религии («индуизм») вошло в употребление довольно поздно. Оно происходит от слова «Синдху» — старого наименования реки Инд. Этим словом и производным от него («Индостан», «индус») обозначали народы, жившие по ту сторону от реки Инд, те, кто проживал в Западной или Центральной Азии. Для последователя индуизма более употребительны при обозначении своей веры такие слова, как «санатана дхарма» (т.е. вечная дхарма), или «арья дхарма» (т.е. арийская дхарма, дхарма ариев). Под такое определение вместе с тем подпадают джайны и буддисты, поскольку «арья дхарма» охватывает собой все верования, зародившиеся в Индии. Начиная с XIX в. термин «арья дхарма» используется особенно широко, поскольку слово «хинду» и производные от него («индуизм») ассоциировались с персидской традицией. Вивекананда часто говорит о своем вероучении как о «дхарме ариев», «брахманизме», «индуизме», не делая различия между этими терминами и связывая их все с собственно индуизмом на разных этапах его исторического развития.

ные факты. В дословном переводе санскритское слово «риши»⁵ означает «увидевший мантры» — мысли, изложенные в ведических гимнах. То были люди, которые заявили, что осознали — или прочувствовали, если позволительно сказать так о сверхчувственном явлении, — определенные факты, затем изложенные ими. Примерно то же заявляют зачинатели иудаизма и христианства.

Исключение составляют разве что буддисты некоторых сект⁶, получивших распространение на юге. Возникает вопрос: если буддисты не верят ни в Бога, ни в душу, как могла эта религия произойти от сверхчувственного восприятия? Дело в том, что буддисты утверждают существование извечного морального закона, который нельзя объяснить в рамках нашего мира. Будда обнаружил его, открыл, находясь в сверхсознательном состоянии. Те из вас, кто знаком с жизнеописаниями Будды, хотя бы с таким кратким, как в прекрасной книге «Свет Азии»⁷, помнят, что Будда изображается сидящим под священным деревом *бодхи*⁸, в сверхсознательном состоянии. Именно таким путем, а не интеллектуальными умозаключениями пришел он к своему учению.

Иными словами, все религии утверждают факт огромной значимости: человеческий ум в определенные моменты способен подниматься не только выше чувственных восприятий, но и выше логических построений. Выйдя на этот уровень, он сталкивается с фактами, которые не могли быть восприняты чувствами и не могли быть осознаны логическим путем. Эти факты и лежат в основе всех религий мира. Мы, без сомнения, вправе подвергнуть их проверке разумом. Тем не менее, все религии на свете приписывают уму удивительную способность преодолевать ограниченность чувственных восприятий, равно как и ограниченность разума. Религии выдвигают на первый план эту способность как факт.

Помимо вопроса о том, в какой степени справедливы утверждения религий, мы обнаруживаем черту, общую для них всех: речь идет о чем-то абстрактном, скажем, по сравнению с конкретностью физических открытий. В религиях высокоорганизованных эти абстракции приобретают чистейшую форму Единой Абстракции — либо в

⁵ *Веды* (санскр.: знание) — «священное писание» индуистов. Состоит из четырех групп текстов: самхит (сборников гимнов и заклинаний); брахман (сборников ритуально-мифологического характера); араньяк («лесных» книг, наставлений для отшельников); Упанишад (сборников текстов умозрительно-философского плана). Четыре Веды (Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа) обычно датируются XII—X вв. до н. э., хотя многие гимны (особенно в Ригведе) отражают более ранние периоды индийской истории. Традиция расценивает авторитет Вед как неоспоримый: так солнце не нуждается в дополнительном источнике света, чтобы его было видно. Они существуют, согласно традиции, вечно. Веды иначе называются «шрути» — «то, что было услышано»: считается, что риши, создатели гимнов, мгновенным озарением, внутренним взором постигли приоткрывшуюся им истину. Риши не есть авторы Вед, они только придали словесную форму тем видениям, что были недоступны другим людям. К Ведам примыкают тексты, называемые «смрити» — «то, что было запомнено»: это своего рода «священное предание» индуизма. Значимость этих текстов для последователей индуизма хотя и велика, но вторична. Они достоверны для него в той степени, в какой не противоречат литературе «шрути» (то есть вечному и непогрешимому источнику истины), и при разногласиях последнее слово всегда будет за «шрути». Как правило, к литературе «смрити» относят следующие тексты: две эпические поэмы — «Махабхарата» и «Рамаьяна»; восемнадцать пуран (дословно «старые» истории): они обычно состоят из космогонических мифов, генеалогий царей и др.; дхармашастры — законодательные трактаты, регулирующие политическую, религиозную и общественную жизнь. Сюда же входят смартасутры, то есть тексты, связанные в основном с домашним ритуалом; трактаты по вопросам религии, этики, философии и пр. Допустимо употреблять слово «Веды» только по отношению к самхитам (сборникам священных текстов, составляющих ранние слои ведийского канона). Можно использовать слово «Веды», имея в виду, например, Упанишады. Вивекананда часто пользуется словом «Веды», когда говорит об Упанишадах. Здесь, говоря о «бесстрашии» как теме многих Вед, он имеет в виду Упанишады.

⁶ Имеется в виду неприятие в раннем буддизме идеи Бога в принципе и идеи души человека. Хотя в раннем буддизме и сохранялись многие из ведических богов (Индра, Яма и др.), буддисты считали их могущественными только в мирских делах: они не в силах помочь верующему в достижении нирваны — главной цели буддистов, так как и сами боги находятся под действием закона кармы. Место Бога в раннем буддизме занимал всеобщий нравственный закон кармы, и соответственно путь достижения высокой цели не увязывался ни с божественным милосердием, ни с посторонней помощью. По-новому сравнительно с ранневедийскими и общиндийскими представлениями решался в буддизме и вопрос о душе человека. В отличие от ведийско-брахманистско-индуистских теорий, в основе которых лежит представление о душе как вечном, чистом, внеприродном компоненте человека, буддисты разработали так называемую теорию «анатма» («отсутствие души»). Согласно их воззрениям само формулирование идеи души было бы противоречиво по определению, поскольку душа в таком случае должна бы пониматься как неизменная, субстанциальная сущность, а согласно общим основаниям буддизма, утверждающим вечность «потока сознания», это невозможно в принципе.

⁷ Э. Арнольд (1831—1904) — известный английский поэт и журналист. В 50-е годы XIX в. возглавлял Санскритский колледж в Пуне, затем жил в Японии. Э. Арнольд перевел или пересказал многие произведения из буддийского и индуистского наследия. Поэма «Свет Азии» — жизнеописание Будды — издавалась во второй половине XIX в. в Индии и Англии десятки раз; в 1879 г. впервые была опубликована в Америке, в 1890 г. — в России. «Свет Азии» — одна из самых читаемых книг XIX в.: о ней неоднократно упоминают М. К. Ганди, Дж. Неру, ее знал Л. Толстой. За эту книгу Э. Арнольд был награжден сиамским королем Орденом Белого Слона.

⁸ Согласно преданию, Будда получил просветление, сидя в Бодх-Гае под деревом боддхи. Оно почитается как священное дерево; буддисты утверждают, что при всех природных катаклизмах оно гибнет последним, а возрождается первым.

виде Абстрактного Присутствия, либо Вездесущего Существа, либо Абстрактной Личности, называемой Богом, либо Морального Закона, либо, наконец, Абстрактной Сути, пронизывающей собою все.

В последнее время наблюдаются попытки создания религии, которая обошлась бы без сверхчувственных открытий, но дело кончается тем, что все новые религии обращаются ко все тем же древним абстракциям, но под новыми именами: «Моральный Закон», «Идеальное Единство» и т. д. Это может лишь служить подтверждением тому, что абстракции имеют вневещественную природу. Никому из нас не доводилось видеть Идеального Человека, однако нас призывают верить в него. Никому не доводилось видеть и совершенного человека, однако без идеала невозможно двигаться вперед. Тем не менее факт налицо: сколь бы ни были различны религии, они все содержат в себе Идеальную Абстракцию, будь то персонифицированный идеал или неперсонифицированное существо, закон, присутствие или суть. Мы постоянно стремимся возвыситься до этого идеала. Человек, кем бы он ни был, где бы ни жил, имеет некий идеал безграничной силы. Каждый человек имеет некий идеал беспредельного наслаждения. Большая часть деятельности, наблюдаемая нами, как раз и направлена или на достижение безграничной власти, или на достижение беспредельных наслаждений. Есть немногие, кто достаточно быстро начинает понимать, что, как бы они ни рвались к безграничной власти, она недостижима в мире чувств. И так же быстро начинают понимать, что в мире чувств невозможно беспредельное наслаждение. Иными словами: чувства слишком ограничены, тело слишком ограничено, чтобы выразить Бесконечное. Бесконечное не может выявиться через конечное, человек рано или поздно осознает это и отказывается от таких попыток. Вот этот отказ, отречение от попыток и есть начало всякой этики. Отречение составляет фундамент этики. На свете нет этического кодекса, который не был бы построен на отречении.

Этика всегда учит: не я, но ты. Ее девиз: не «я», а «не-я». Закон этики гласит: необходимо отречься от тщеты индивидуализма, за который цепляется человек в попытке достичь через чувства бесконечной силы или бесконечного наслаждения. Надо себя ставить на последнее место, а других — перед собой. Чувства требуют: сначала я! Этика диктует: удержаться и быть последним. Таким образом, все этические кодексы основаны на самоотречении, их цель не конструкция индивида, но его деструкция на уровне материального существования. Бесконечное никогда не выразит себя в материальном мире, это невозможно и немислимо.

В поисках более глубокого выражения Бесконечного человек, поэтому, должен выйти за пределы материального и подняться в иные сферы. В этом смысл всех этических законов, центром которых при всем их разнообразии является принцип самоотрицания. Идеал этического поведения — полное освобождение от эгоизма. Обычно люди настораживаются, когда им говорят, что они должны отказаться от своей индивидуальности, их это пугает. Одновременно те же люди поддержат высочайшие идеалы этики, не задумываясь над тем, что их воплощение предполагает не укрепление индивидуализма, а его разрушение.

Принципами полезности⁹ объяснить этические взаимоотношения между людьми невозможно уже потому, что ни один этический закон не вытекает из соображений пользы. Не может быть этики, не освященной, как говорится, свыше или, как предпочитаю говорить я, не воспринятой сверхчувственным путем. Не может быть идеала без стремления к Бесконечному. Ни одна система, нацеленная на ограничение людей законами одного общества, не способна дать объяснение этическим законам человечества. Сторонник полезности желает, чтобы мы отказались от тяги к Бесконечному, от поисков доступа к Сверхчувственному как от непрактичных и абсурдных затей, но в то же самое время требует, чтобы мы вели себя по законам этики и трудились на благо общества. С какой стати мы должны трудиться на благо? Творить добро — это вторичное соображение. Нам нужен идеал, этическое поведение не самоцель, но средство для достижения цели. Если же цели нет, то зачем нам этическое поведение? Почему я должен делать добро для другого, почему не причинить ему зло? Если цель человечества — счастливая жизнь, почему бы мне не позаботиться о собственном счастье за счет несчастья других? Что мне мешает? Кроме того, утилитарность — понятие слишком узкое. Современные социальные формы почерпнуты из нынешнего состояния общества, но что дает стороннику утилитаризма право утверждать, будто общество в будущем не изменится? Многие века назад общество не существовало в нынешнем виде, возможно, через столетия оно станет совсем другим. Вероятнее всего, мы живем в переходный период, эволюционные процессы развиваются, ни один закон, принятый только на основе социальной практики, не может быть вечным законом и не может соответствовать всему, что есть в природе человека. Теории сторонников утилитаризма способны в лучшем случае действовать в современных социальных условиях. За пределами этого они бессмысленны. Что же касается морали, этического поведения, основанного на религии и духовности, то это соответствует всей природе бесконечного человека. Такая мораль включает в себя индивидуальность, но в соотношении с Бесконечным, включает в себя общество, ибо что

⁹ Вивекананда имеет в виду этику утилитаристов, к которой относился резко отрицательно. Имеется в виду утилитаризм, направление в европейской и американской философии, обосновывающее положение о полезности действия как критерия его нравственности. Основы утилитаристской этики, разработанные И. Бентамом (1748—1832), были хорошо известны в Индии в XIX в. Утилитаристы провозглашают принцип наибольшего блага наибольшему числу людей через удовлетворение их личных интересов.

есть общество, если не совокупность сгруппированных индивидуальностей. Раз индивид рассматривается в связи с Бесконечным, то это же относится и ко всему обществу. Таким образом, мы видим, что религия всегда будет нужна человечеству. Духовность необходима, человек не может жить только материальным, как бы приятно это ему ни было.

Часто говорят, что преувеличенное внимание к духовности нарушает практические взаимоотношения людей. Еще во времена китайского мудреца Конфуция было заявлено: давайте заботиться об этом мире, а когда мы с ним покончим, тогда и позаботимся о мире ином¹⁰. Совершенно правильно, об этом мире заботиться необходимо, но если чрезмерное внимание к духовности вредит в какой-то мере практическим делам, то сосредоточение на одних практических делах мешает нам и в этом мире, и в мире ином. Мы ограничиваемся материальным. А человек должен рассматривать как свою цель не природу, а нечто более высокое.

Человек остается человеком до тех пор, пока стремится подняться над природой, как над природой собственной, так и над окружающей его. Это включает в себя не только законы, по которым действуют частицы материи вне и внутри нас, но и куда более тонкую субстанцию в нас, которая, по сути, является той силой, что воздействует на природу вне нас. Это великолепно — покорение природы вне нас, но еще лучше подчинить себе себя. Это прекрасно — знать законы движения звезд и планет, но еще лучше знать законы, управляющие страстями, чувствами, волей человечества. Завоевание внутреннего мира человека, исследование тайн работы его ума и познание его удивительных секретов — дело одной только религии. Обыкновенный человек устроен так, что ему хочется ориентироваться на грубо материальные факты. Обыкновенный человек не в силах понять тонкого. Правильно замечено, что толпа восхищается львом, убившим стадо овец, ничуть не задумываясь над тем, что сиюминутная победа льва означает гибель овец. Толпу восхищает лишь проявление физической силы. Неискушенный человек воспринимает только внешнюю сторону явлений и радуется этому. Но в любом обществе находятся люди, которым не чувства доставляют радость, а то, что за их пределами, этим людям изредка удается уловить проблеск чего-то более высокого, чем материя, и они устремляются к этому. Если читать историю между строк, мы убедимся, что взлет нации всегда связан с увеличением числа таких людей, а спад наступает, когда тяга к Бесконечному, сколь ненужной ни находили бы ее сторонники утилитаризма, прекращается. Иными словами, духовность есть источник силы нации, нация начинает умирать, когда духовность приходит в упадок, а материализм переходит в наступление.

Итак, помимо фактов и истин, которые нам преподносит религия, помимо утешения, которое мы можем в ней найти, религия как наука, как исследование является лучшим и самым здоровым упражнением для человеческого ума. Это стремление к Бесконечному, эта борьба за познание Бесконечного, старания выйти из ограниченности чувственных восприятий, как бы вырваться из материи и пробудить в себе духовного человека, эти непрекращающиеся усилия слиться с Бесконечным — все это само по себе есть самое великое, на что способен человек. Есть люди, которые самое большое удовольствие получают от еды, — никто не вправе укорять их. Другие получают удовольствие от накопительства — и тоже не заслуживают укора. Со своей стороны и они не имеют права осуждать тех, для кого наибольшая радость — стремление к духовности. Чем ниже организован человек, тем больше удовольствия получает он через органы чувств. Но не много отыщется людей, которые поглощали бы мясо с таким наслаждением, как волк или собака. Однако у собаки или волка и нет других радостей, кроме чувственных. Люди, примитивно устроенные, в любой стране предпочитают чувственные удовольствия, в то время как люди культурные и образованные тяготеют к философии, искусствам и науке. Духовность представляет собой еще более высокий уровень, самый высокий, поскольку духовность неисчерпаема и доставляет человеку, способному оценить ее, наивысшее наслаждение. Таким образом, следует культивировать в себе склонность к религиозным размышлениям, даже с чисто утилитарной точки зрения, ибо именно они дают наибольшую радость. Я лично считаю, что размышления о религии совершенно необходимы.

Можно судить о степени этой необходимости по результатам. Нет более сильной мотивации для человеческого ума, чем религия, и только духовный идеал способен вдохнуть в человека большую энергию. Весь исторический путь, пройденный человечеством, убеждает нас в этом, как и в том, что идеал не утратил свою привлекательность и сегодня. Я не отрицаю того, что люди могут быть и добрыми, и высокоморальными из чисто утилитарных побуждений, можно привести немало примеров этого. Но те, кто движет миром, кто как бы дает миру огромный заряд магнетизма, чей дух воспламеняет духовным огнем сотни и тысячи других, — эти люди неизменно бывают движимы духовностью. Их побудительная сила — религия, которая есть величайшая мотивация для освоения той беспредельной энергии, которой от природы наделен человек. Религия несет в себе громадную побудительную силу самовоспитания, обращения к добру и величию, труду на благо для других и на благо собственной души, и именно под этим углом зрения она должна рассматриваться. Религия должна быть свободна от узости, ограни-

¹⁰ Пересказ: Конфуций, Лунь Юй, XI, «Сянь цзинь», II. Конфуций (примерные годы жизни 551—479 гг. до н. э.) — древнекитайский мыслитель, педагог, заложивший основы этико-политического учения, названного его именем (конфуцианство).

ченности и воинственности. В наше время религия требует более широкого подхода, чем прежде.

Сейчас нужно отказаться от сектантства и национализма в вопросах религии. Представление о том, что всякое племя или страна должны иметь собственного Бога и отрицать иные веры, — суеверие, которое надо оставить в прошлом.

По мере расширения круга наших знаний должен расширяться и наш взгляд на духовность. Уже сейчас человек не может высказать мысль, которая не облетела бы весь мир, уже сейчас физические средства позволяют нам соприкоснуться со всем миром, поэтому религия будущего мира должна быть столь же универсальной, столь же широкой.

Религиозные идеалы будущего должны включать в себя все великое и прекрасное, что существует в мире, открывая в то же время неограниченные возможности для дальнейшего развития. Должно сохраниться все лучшее из прошлого, и врата должны быть широко распахнуты, чтобы добавлялось к этой сокровищнице в будущем. Религии должны быть всеобъемлющими; в них не может быть места для пренебрежительного отношения к иной вере, проповедующей иной божественный идеал. За свою жизнь я повидал немало людей большой духовности, немало людей большой разумности, которые вообще не верили в Бога в общепринятом смысле. Возможно, они поняли Бога гораздо лучше, чем когда-либо сумеем понять мы с вами. Идея Бога как Личности, Бога как Безличного, как Бесконечности, как Морального Закона или как Идеального Человека — все равно все это входит в понятие религии. При широком подходе к религии ее способность творить добро тысячекратно возрастет. Религии, обладающие такой огромной силой, часто приносили миру больше бед, чем блага, лишь по причине узкого и ограниченного взгляда на них.

Даже в наши дни существует множество сект и обществ, идеалы которых созвучны, но, поскольку одни не желают представлять их точно таким образом, как другие, между ними происходят распри. Нужен более широкий подход, религиозным идеям предстоит стать универсальными, свободными, беспредельными, и только тогда человечество познает все их возможности, ибо сила религии едва-едва начинает проявлять себя в нашем мире. Иной раз говорят, будто религии отмирают, будто религиозные идеи утратили свою привлекательность. Мне кажется, что они только начали развиваться. Сила религии, освобожденной от узости и предрассудков, начнет сказываться на всех сторонах человеческой жизни. Пока религия была прерогативой немногих избранных, корпуса священнослужителей, ее местом были храмы, церкви, книги, догмы, церемониалы, формы и ритуалы. Когда же мы придем к универсальной, подлинной, духовной концепции, тогда, и только тогда, религия наполнится жизнью и реальностью, а это и есть ее настоящая природа. Она будет жить в каждом нашем движении, проникнет во все поры нашего общества и станет источником большего добра, чем когда бы то ни было ранее.

Нужно только одно — братство различных религий, ибо они все живут и угасают вместе, братство, построенное на взаимном почтении и уважении, а отнюдь не снисходительное, покровительственное, скупое изъявление доброй воли, к сожалению, весьма распространенное в наши дни.

В первую очередь нужно братство между направлениями религиозной мысли, основанной на исследовании ментальных явлений, к прискорбию, и по сей день предъявляющих претензии на исключительное право именоваться религиями, и теми направлениями, которые, фигурально говоря, головой уходят в небесные тайны, но неспособны оторвать ноги от земли: я имею в виду так называемую материалистическую науку.

Чтобы достичь гармонии, и тем и другим придется идти на уступки, подчас довольно серьезные и, прямо скажем, весьма болезненные, но в результате этих жертв обе стороны выиграют и приблизятся к истине. В конечном счете знание, ограниченное временем и пространством, соединится со знанием, ничем не ограниченным, недоступным ни уму, ни чувствам, — с Абсолютом, с Бесконечным, с Единым.

ПОДЛИННАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА

Велика настойчивость, с которой человек цепляется за чувственные восприятия. Но сколь бы вещественным ни казался ему мир, в котором он живет, наступает час для человека или целого народа задать вопрос: реально ли все это? Даже к тому, кто не находит и минутки, чтобы задуматься, насколько достоверны его восприятия, кто всецело поглощен удовольствием от восприятий, и к нему приходит смерть, и он принужден спросить: реально ли все это? Религия начинается этим вопросом и заканчивается ответом на него. В самой глущи времен, куда не может провести нас писаная история, в таинственном свете мифов, на рассвете цивилизации, звучит все тот же вопрос: куда все девается? Реально ли было оно?

Катха упанишада, одна из поэтичнейших Упанишад, открывается вопросом: когда умирает человек, начинается спор; одни говорят, что человек умирает навсегда, другие утверждают, что он продолжает жить¹¹. Кто прав? На этот вопрос есть много ответов. Метафизика, философия и религия, по сути, дают различные ответы на этот вопрос. Но делались и попытки отбросить этот вопрос, сдержать беспокойность ума, который вопрошает: а что за пределами? Что реально? Но пока есть смерть, невозможно помешать человеку задаваться этим вопросом. Мы, конечно, можем напоминать себе, что там ничего не видно, связывать все наши надежды и чаяния с настоящим, изо всех сил стараться не думать ни о чем за пределами чувственного мира, и повседневная практика помогает нам утвердиться в этой ограниченности; все происходящее в мире склоняет нас к тому, чтобы не заглядывать за горизонт. Но пока есть смерть; снова и снова будет возникать вопрос: является ли смерть концом всего, за что мы так цепляемся, будто это реальнейшая из реальностей, материальнейшая из материй? Мир исчезает во мгновение, и больше его нет. Замерев на краю зияющей пропасти, самый закоснелый ум не может не отпрянуть и не спросить реально ли это? Надежды всей жизни, плоды трудов великого ума исчезают во мгновение. Реальны ли они? На вопрос следует ответить. Время не притупляет его остроты, напротив, все настойчивее ставит его.

Но человеком движет и стремление к счастью. Мы гонимся за чем угодно, что обещает счастье, мы безумствуем, ища счастье в окружающем нас мире. Если спросить молодого удачливого человека, реален ли этот мир, он ответит, что реален, и ему действительно так кажется. Возможно, он же, уже состарившись и убедившись в непостоянстве удачи, заявит, что все дело рук судьбы. Он уже понял, что желания его не могут найти себе удовлетворения, он со всех сторон замкнут неколебимой стеной, которую ему не проломить. Всякое действие вызывает противодействие. Все мимолетно — наслаждения, страдания, роскошь, богатство, власть и нищета, даже сама жизнь.

У человечества есть два подхода. Верить вместе с нигилистами, что все пустое, что мы ничего не знаем и никогда не сможем познать ни будущего, ни прошлого, ни даже настоящего¹². Следует помнить, что только безумец может стремиться жить в настоящем, отвергая прошлое и будущее; с таким же успехом можно отвергать существование родителей у ребенка. Отвергая прошлое и будущее, человек отказывается и от настоящего. Это и есть нигилизм. Но я ни разу не видел человека, который хоть на миг стал бы нигилистом, об этом легко только болтать.

И есть иной подход. Искать объяснения, искать реальности, найти реальность в нашем непрестанно меняющемся и непостоянном мире. Если мое тело есть просто сочетание молекул вещества, то существует ли нечто реальное? Вся история человеческой мысли — поиск ответа на этот вопрос. И с древнейших времен мысль улавливала проблески света. Уже в глубокой древности человек пытался преодолеть ограниченность своего тела, находя нечто, что не являлось его телесной оболочкой, хоть и очень походило на нее, нечто более завершенное, более совершенное, не разлагающееся с разложением тела. Мы читаем гимны Ригведы, обращенные к Богу огня, пожирающему мертвое тело: «Прими его в свои нежные объятия, о Огонь, дай ему совершенное тело, светлое тело, унеси его туда, где находятся его праотцы, где более нет ни скорби, ни смерти»¹³.

Эту мысль содержит в себе каждая религия. И еще одна мысль. Чрезвычайно знаменательно, что все без исключения религии утверждают, что человек есть выродившаяся форма его подлинной сути. Не важно, облече-

¹¹ Пересказ Катха-упанишада, I, 1, 20.

¹² Имеются в виду материалисты и буддисты-шуньявадины. Материалисты в Индии (чарваки, или локаятики) отрицали веру в посмертное существование души и утверждали, что не существует никаких доказательств продолжения жизни человека в какой бы то ни было форме после его смерти. Чарваки не принимали и положение о Боге и мире как его творении. Буддист Нагарджуна (II—III вв. н. э.), последователь учения мадхьямика, доказывал, что любые реалии мира «иллюзорны», и единственное, что допустимо говорить о мире, так это только то, что он «пуст». «Пустота» означает всеобщую относительность, и признание «иллюзорности» отдельных вещей понимается как путь к постижению высшей, независимой, не обусловленной ничем Реальности, тождественной космическому телу Будды.

¹³ В точно таком виде нам неизвестен отдельно взятый гимн Ригведы, где содержались бы эти строки. Но из предыдущих слов Вивекананды можно понять, что он не цитирует, а пересказывает содержание ряда гимнов. В таком случае приведенные им строки можно соотнести с некоторыми гимнами Ригведы (из X мандалы) в самом общем виде.

на ли эта мысль в мифологические образы, в четкий язык философии или в прекрасную поэзию. Это факт, который преподносят нам все священные книги и все мифы мира: человек есть выродившаяся форма того, чем он некогда был. В этом и смысл иудейской истории о грехопадении Адама, эта же идея снова и снова возникает в священных книгах индусов, это мечта о Золотом веке, который индусы называют Веком истины¹⁴, когда человек не умирал, пока сам того не пожелает, когда он мог не расставаться со своим телом сколько хотел, когда ум его был чист и силен. Не было в тот век ни зла, ни страдания, нынешние же времена являются извращением былого совершенства. И наряду с этим во всех мифах мира мы обнаруживаем рассказ о всемирном потопе, что является еще одним свидетельством того, что, с религиозной точки зрения, наше время порочно по сравнению с былым. Человечество все больше погрязало в пороках и грехах, пока потоп не смыл большую его часть и не началось новое восхождение, очень медлительное, но направленное к возвращению к изначальной чистоте. Ветхозаветная история вселенского потопа повторяется в мифах древнего Вавилона, Египта, Китая и Индии. Ману, великий мудрец древности, молился на берегу Ганга, когда подплыл к нему пескарь в поисках спасения¹⁵. Мудрец опустил пескаря в горшок с водой, который у него был. «Что тебе нужно?» — спросил он пескаря, и тот ответил, что нужна только защита от крупной рыбы, преследующей его. Ману отнес пескаря домой, а наутро, заглянув в горшок, увидел, что тот успел вырасти и едва умещается в горшке. «Мне здесь тесно!» — пожаловался пескарь. Ману выпустил его в пруд, но на другое утро пескарь занял собой весь пруд и заявил, что не может больше жить в нем. Ману пришлось нести его к реке, но наутро и река оказалась мала для рыбы. Тогда Ману погрузил рыбу в океан и услышал слова: «Ману, перед тобой творец вселенной. Я принял эту форму, чтобы предупредить тебя, что я затоплю весь мир. Отправляйся, строй ковчег, собери в него по паре от всех животных, возьми свою семью и привяжи ковчег к моему плавнику, когда спадет вода, вы населите землю». И мир был затоплен, и Ману спас свою семью, и по паре от всякой живности, и по семени от всякого растения. После потопа они и населили землю.

Человеческий язык — попытка выразить истину, внутри нас находящуюся. Я вполне убежден, что младенец своим лепетом пытается выразить высочайшие философские истины, но у младенца нет для этого ни подходящих органов, ни способов. Мысли величайших философов отличаются от детского лепета по уровню выражения, суть же одна. Только по уровню выражения различаются корректнейший, систематизированный математический язык современности и туманные, мифологические, мистические языки древних. Все они таят в себе великую идею, которая как бы стремится выразить себя, и часто древние мифы несут в себе самородки истины — к сожалению, чаще, чем гладкие, отточенные фразы современников. Так что не нужно выбрасывать за борт вещи только за то, что их мифологическая оболочка не отвечает концепциям современности, выработанным мистером Имярек или миссис Имярек. Если человек посмеивается над религией, поскольку большинство религий прокламирует необходимость веры в миф, изложенный тем или иным пророком, то еще ироничнее он должен бы отнестись как раз к нашим современникам. В наше время человек, цитирующий Моисея¹⁶, или Будду, или Иисуса, смешон, но стоит ему сослаться при этом на какого-нибудь Хаксли, или Тиндаля, или Дарвина¹⁷, как цитата тут же проглатывается без соли! Это слова Хаксли! Для многих этого более чем достаточно. То были религиозные предрассудки, а это — предрассудки научные, разница лишь в том, что через религиозные предрассудки пробивалась жизнотворная духов-

¹⁴ Индийская традиция постулирует циклическое развитие вселенной, не имеющей ни начала, ни конца. Мир понимается как чередование творений и разрушений (так высохшее русло реки наполняется после дождя, а потом опять пересыхает). Для объяснения череды творений и разрушений мира в индийской культуре разработаны такие понятия, как «день» и «ночь Брахмы».

«День Брахмы» (кальпа) — это творение и поддержание мира, он длится 4 320 000 000 человеческих лет. Затем наступает «ночь Брахмы», «Брахма отдыхает», мир рушится, воцаряется хаос. Затем опять наступает «день Брахмы», творец создает мир, в котором будет снова «то же солнце и та же луна», на земле снова появятся люди.

«День Брахмы» соотносится со «ста годами жизни Брахмы»: это тот временной отрезок в вечно сменяющемся потоке проявлений — разрушений мира, что составляет 311 040 000 000 000 человеческих лет от начала творения (сришти) до его разрушения (праляйя). Потом мир рушится, но затем вновь наступает жизнь — рождается «новый Брахма» (см., например, Вишну-пурану).

Вивекананда неоднократно соотносил представление о «золотом веке» европейского мира с индуистскими представлениями о «золотом веке» (Сатья-юге) индийской истории, когда человек живет более четырех тысяч лет, дети появляются на свет одним желанием родителей и т. д. Современная эпоха (Кали-юга) знаменует торжество зла и предстоящее разрушение мира.

¹⁵ Излагается миф о потопе, отраженный в индийских памятниках письменности в разных источниках (Агни пуране; Шатапахта-брахмане, I, 1; Махабхарата, III, 185, 2—52 и др.)

¹⁶ Моисей в библейской истории почитается как освободитель израильтян от египетской неволи и их законодатель. Традиция утверждает, что он родился около 1350 г. до н. э. и восьмидесяти лет от роду явился в качестве пророка и посланника Бога, чтобы проповедовать народу. С его именем связывается написание так называемого Пятикнижия Моисеева.

¹⁷ Г. Г. Хаксли (1825—1895) — английский материалист-естествоиспытатель, друг Ч. Дарвина и популяризатор его учения. Дж. Тиндаль (1820—1893) — английский физик, близкий Ч. Дарвину; Ч. Дарвин (1809—1882) — английский ученый. Эволюционная теория Ч. Дарвина в последней трети XIX в. активно пропагандировалась в Америке, причем большую роль сыграли посещения Америки Дж. Тиндалем (1872—1873) и Т. Г. Хаксли (1876). Многие индийцы, в том числе и Вивекананда, в прошлом веке крайне отрицательно восприняли эволюционистские идеи Ч. Дарвина.

ность, а через научные — похоть и жадность. Те предрассудки были поклонением Богу, эти — поклонение мамоне, тщеславию, власти.

Но возвратимся к мифологии. За всеми мифами — одна и та же обобщающая мысль о падении человека с былых высот. Наука нашего времени категорически отвергает этот постулат. Теория эволюции ни в чем не согласуется с ним: с точки зрения этой теории, человек есть результат эволюции моллюска, а потому не может быть справедливо то, о чем говорится в мифах. Однако в Индии есть мифы, способные примирить обе точки зрения. Индийская мифология предлагает теорию цикличности, согласно которой все развитие происходит волнообразно: подъемы чередуются со спадами¹⁸. Даже на основе выводов современной науки совершенно очевидно, что человек не может быть продуктом одной только эволюции. Эволюция неизбежно предполагает и инволюцию. Современная наука говорит нам, что от механизма можно получить отдачу, не превышающую первоначально вложенной энергии. Невозможно произвести нечто из ничего. Если человек эволюционировал от моллюска, значит, совершенный человек, прообраз Христа или прообраз Будды, был заложен в моллюске. Если это не так, откуда в этом случае берутся столь великие личности? Из ничего ничто и получится. И тут мы можем прийти к объединению священных книг древности с современной наукой: энергия, которая медленно проявляет себя на различных стадиях развития, пока не проявится через совершенного человека, не возникает из ничего. Она существовала где-то, и если моллюск или протоплазма являются ближайшими точками, на которые можно указать, значит, каким-то образом эта энергия содержалась в них.

Идут большие споры по поводу того, является ли сочетание материалов, именуемое телом, причиной проявления энергии, именуемой духом, мыслью и прочим, или же, напротив, мысль делает явным тело. Естественно, все религии доказывают, что энергия мысли проявляется в теле, а не наоборот. Некоторые школы современной науки утверждают, что мысль есть просто результат взаимодействия частей машины, именуемой телом. Приняв эту точку зрения, а именно, что дух, или мысль, или как это еще назвать, является производным от машины, производным от химических и физических процессов вещества, составляющего тело и мозг, мы ответа на вопрос так и не получаем. Откуда берется тело? Какая сила соединяет молекулы, придавая им форму тела? Что это за сила, которая берет материал из массы вещества и лепит мое тело таким образом, а другое — другим? Откуда это бесконечное многообразие отличий? Говорить, будто сила, именуемая душой, есть производная от сочетания молекул тела, — значит ставить телегу перед лошадей. А сами сочетания откуда взялись, какая сила сочетала их? Говорить, что другая сила была причиной сочетания, а душа — их производная, что эта душа, сочетавшая определенным образом некую часть вещества, сама была результатом сочетаний, — это не ответ. Требуется создать теорию, которая включала бы в себя и объясняла бы, если не все факты, то хоть большую их часть, не противореча другим существующим теориям. Куда более логично предположить, что сила, которая творит тело из массы вещества, есть та же сила, которая проявляет себя через тело. В таком случае утверждение, что мыслительная сила, проявляемая через тело, есть производная сочетания молекул и не может существовать независимо от них, лишено смысла. И не может сила эволюционировать из материи. Скорее, можно доказать несуществование того, что мы называем материей: это всего лишь одно из состояний энергии. Можно доказать, что твердость, прочность или любое иное качество материи есть результат движения. Ускорение кругообразного движения жидкости сделает ее твердым телом. Масса воздуха в кругообразном движении — торнадо — приобретает свойства твердого тела, способного при соприкосновении разрушать другие твердые тела. Паутинка, если ей придать очень большую скорость, приобретет крепость железной цепи и разрежет дуб. Таким образом, доказать, что материя не существует, нетрудно. Однако доказать обратное невозможно.

Что представляет собой энергия, проявляющаяся через тело? Чем бы она ни была, нам ясно, что она как бы составляет формы из частиц: например наше тело. Никто иной не производит тела для нас с вами. Я никогда не видел, чтобы кто-то ел за меня. Я сам должен усвоить пищу, превратить ее в кровь, в кости и во все прочее. Так что это за таинственная сила? Идея будущего и прошлого многих пугает. Другие воспринимают эту идею чисто умозрительно.

Давайте ограничимся настоящим временем. Что это за сила, которая проявляется в нас сию минуту? Мы знаем, что в древности во всех старинных священных книгах эта сила и ее проявление описывались в виде светоносной субстанции, имеющей форму тела и сохраняющей ее и после телесного распада. Позднее, однако, была выдвинута более высокая идея: светоносное тело не представляет собой эту силу, ибо все, имеющее форму, есть результат сочетания частиц, которые что-то должно было собрать вместе. Если тело создано чем-то, что само не является телом, следовательно, и светоносное тело должно быть создано чем-то, что им не является. Это нечто на санскрите получило имя *Атман*. *Атман* через светоносное тело созидает грубую оболочку, наше физическое тело. Светоносное тело считается носителем ума, *Атман* же находится за пределами его. *Атман* не есть ум: он действует через ум, созидая тело. У вас свой *Атман*, у меня — свой; у каждого собственный *Атман*, собственное светоносное, или тонкое, тело, через которые мы воздействуем на грубую внешнюю оболочку. Но тогда возника-

¹⁸ См. примеч. 14 к «Джняна-йоге».

ет вопрос о природе *Атмана*. Что собой представляет *Атман*, душа человека, который не есть ни тело, ни ум? На этот счет велись большие споры, выдвигались различные предположения, создавались философские концепции. Я постараюсь изложить вам некоторые заключения об *Атмане* и его природе.

Представители различных философских школ сходятся на том, что, чем бы ни был *Атман*, он не обладает формой или очертаниями, а то, что не обладает формой, должно быть вездесущим. Идея времени начинается с ума, равно как и идея пространства. Без времени не может существовать причинность, ибо причинность предполагает последовательность событий. Следовательно, время, пространство и причинность — в уме, *Атман* же, находящийся вне ума и не имеющий формы, должен быть вне времени, пространства и причинности. Если он вне времени, пространства и причинности, то он должен быть бесконечен. Тут мы подходим к высшей точке философии: двух бесконечностей быть не может. Если душа бесконечна, то может существовать только единая душа, а тогда все рассуждения о том, что у вас — своя душа, у меня — своя и прочее, не являются реальностью. Значит, Реальный Человек — это единый, бесконечный и вездесущий Дух. А тот человек, которого мы видим, есть лишь ограниченный вариант Реального Человека. В этом смысле мифологическое представление о том, что сколь бы ни был велик человек, он — лишь тусклое отражение Реального Человека вне этого мира, истинно. Он — Дух, находящийся вне причинно-следственных связей, не скованный ни временем, ни пространством, и должен быть свободен. Дух всегда свободен и иным быть не может. Человек же, его отражение, скован временем, пространством и причинностью, а следовательно, лишен свободы. Или, по словам некоторых наших философов, он представляется несвободным, хотя свободен по сути. Это и есть реальность наших душ — вездесущность, духовность, бесконечность. Всякая душа бесконечна, а потому не может возникать вопрос о ее рождении или смерти.

Был опрошен ряд детей. Им задавали трудные вопросы, среди которых был и такой: почему не падает Земля? Предполагалось, что дети скажут о законах гравитации. Большая часть детей вообще не могла ответить, некоторые знали что-то о земном тяготении, а одна маленькая умненькая девочка ответила вопросом на вопрос: а куда ей падать? Действительно, вопрос нелеп. Куда ей падать? Земля не может ни упасть, ни подняться, в бесконечности нет ни верха, ни низа, все относительно. А может ли быть в бесконечности приход или уход? Откуда приход и куда уход?

Когда человек перестает думать о прошлом и о будущем, когда он отбрасывает мысли о теле, поскольку оно приходит, уходит и тем ограничено, он восходит к более высокому идеалу. Реальный Человек — это не тело и это не ум, ибо у ума есть свои приливы и отливы. Это Дух вне всего, который единственный может жить вечно. И тело, и ум беспрестанно изменяются, строго говоря, это означает серию сменяющих друг друга состояний — как реки, чье течение кажется неизменным, но изменяется каждый миг. Каждая частица нашего тела непрестанно меняется, никто не может сказать, что у него то же тело, что и несколько минут назад, но все-таки мы воспринимаем наше тело как нечто постоянное. То же и ум: то счастлив, то несчастен, то могуч, то слаб — вечно меняющийся водоворот. Следовательно, наш ум — это не дух, ибо Дух бесконечен, а все изменчивое конечно. Абсурдно предполагать, будто бесконечное подвержено переменам. Какие перемены? Мы с вами, в наших ограниченных телах, можем двигаться, каждая частичка во вселенной находится в постоянном движении, но если взять вселенную в целом, то как единое целое она не может двигаться, она не может изменяться. Движение всегда относительно. Я двигаюсь относительно чего-то. Каждая частица во вселенной может меняться относительно другой, любой другой. Относительно чего может двигаться вся вселенная? Ведь ничего помимо нее нет. Итак, это бесконечное Единство неизменно, недвижимо, абсолютно, и это — Реальный Человек. Следовательно, наша реальность в Универсальном, не в ограниченном. Это давнее заблуждение, весьма уютное, — думать, что мы есть маленькие, постоянно меняющиеся существа. Человека пугает мысль о том, что он, по сути, есть Универсальное существо, вездесущее — каждым поступком, каждым шагом, каждым словом, каждым ударом сердца.

Люди пугаются, когда с ними говоришь об этом, и начинают спрашивать, что же будет с их индивидуальностью. А что такое индивидуальность? Я бы очень хотел ее увидеть. У малыша нет усов, став взрослым мужчиной, он может отпустить и усы, и бороду тоже. Если бы дело было только в его теле, то это означало бы утрату его былой индивидуальности. Будь это так, я бы утратил индивидуальность, лишившись глаза или руки. Пьяница не должен бы отказываться от выпивки, потому что он потерял бы свою индивидуальность. Вор не должен бы становиться честным человеком, так как он потеряет свою индивидуальность. И вообще каждый должен бы держаться за свои привычки и образ жизни. Единственная индивидуальность — в Бесконечном, ибо только оно не подвластно переменам. Все остальное находится в постоянном течении. Память тоже не может быть залогом индивидуальности. Допустим, меня ударят по голове и я забуду свое прошлое, мне — конец, я утратил индивидуальность. Я не помню первые два-три года младенчества, а если память и существование — одно, то, что забыто, утрачено навек. Забытая часть моей жизни — непрожитая часть. Мне это кажется чрезмерно узким подходом к индивидуальности.

Никто из нас пока еще не индивидуальность. Мы все стремимся к индивидуальности, которая есть Бесконечное, которая есть подлинная природа человека. Лишь тот живет, кто соотносит свою жизнь со всей вселенной, а чем больше мы связываем себя с конечными вещами, тем быстрее мы движемся к смерти. Мы по-настоящему

живы только в те минуты, когда наши жизни соединены со вселенной, с другими жизнями. Замкнуться в крохотном существовании — смерть, настоящая смерть, поэтому и возникает такой страх перед ней. Страх смерти можно преодолеть, лишь когда человек понимает, что он жив, пока есть хоть искра жизни во вселенной. Он ведь может сказать: я — во всем, я — во всех, я — вся жизнь, я — вселенная. После этого он уже ничего не боится. Это абсурд — рассуждать о бессмертии того, что непрерывно изменяется. Как сказал древнеиндийский философ, индивидуален только Дух, ибо он бесконечен. Бесконечность нельзя разделить на отрезки, она всегда едина, всегда та же, она и есть индивидуальность Реального Человека. Обычный человек — лишь олицетворенная попытка выразить, проявить ту индивидуальность, что вне всего; и эволюция не имеет отношения к Духу. Перемены идут своим чередом: негодяй становится добрым человеком, животное достигает людского уровня, но с какой точки зрения вы ни смотрели бы на них, они не имеют отношения к Духу. Это эволюция природы и проявление Духа. Представьте, что между вами и мной — завеса, а в ней дырка, сквозь которую я могу рассмотреть только несколько лиц, всего несколько. Теперь представьте, что дыра эта все расширяется, я вижу все больше и больше, пока наконец завеса не исчезнет и я не увижу вас всех. Вы же не изменились — дырка увеличивалась и росла, а вы постепенно проявляли себя перед моими глазами. Так же и Дух. Здесь нет движения к совершенству. Вы все и без того свободны и совершенны. Что такое идеи Бога, религии, поиск иного мира? Почему человек ищет Бога? Почему человек, где бы он ни жил, кем бы ни был, жаждет совершенного идеала, ищет его в человеке, в Боге, в чем-то еще? Да потому, что эта идея внутри нас. Это стучало ваше собственное сердце, а вы не знали и прислушивались к звукам извне. Это Бог внутри вас самих побуждает вас найти Его и самореализоваться. После долгих поисков в храмах и церквях, на земле и на небе вы возвращаетесь, завершив круг, к тому, с чего начинали, — к собственной душе. Там вы обнаруживаете Бога, которого искали по всему свету, плача и молясь в церквях и храмах. Тот, кого вы считали тайной из тайн, окутанной облаками, оказывается ближе близкого — в вашем «Я», в реальности вашего тела и души. Он и есть ваша природа, утвердитесь в ней, проявите ее в себе. Не ради того, чтобы очиститься, вы и без того чисты. Вам и к совершенству не надо стремиться, вы совершенны. Природа, как завеса, скрывала от вас реальность по ту сторону. Всякое ваше доброе дело или добрый помысел как бы разрывают эту завесу, и чистота, Бесконечное, Бог все отчетливее проявляются перед вашими глазами.

Такова вся история человечества. Завеса делается все тоньше и тоньше, свет сияет все ярче и ярче, потому что природа света в том, чтобы сиять. Это нельзя познать, наши старания тщетны. Будь это познаваемо, оно не было бы тем, что есть, — вечным субъектом. Знание объективизирует и тем самым ограничивает. А ваше собственное «Я» есть вечный субъект всего, вечный свидетель вселенной. Сравнительно с этим знание — шаг вниз, к ухудшению. Вы сами и есть вечный субъект, как нам познавать его? Это настоящая суть каждого человека, которую он все пытается выразить различными способами, а иначе — откуда столько этических кодексов? Где объяснение всей этике? Суть всех этических систем, выражаемая в разных формах, одна — делай добро другим. Побудительной силой человечества должно быть милосердие по отношению к человеку, милосердие ко всем животным. Но ведь это и есть выражение вечной истины: «Я» есть вселенная, единая вселенная. А какой еще может быть резон? С чего я должен делать добрые дела для ближнего, для людей вообще? Что меня заставляет? Симпатия, ощущение нашей одинаковости. Самые жесткие сердца подчас испытывают жалость. Даже человек, пугающийся мысли о том, что его воображаемая индивидуальность — просто заблуждение и что неприлично так цепляться за придуманную индивидуальность, даже он согласится, что сутью морали является полное самоотрицание. А что такое полное самоотрицание? Отказ от воображаемого «Я», отказ от себялюбия. Представление обо «мне» и «моем», *ахамкара* и *мамата*, — это предрассудки, унаследованные от прошлого, и чем дальше оттесняется нынешнее «Я», тем более явным становится настоящее «Я». Вот в чем смысл подлинного самоотречения, центр, основа, суть всех моральных учений, и, понимает это человек или нет, человечество медленно движется в эту сторону. Правда, большая часть человечества делает это неосознанно. Пусть она осознает, что делает. Надо идти на жертвы, надо понять, что все эти «я» и «мое» ограничивают подлинную природу человека. Но проблеск той бесконечной реальности, что позади, — искра бесконечного огня, который есть Все, представляет нынешнего человека, Бесконечное — его природа.

Какую пользу дает это знание, какой результат? В наш век все приходится измерять пользой — сколько это представляет фунтов стерлингов, шиллингов и пенсов. А какое право имеет человек требовать, чтобы истина измерялась пользой или деньгами? Ну, а если нет пользы, станет она менее истинной от этого? Польза не доказательство истины. Тем не менее, истина содержит в себе высочайшую пользу. Мы видим, что все ищут счастья, но большая часть людей ищет его в мимолетном и ненастоящем. Никогда не было человека, который нашел бы счастье в разуме. К тому же невежество есть источник всех страданий, а самое большое невежество заключается в предположении, будто Бог конечен. Мы, бессмертные, извечно чистые, совершенные в духе, принимаем себя за куцые умы и жалкие тела и оттого проявляем эгоизм — вот основа всего невежества. Стоит мне поверить, будто я и есть вот это маленькое тело, как мне начинает хотеться сохранить его, защитить, украсить за счет других тел, и тут я и вы, мы становимся разделенными. А едва лишь мы воспримем себя по отдельности, сразу начинаются страдания и беды. Полезность знания в том, что, даже если незначительная часть ныне живущих людей сумеет

отказаться от эгоизма, узости и мелочности, земля уже завтра превратится в рай. Однако этому не бывать, если совершенствоваться будут только машины и знание материи — это только подольет масла в пожар страданий и бед. Без духовного знания материальное знание лишь подливает масла в огонь, вкладывая в руки эгоистичного человека дополнительное средство для того, чтобы обогащаться за счет других, жить за счет других жизней, вместо того чтобы собственную отдавать за них.

Задают и еще один вопрос: практично ли это? И применимо ли это в современном обществе? *Истина не склоняется перед обществом, древним или современным. Общество должно склониться перед Истиной или погибнуть.* Общественные устройства должны иметь своей основой Истину, а не приспособлять Истину к своим идеям. Если истина столь благородная, как бескорыстие, неприемлема для общества, человеку лучше покинуть такое общество и уйти в леса. Так поступит отважный. Существует два вида отваги: отвага не устрашиться пушек и отвага духовной убежденности. Один император, войско которого вторглось в Индию¹⁹, получил совет от своего учителя — повидать индийских мудрецов. Император долго искал мудреца и наконец нашел глубокого старика, сидевшего на камне. Поговорив немного с ним, император восхитился его мудростью и позвал его в свою страну. «Нет, — отвечивал мудрец. — Я доволен жизнью в этом лесу». — «Но я повелитель мира! Я щедро награжу тебя», — «Нет, — повторил мудрец, — я не нуждаюсь в богатстве». — «Тогда я прикажу убить тебя!» — пригрозил император. «Это самое глупое из всего, что ты сказал, император, — спокойно улыбнулся старик, — Не можешь ты убить меня. Меня не может сжечь солнце, не может опалить огонь, не может погубить меч, ибо я свободен от рождения и смерти, я вечно живой, всемогущий, вездесущий Дух».

Это — отвага духа, другая же есть отвага тигра или льва.

Во время Восстания 1857 года²⁰ индусского *йога*, человека великой души, ударил ножом мусульманин-повстанец. Индусские повстанцы поймали его, привели к *йогу* и хотели убить, «Брат мой, — сказал *йог*, — ты есть Он, ты ведь есть Он!» С этими словами он испустил дух.

Что толку бахвалиться силой мускулов, рассуждать о превосходстве западных институтов, если вы не можете сделать Истину приемлемой для вашего общества, если вы не можете построить общество, приемлемое для высочайшей Истины? Что толку хвастаться величием и великолепием, если вы встаете и заявляете: такого рода отвага непрактична. Не является практичным ничто, кроме фунтов, шиллингов, пенсов? А раз так, что вы гордитесь своим обществом? *Самое великое общественное устройство то, в котором великие истины становятся практичными.* Это мое убеждение, а если общество непригодно для великих истин, сделайте его пригодным, и чем скорее, тем лучше. Поднимитесь, мужчины и женщины, наберитесь храбрости поверить в Истину, наберитесь храбрости жить ею! Миру нужно хоть несколько сотен смелых людей. Наберитесь храбрости, которая решается познать Истину, продемонстрировать Истину в жизни, не дрогнуть перед смертью, более того, готова призвать смерть, ибо человек, который понял, что он есть Дух, знает, что его нельзя убить. Тогда вы будете свободны. Тогда вы познаете свое подлинное «Я». «Сначала надо услышать об *Атмане*, потом думать о нем, потом сосредоточиться на нем всеми помыслами»²¹.

В наше время появилась тенденция придавать больше значения работе, чем размышлению. Очень хорошо совершать поступки, но к поступкам приводит мысль. Работа — незначительное проявление энергии через мускулатуру. Но где нет мысли, там нет и работы. А потому наполните ваш мозг мыслями о высоком, о высочайших идеалах, пусть они будут перед вами день и ночь, и плодом этого станет великий труд. Говорите не о грязи, а о том, что мы чисты. Мы загнипнотизировали себя мыслями о собственной незначительности, о том, что, родившись, мы должны умереть, и мы живем в постоянном страхе.

Есть легенда о львице, которая, нося маленького, отправилась на охоту²². Увидев стадо овец, она прыгнула на

¹⁹ В индийской традиции пока что не выявлено прямых свидетельств вторжения войска Александра Македонского в Индию (IV в. до н. э.). Сочинения же многих сподвижников Александра (Неарха, Онесикрита и др.) положили начало целой серии во многом достоверных свидетельств об Индии в западном мире. Изложенный сюжет является одним из самых популярных в античной традиции, он восходит к свидетельству Мегасфена, посла селевкидского царя при дворе Чандрагупты, зафиксированному в труде Мегасфена «Индика». Достоверность описания Мегасфена воспринимается многими исследователями по-разному, поскольку сама «Индика» не сохранилась, а грекоязычные писатели римского времени (Страбон, Диодор, Арриан и др.), включая в свои сочинения текст Мегасфена, как правило, не указывали, где именно они использовали его текст.

Беседа Александра с мудрецом (греки называли мудрецов «гимнософистами», то есть «нагими мудрецами») воспроизводится у Страбона (Страбон, XI, 1, 61—65). Существуют версии того же сюжета и на славянских языках.

²⁰ Восстание 1857—1859 гг. было первым серьезным выступлением индийского народа против британского господства.

²¹ Пересказ Брихадараньяка-упанишады, II, 4, 5.

²² С этой очень часто используемой Вивеканандой притчей о львице соотносится так называемая «легенда о Шабаре» из сутр санкхьи. Некий принц был украден из дома и воспитан в бедности в хижине лесного дикаря Шабары. Когда же министр разыскал принца и открыл ему его происхождение, его истинную природу, юноша стал вести себя истинно по-царски (Санкхья сутры, IV, 1). Тот же сюжет повторен и у Рамануджи, Брахма сутры Бадараяны, IV, IV, 22; очевидно, он часто использовался в текстах различных жанров в подтверждение того блага, которое дает человеку истинное знание.

добычу и умерла в прыжке. Но льенок все-таки родился. Его подобрали овцы, он рос в стаде, щипал себе травку и блял по овечьи. Со временем он превратился в большого льва, однако продолжал считать себя овцой. И вот однажды к стаду подобрался другой лев и с изумлением увидел, что вместе с овцами от него убегает лев. Он пытался поймать его, чтобы сказать, что они одной породы, но бедный лев удрал во все лопатки... И все же однажды лев наткнулся на овцу-льва, отдохавшего под деревом, и сказал ему: ты лев! Нет, возразил тот, я овца! Тогда лев потащил его к озеру и велел: смотри, вот твое отражение, а вот — мое! Сходство мгновенно преобразило овцу во льва, он больше не блял, он зарычал. Вы — львы, вы чистые души, бесконечные и совершенные. Вы несете в себе всю мощь вселенной. «О чем ты плачешь, мой друг? Для тебя нет ни рождения, ни смерти. Отчего же ты плачешь? Для тебя нет ни болезни, ни страдания, ты подобен бескрайнему небу, по которому проносятся облака, окрашенные в разные тона. Облака проносятся и тают, а небо сохраняет извечную синеву»²³.

Почему мы всюду видим зло? Воришка споткнулся в темноте о пень и вскрикнул: полицейский! А юноше, ожидавшему возлюбленную, показалось, что это она. Малыш, наслушавшись страшных сказок, принял пень за призрак и испугался. Пень же все равно оставался собой. Мы видим мир таким, каковы мы сами. Представьте себе, что в комнате ребенок, а на столе мешок золота, пришел вор и украл золото. Поймет ребенок, что украли? Что в нас внутри, то мы видим и снаружи. Ребенок не знает, что такое воровство, и вора он не распознал. Это относится ко всему знанию. Не нужно говорить, что мир порочен, что все погрязли в грехах. Горюйте оттого, что вы пока еще не можете не видеть пороки, горюйте оттого, что вы повсюду видите грехи, и, если вы желаете помочь миру, не осуждайте их. Не делайте мир еще слабее. Ибо что такое грех и что такое страдание и все прочее, как не результат слабости? Проповедники, проклинающие зло, делают мир все слабее с каждым днем. Людей с детства приучают к мысли о том, что они слабы, что они грешны. Учите их понимать, что они прекрасные дети бессмертия, даже те, кто слишком слаб, чтобы явить свою силу. Пусть с самого детства в их мозгу запечатлеваются позитивные, сильные, помогающие жить мысли. Откройте этим мыслям, а не тем, что ослабляют и парализуют вас. Повторяйте в уме: «Я есть Он, я есть Он»²⁴. Пусть эти слова, как песня, звучат день и ночь в ваших умах. Это Истина: вам принадлежит беспредельная мощь вселенной. Освободитесь от суеверий, заполонивших ваши мозги. Будем отважны. Познаем Истину и будем жить ею. Что из того, что цель далека, пробуждайтесь, поднимайтесь и не останавливайтесь, пока не достигнете цели.

²³ Источник цитирования не выявлен.

²⁴ Одно из самых известных «великих речений» («махавакья») Упанишад: на санскрите звучит как «сохам»; включено в Хамса-упанишаду (2) и в Иша-упанишаду (5).

МАЙЯ И ИЛЛЮЗИЯ

Вы почти все слышали слово *майя*. Обычно оно толкуется, неверно толкуется, как иллюзия, как заблуждение или что-то в этом же роде. Но теория *майи* является одной из опор *веданты*, поэтому чрезвычайно важно правильно понимать его смысл. Я прошу вас быть терпеливыми, поскольку это не очень просто понять. Первое, наиболее древнее значение слова *майя*, в каком оно употребляется в ведической литературе, как раз и есть заблуждение, но в те времена настоящей теории еще не было. Мы находим там выражения типа: «Индра через свою *майю* принимал различные образы»²⁵. Действительно, в этом случае *майя* означает нечто вроде магии, как и во многих других случаях. Затем слово *майя* вышло из употребления, но идея продолжала развиваться. Позднее возник вопрос: почему мы не можем познать тайну вселенной? Ответ весьма знаменателен: потому что мы говорим впустую, потому что нас удовлетворяет данное через чувства и потому что мы следуем нашим желаниям — этим мы как бы покрываем Реальность туманом. Слово *майя* здесь отсутствует, но есть мысль о том, что причиной нашего невежества является некий туман, клубящийся между нами и Истиной. Значительно позднее, в одной из Упанишад, снова встречается слово *майя*, однако в преображенном виде, вобравшем в себя массу новых значений. Множество теорий выдвигалось и рушилось, пока, наконец, не была сформулирована идея *майи*. Мы читаем в «Шветашватаре-упанишаде»: знай, что природа есть *майя*, а правит *майей* сам Бог²⁶. Различные философы по-разному толковали слово *майя*, пока его толкование не предложил великий Шанкарачарья²⁷. Теорией *майи* занимались в известной степени и буддисты²⁸, но у них это скоро превратилось в то, что называется идеализмом, и этот смысл обычно придается *майе*. Когда индус говорит, что мир есть *майя*, то это понимается в том смысле, что мир есть иллюзия. В этом есть резон, поскольку одна из буддийских философских школ отрицала реальность мира. Однако в *веданте*, в ее наиболее развитой форме, *майя* — это не идеализм, и не реализм, и не теория тоже. Не теория, но простое утверждение фактов — что мы есть и что видим вокруг себя.

Как я уже сказал, люди, создавшие Веды, стремились следовать принципам, открывать принципы. Им не хватало времени разрабатывать детали или ждать их: они стремились проникнуть в суть вещей. Что-то запредельное настойчиво призывало их, и они не могли ждать. Мы обнаруживаем, что разбросанные по Упанишадям детали дисциплин, которые сегодня мы назвали бы точными науками, ошибочны, однако общий принцип верен. Например, теория мирового эфира — одна из новейших научных гипотез сегодня — в нашей древней литературе разработана даже лучше, чем нынешняя, но лишь в принципе²⁹. Пытаясь доказать теоретические принципы, древние делали множество ошибок. Теория единого, всеобъемлющего принципа жизни, проявлениями которого надо считать все формы существования вселенной, была выдвинута уже в ведические времена, упоминания о ней содержат в себе *брахманы*. В *самхитах* есть длинный гимн, воспевающий *прану*³⁰ проявлением которой становятся все формы жизни. Кстати, вас может заинтересовать и то, что в ведической философии содержатся и теории возникновения жизни на Земле, чрезвычайно близкие к гипотезам современной европейской науки. Вам, без сомнения,

²⁵ Пересказ Брихадараньяка-упанишады, II, 5, 19.

²⁶ Пересказ Шветашватара-упанишады, IV, 10.

²⁷ *Шанкарачарья* (Шанкара) — крупнейший индийский философ-ведантист, с именем которого связывается разработка адвайта-веданты, одного из трех направлений веданты. Жил в 788—820 гг. н. э., хотя единства мнений в этом вопросе нет. Традиция приписывает ему более трехсот сочинений. Принято считать доказанным его авторство комментариев к Брахма сутрам Бадараяны, к Бхг., к некоторым Упанишадям. Широко известна его работа «Сокровище различения» (Вивекачудамани), построенная как наставление учителя юному искателю истинного знания.

«Адвайта» переводится как «чистый монизм»: кроме Абсолюта, Брахмана, Единого, безличного основания всего сущего, не существует более ничего. Как нить проходит через ожерелье, как из костра сыплются искры, как волны вспениваются в океане и растекаются каплями, так и это Единое пронизывает, обнимает собой все сущее. Но такое видение мира доступно только знающему, озаренному, который смотрит на все окружающее и видит во всем одну только кажимость.

²⁸ Имеются в виду виджнянавадины, последователи учения, согласно которому реальны лишь идеи, представления, но не существуют подлинные предметы и явления, которые им соответствуют. Шанкару часто называли «скрытым буддистом»: многое в его учении сопоставимо с буддийскими представлениями.

²⁹ Вивекананда пытается соотнести концепцию эфира, разрабатываемую европейскими физиками конца XIX в., с представлениями об «акаше», пространстве, известными уже по Упанишадям. Однако ошибочны сами исходные основания соотнесения: в Упанишадах речь идет о психофизическом источнике бытия, тогда как европейская наука ориентируется на познание действительности путем выявления закономерностей развития материального мира.

³⁰ Имеется в виду, скорее всего, гимн-загадка из Ригведы, I, 164, где с праной как основой сущего связывается строка 33. Оснований сближать древнеиндийские представления о «жизненном принципе» с европейскими теориями XIX в. (как это делает Вивекананда) нет: в Упанишадах «жизненный принцип» не относится лишь к физической или физиологической сферам, он понимается как космический принцип, включающий в себя и физический мир, и человека как психофизическую реальность.

известна гипотеза о том, что жизнь на Землю занесена с других планет. Одна из школ ведической философии утверждает, что жизнь была занесена с Луны³¹.

Возвращаясь к принципам, мы обнаруживаем поразительную смелость мысли ведических философов, формулировавших весьма обобщенные теории. Их решение загадки вселенной через чувственный мир было предельно удовлетворительным. Подробнейшие разработки современной науки ни на шаг не приблизились к этому решению, ибо строились не на том принципе. Если в древние времена теория эфира не смогла предложить разгадку тайны вселенной, то, сколько бы ни разрабатывались детали этой теории, они не могут приблизить нас к истине. Если теория всеобъемлющей жизненной субстанции оказалась несостоятельной как теория вселенной, то никакие детальные разработки не изменят положения вещей, поскольку детали не изменяют фундаментальный принцип. Я хочу сказать, что, вырабатывая фундаментальные принципы, индусские мыслители проявили не меньшую, а подчас даже большую смелость, чем современные ученые. Мыслители древности пришли к столь грандиозным обобщениям, что иные из них по сей день остаются гипотезами, другие же современная наука даже не возвела еще в ранг гипотез. Например, не ограничиваясь теорией мирового эфира, индусские мыслители сделали шаг вперед и причислили к мировому эфиру ум как наиболее разреженную его разновидность³². Но и это не было решением проблемы. Никакое знание о мире вне нас эту проблему не решало. Минутку, возражает ученый, мы пока еще мало знаем, мы предложим решение через пару тысячелетий. Отнюдь, отвечает ведантист, для которого уже несомненно, что ум человека ограничен рамками времени, пространства и причинности. Как не может человек выскочить из себя, так не может его ум выйти за пределы, установленные временем и пространством. Любая попытка найти выход из законов причинности, времени и пространства обречена на неуспех, ибо саму попытку придется делать, исходя из реальности существования этих трех законов. В таком случае что означает утверждение о существовании мира? «Этот мир не существует»³³. А что это значит? Это значит, что мир не существует в абсолютном смысле. Он существует только в отношении к моему уму, вашему уму, уму всех прочих. Мы воспринимаем мир через пять органов чувств, но, будь у нас шестое, мы бы воспринимали нечто дополнительное. И мир, воспринятый шестью органами чувств, выглядел бы несколько иным. Таким образом, реально мир не существует — не обладает такими качествами существования, как неизменность, неподвижность, бесконечность. Но нельзя говорить о несуществовании мира, который, как мы видим, существует, и нам надо действовать в нем и через него. Получается некая смесь существования и несуществования.

Переходя от абстракций к конкретным повседневным подробностям нашего бытия, мы обнаруживаем, что вся наша жизнь есть сплошное противоречие, смешение существования и несуществования. Мы видим противоречивость нашего знания: с одной стороны, кажется, что человек способен познать все, что он желает знать, а с другой, сделав всего несколько шагов, он упирается в глухую стену. Его труды водят его по замкнутому кругу, из которого человек не может вырваться. Его непосредственные проблемы понуждают его двигаться вперед и настойчиво требуют решения, но решить их человек не может, поскольку не может пойти дальше рамок своего интеллекта. Желание познания, однако, прочно укоренено в нем, хотя он и знает, что лучше всего удержаться от удовлетворения этого желания. Каждый наш вдох, каждый удар нашего сердца требует от нас эгоизма, но в то же самое время что-то нам беспрестанно подсказывает, что добро для нас только в преодолении эгоизма. Ребенок рождается оптимистом, он видит золотые сны. В юности его оптимизм еще больше укрепляется: юноше трудно поверить в то, что на свете есть смерть, есть поражение или унижение. Но потом приходит старость, и жизнь оказывается

³¹ Имеются в виду ведантистские теории о двух путях, по которым идут умершие (путь богов и путь предков).

Тексты, посвященные рассказам о потустороннем мире предков, куда уходят усопшие, есть уже в Ригведе (IX, 113, 7. 11 и др.); владыкой его является бог Яма. В послеведийский период (в текстах упанишад и брахман) бог Яма приобрел черты бога-судьи, отправляющего душу либо в рай (сварга), либо в ад (нарака). В Упанишадах появляется идея перерождений; соответственно, пребывание в раю или аду стало осмысливаться уже как только временное прибежище души. Упанишады предложили новые подходы, которым следовали и ведантисты: путь богов, деваяна (северный путь) таков: погребальный костер — пламя — день — светлая половина месяца — полугодие растущего солнца — мир богов — солнце — луна — молнии — миры Брахмана (Брахмалока) — умерший выходит из круга перерождений (Чхандогья-упанишад, IV, 15, 5 и др.). Другой путь есть путь предков, питрияна (южный путь), он соответствует перерожденческому циклу: душа через дым идет к Луне, пребывая там до тех пор, пока не истощится его карма, затем он опять возвращается в земной мир (Чхандогья-упанишад, V, 10; Брихадараньяка-упанишад, IV, 4, 23 и др.). Наконец, есть и третий путь: он соотносится с теми, кто идет в царство Ямы, то есть теми, кто не обладает знанием, не соблюдает ритуалы, ведет неблагочестивую жизнь, а потому возрождается как насекомые, животные и пр. Вивекананда, говоря о жизни, занесенной с Луны, имеет в виду этот процесс, объясняющий, с его точки зрения, появление человека на земле.

³² Имеется в виду понимание интеллекта как продукта эволюции материи. Санкхья разрабатывает теорию эволюции вселенной (позднее с определенными оговорками воспринятую и адвайтой), согласно которой интеллект является самым первым эволютом пракрита. Он ближе всех стоит к пуруше, чистому сознанию: сам он становится сознательным и разумным как раз потому, что отражает пурушу. Так кусок хрустала, лежащий рядом с красной тканью, сам становится красным.

³³ Пересказ Брахма сутры бхашья Шанкары (II, 1, 14): «истинным бытием обладает один лишь Брахман, а этот мир не существует».

грудой обломков, золотые сны улечиваются и человек испытывает один только пессимизм. Так мечемся мы между крайностями, швыряемые природой, не понимая, куда идем. Мне это напоминает знаменитую песнь из «Лалитавистары»³⁴, биографии Будды. Там говорится, что Будда, рожденный быть спасителем мира, забылся в роскоши царского дворца. К нему слетелись ангелы, чтобы пробудить его своей песнью. Ангелы пели о том, что человека несет по течению реки жизни, воды которой неутомимо и непрестанно изменяются. Так же и жизни наши, которые текут и текут, не зная покоя. Что же нам делать? Человек, у которого всего в достатке, старается не вспоминать о бедах, ибо мысли эти страшат его. Не говори с ним о скорбях и страданиях мира, говори с ним о том, что все прекрасно. «О да, — ответит он. — Я благоденствую. Я живу в отличном доме, я не страдаю от голода и холода, а потому не рисуйте мне картины ужасов».

Но есть и другие, кто умирает от голода и холода. Если прийти к ним с проповедью о том, что мир прекрасен, они не станут и слушать. Как могут они желать счастья другим, когда сами несчастны? Так мечемся мы между оптимизмом и пессимизмом.

И существует нечто громадное — смерть. Весь мир движется к смерти, все умирает. Весь наш прогресс, наше тщеславие, наши реформы, наш комфорт, наше богатство, наше знание — все кончится смертью. Это единственное, в чем мы уверены. Строятся и разрушаются города, возникают и распадаются империи, планеты крошатся и рассыпаются пылью, разносимой потом по атмосферам других планет. Так было с безначальных времен. Смертью кончается все: жизнь, красота, богатство, власть и добродетель тоже. Умирает святой и грешник, король и побирушка. Все движется к смерти, но не прекращает цепляться за жизнь. Мы и сами не знаем, отчего мы так льнем к ней, но тяга к жизни неодолима. И это — *майя*.

Мать с нежностью нянчит младенца, в нем вся ее душа, вся ее жизнь. Вот ребенок вырос, стал мужчиной, и может случиться, что вырос он негодяем и мерзавцем, который избивает собственную мать, но мать все равно льнет к сыну, а когда разум требует от нее иного, она набрасывает на разум завесу любви. Ей и в голову не приходит, что это вовсе не любовь, что это какие-то другие нервные импульсы, которые она не в силах усмирить. Сколько бы ни старалась она, ей не вырваться из оков рабства. И это — *майя*.

Мы все стремимся за золотым руном, и каждый надеется, что оно достанется именно ему. Всякий разумный человек отдает себе отчет в том, что его шанс один на миллион, но все рвутся к этому единственному шансу. И это — *майя*.

Смерть днем и ночью бродит по свету, но мы все равно считаем, что будем жить вечно. Однажды царя Юдхиштиху спросили³⁵: что самое удивительное на этом свете? Царь ответил: мы каждый день видим, как умирают люди вокруг, но каждый думает, что он не умрет. И это — *майя*.

Мы повсюду наталкиваемся на противоречия: в нашем интеллекте, в нашем знании, во всех проявлениях жизни. Реформатор горит желанием исцелить общество от пороков, но прежде чем успеет он исцелить одно, тысячи других зол возникают рядом. Это подобно старому дому, который вот-вот рухнет: его починили в одном месте, он стал обваливаться в другом. Индийские реформаторы негодуют по поводу обычая, запрещающего вдове вторичное замужество³⁶. На Западе бедою общества считаются одинокие женщины. Помогите одиночкам, они страдают. Помогите вдовам, они страдают. Это как хронический ревматизм: отпустило шею — перешло на поясницу, а оттуда в ноги. Реформаторы требуют, чтобы образование, богатство и культура перестали быть привилегией немногих, стараются изо всех сил, чтобы доступ к ним открыть для всех. Возможно, кого-то они сделают счастливым, а может быть, доступ к культуре лишает человека физического счастья. Знание того, что есть счастье, дает и знание того, что есть несчастье. Так в какую сторону идти нам? Даже незначительный уровень благосостояния одних другим стоит стольких же бед, таков закон. Молодые могут этого не понимать, но человеку, который долго жил и знает жизнь, все ясно. И это — *майя*. Такой порядок продолжается и продолжается, а выхода нет. Почему жизнь так устроена? Невозможно дать ответ, поскольку невозможно логически поставить вопрос. Для фактов не существует ни «как», ни «почему», факты — это просто факты, и ничего тут не поделаешь. Мы даже не в силах понять это, создать верный образ в уме, где уж нам решить проблему жизни.

Майя — это признание факта вселенной, ее устройства. Людей пугают эти факты, выраженные словами, но

³⁴ «Лалитавистара» — «Подробное описание (игр) Будды» — жизнеописание Будды. Написана на смеси санскрита и пракритов; предположительное время написания — V в. н. э. Считается одним из самых авторитетных текстов северного буддизма, содержит много упоминаний о философской жизни Древней Индии.

³⁵ Имеется в виду эпизод из Махабхараты, который Вивекананда трактует как изложение реальных исторических событий, имевших место в Индии примерно пять тысяч лет тому назад, и соответственно называет героя эпоса Юдхиштиху некогда реально жившим царем.

³⁶ С первой трети XIX в. в Индии начался процесс преобразования индуизма, приспособления его теории и практики к новым общественным потребностям. Один из зачинателей реформации, Р. М. Рай (1772—1833), был широко известен своей борьбой против практики самосожжения вдов; велик вклад в борьбу с ортодоксией К. Ч. Сена (1838—1883), Даянанды Сарасвати (1823—1883) и др. Их деятельность была многоплановой, и одним из наиболее заметных ее направлений была борьба за улучшение женского образования, за изменение их зависимого положения и пр.

человек должен быть отважен. Бегство от реальности — не способ найти решение. Говорят, преследуемый собаками заяц, прячет голову в лапы и считает, что спасен; стараясь быть оптимистами, мы ведем себя, как зайцы, но это не выход. Иные с этим спорят, но, как правило, спорят те, кто владеет благами жизни. Живя в Англии, трудно быть пессимистом. Здесь все, мне рассказывают, так прекрасно устроено, так прогрессивно. Но каждый видит устройство мира в зависимости от того, как устроен сам. Идут все те же старые разговоры: христианство является самой подлинной религией мира, поскольку христианские страны процветают! Однако это утверждение содержит в себе внутреннее противоречие, так как процветание христианских стран построено на истощении стран нехристианских, превращенных в жертвы чужого благоденствия. А если представить себе, что весь мир станет христианским и больше не будет нехристианских стран, за счет которых могут процветать другие, то христианские страны обнищают. Следовательно, утверждение обращается против себя. Животные живут за счет растений, человек — за счет животных, самое же ужасное, что у людей сильный живет за счет слабого. Это происходит повсюду. И это — *майя*.

Какой же выход здесь может быть? Каждый объясняет проблему по-своему, и все сходятся на том, что в конечном счете все будет хорошо. Если принять на веру, что все будет хорошо, то хочется спросить: почему к хорошему нужно идти этим дьявольским путем? Почему нельзя достигнуть добра добром? Наши потомки будут жить счастливо. Почему же сейчас в мире столько страдания? Нет выхода. И это — *майя*.

Нам часто говорят, что одно из свойств процесса эволюции — это исключение зла, а поскольку эволюция продолжается, то зла становится все меньше и в конце концов в мире останется только добро. Это очень приятно слышать, это успокаивает совесть тех, кто располагает достаточными благами, чтобы не вести жестокую повседневную борьбу за выживание, чтобы не попасть под колеса так называемой эволюции. Это очень милая и утешительная теория для счастливчиков. Если страдает быдло, их это не касается: кому нужно быдло, пусть себе вымирает. Прекрасно, но линия рассуждения порочна от начала до конца. Прежде всего делается допущение, что добро и зло, существующие в мире, являются абсолютными реальностями. Затем делается еще худшее допущение: добро увеличивается количественно, зло количественно уменьшается. Таким образом, поскольку количество зла уменьшается в процессе того, что называется эволюцией, то должно наступить время, когда зло полностью исчезнет, а то, что останется, будет чистым добром. Легко сказать, но есть ли доказательства количественного уменьшения зла? Возьмем для примера человека, который живет в лесу, не знает, как развить свой интеллект, не может прочесть книгу, никогда не слышал о существовании письменности. Если он серьезно поранит себя, он скоро поправится, мы же можем умереть от царапины. Машины производят дешевую продукцию, обеспечивают прогресс и эволюцию, но при этом миллионы надрываются, чтобы сделать богатым одного. Один богатеет, но тем временем тысячи нищают, а массы людей превращаются в рабов. Лесной обитатель живет своими ощущениями, он чувствует себя несчастным, если ему не хватает пищи, если что-то случается с его телом. И счастье его, и несчастье определяются органами его чувств. По мере того как человек прогрессирует, горизонты его счастья расширяются, но пропорционально расширяются и горизонты его несчастья. Пока он жил в лесу, он не знал, что такое ревность, он не знал, что такое судиться, платить налоги, подвергаться общественному осуждению, день и ночь подчиняться самому жестокому диктату, какой только способна изобрести дьявольская хитрость человека. Он не знал, что человек может быть в тысячу раз коварней любого животного, тщеславиться своим знанием и превосходством. Покидая мир простых чувствований, мы развиваем в себе дополнительные способности наслаждаться, которые означают и новые возможности страдать. Наша нервная система развивается, и мы испытываем большие страдания. Бесхитростный человек обращает мало внимания на обиды, если его побить, он понимает что к чему. Джентльмену же не вынести и одного обидного слова, так тонка его нервная организация. Он научился разнообразить свои удовольствия, и вместе с этим возросла его способность страдать. Возрастает способность быть счастливым, и возрастает способность страдать. Я иногда думаю, что если наша способность наслаждаться возрастает в арифметической прогрессии, то способность страдать растет в прогрессии геометрической. Говоря о прогрессирующем человечестве, мы знаем, что прогресс открывает перед нами все больше возможностей и мучиться, и радоваться. И это — *майя*.

Таким образом, *майя* — это не теория, объясняющая мир, а простое утверждение факта: противоречива сама основа нашего существования, следовательно, противоречиво все, что происходит с нами: где есть добро, там непременно есть и зло, а где есть зло, там должно найтись и добро; за всякой жизнью смерть следует, как тень, за каждой улыбкой следуют слезы, и наоборот. И это непреложно. Мы можем мечтать найти такое место, где будет существовать одно добро, без зла, где будет только смех, где неизвестны слезы. Но это невозможно в силу самой природы вещей.

Мы видим, что философия веданты не оптимистична и не пессимистична, она приемлет все, как оно есть. Согласно этой философии, в мире смешаны добро и зло, радость и страдание, так что если прибавится одно, то неизбежно прибавится и другое. Невозможен ни мир совершенного добра, ни мир совершенного зла, это терминологическое противоречие. Великая тайна, раскрытая этой философией, заключается в том, что между добром и злом нет четкой разделительной линии, они не отделены друг от друга. В этом мире нет ничего, что можно было

бы назвать абсолютным добром, как нет ничего, что можно счесть абсолютным злом. Явление, которое сегодня кажется хорошим, может завтра показаться плохим. Что делает несчастным одного, может послужить счастьем другого. Огонь, который вызывает озноб у ребенка, может послужить для приготовления пищи голодному. Одни и те же нервные волокна передают нам ощущения удовольствия и боли. Следовательно, уничтожить зло можно только уничтожив и добро, иного пути нет. Если мы хотим остановить смерть, нам придется остановить и жизнь. Жизнь без смерти и радость без страдания — противоречия, одно не существует без другого, поскольку оба есть разные проявления одного и того же. То, что мне казалось добром вчера, сегодня я добром больше не считаю. Мне стоит лишь оглянуться на прожитые годы и вспомнить, какими идеями я руководствовался в разные времена, чтобы убедиться в этом. Было время, когда мне хотелось научиться управлять упряжкой сильных коней, потом я думал, что, если только я сумею готовить сладости, я буду счастлив, еще позднее начал думать, что полное удовлетворение получу от жены, детей и уймы денег. Сегодня мне смешны все эти полудетские мечтания.

Философы веданты учат: непременно наступает час, когда, оглядывая прошлое, мы находим смешным страх утратить индивидуальность. Каждому из нас хотелось бы никогда не расставаться со своим телом, но наступает час, когда это желание нас смешит.

Но если так, то нам никогда не выбраться из противоречия — не существование и не его прекращение, не страдание и не счастье, но вечное смешение всего, Зачем в таком случае нужна веданта, да и другие философии и религии? А главное, зачем в таком случае нужно творить добро? Этот вопрос неизбежно приходит на ум. Если верно, что невозможно делать добро, не творя при этом и зло, если всякая попытка познать счастье оборачивается и несчастьем, то к чему стремление к добру? В ответ можно сказать, что прежде всего необходимо облегчать участь страдающих, ибо это единственный способ стать счастливым. Каждый из нас рано или поздно приходит к этому пониманию: более смысленные — раньше, менее — позже, и им приходится дорогой ценой расплачиваться за позднее открытие. Затем мы обязаны делать свое дело, поскольку нет иного пути избавиться от полной противоречий жизни. Вселенная жива для нас как силами добра, так и силами зла, и это будет продолжаться до тех пор, пока мы не пробудимся ото сна и не перестанем строить замки из песка. Нам придется усвоить этот урок, но на это уйдет очень, очень много времени.

В Германии делались попытки создания философской системы на основе Бесконечного, становящегося конечным³⁷. Подобные попытки делаются и в Англии. Анализ позиции этих философов показывает, что, по их мысли, Бесконечное, стремящееся выразить себя через вселенную, со временем преуспеет в этом. Все это прекрасно, и мы тоже пользовались терминами «Бесконечное», «проявление», «выражение» и прочими, но дело в том, что философы требуют логического фундаментального обоснования постулата: конечное способно в полной мере выразить Бесконечное. Абсолют и Бесконечное могут стать этой вселенной, лишь ограничив себя. Все, что проходит через наши органы чувств, или через ум, или через интеллект, не может не быть ограниченным, конечным, а конечное не может быть Бесконечным, это чистейший абсурд, этого не бывает.

Философы веданты утверждают, что, хотя Абсолют, или Бесконечное, и стремится выразить себя через конечное, наступит время, когда станет ясна невозможность этого, придется отступить, отступление же означает отрешение, которое является подлинным началом религии. Сейчас об отрешении трудно даже говорить. В Америке обо мне писали, что вот приехал человек из страны, которая умерла и захоронена уже пять тысячелетий назад, и толкует об отрешении. Возможно, такой же точки зрения придерживаются и английские философы. Однако отрешение составляет только часть религии. Что говорил Христос? «Кто отдаст жизнь за меня, тот обретет ее»³⁸. Он снова и снова обращался к проповеди отрешения, видя в нем единственный путь к совершенствованию. Приходит час, когда ум пробуждается от долгого и тяжкого сна, ребенок бросает игру и снова тянется к матери. Раскрывается истина постулата: желание никогда не удовлетворяется исполнением желаний, оно лишь сильнее разгорается, как огонь, в который подливают масло.

Это справедливо и в отношении чувственных желаний, и в отношении интеллектуальных страстей, и в отношении всего иного, на что способен ум человеческий. Желания ничто, все они заключены в *майе*, в сети, из которой нам не выпутаться. В ней можно барахтаться бесконечно, не находя выхода, и всякий раз, когда мы стараемся урвать толику наслаждения, на нас обрушивается лавина страдания. Как ужасно все это! Задумываясь над этим, я не могу не прийти к заключению, что теория *майи*, утверждающая, что все есть *майя*, наилучшим образом объясняет жизнь. В мире столько горя; разбегая по свету, видишь, что один народ пытается найти выход в одном, другой — в другом. Зло одно, но предлагаются различные пути для его преодоления, хотя никому еще не удалось добиться успеха. Если зла стало меньше в одной точке, его прибавилось в другой. И так без конца. Инду-сы в стремлении к сохранению чистоты нравов среди представителей расы прибегали к бракам между детьми, что

³⁷ Имеется в виду объективный идеализм крупнейшего немецкого философа Гегеля (1770—1831), построившего всеобъемлющую систему развития Абсолютной Идеи путем ее развертывания и самопроявления.

³⁸ Соотносится с Евангелием от Матфея, 10, 39 («потерявший душу свою ради Меня сбережет ее»). В XX в. вместо слова «жизнь» обычно употребляется слово «душа». В XIX в., когда был жив Вивекананда, употреблялось только слово «жизнь».

в конечном счете привело к расовой деградации³⁹. И в то же время я не могу отрицать и того, что детские браки способствуют чистоте нравов расы. Так что же выбрать? Желая чистоты народной жизни, позволить мужчинам и женщинам ослабеть в результате очень ранних браков? С другой стороны, в Англии нет детских браков, но можно ли сказать, что англичанам лучше? Нет, потому что сама жизнь народа зависит от чистоты. Разве не свидетельствует история о том, что утрата чистоты есть первый симптом умирания народа? Так где же выход? Зло не так страшно, когда родители выбирают брачных партнеров своим детям. Дочери Индии скорее практичны, чем сентиментальны, но в их жизни остается мало места поэзии. Однако опять-таки непохоже, что самостоятельный выбор брачного партнера приносит много радости. Как правило, индийские женщины счастливы, в семейной жизни Индии довольно редки случаи ссор между супругами. В Соединенных Штатах же, где существует наибольшая свобода выбора, очень высок процент несчастливых семей и разводов. Иными словами, и так плохо, и так нехорошо. О чем это говорит? О том, что счастья не дает следование разным идеалам. К счастью стремится каждый, но стоит добиться хоть малой его толики, как рядом нагромождаются беды.

Так, может быть, незачем стремиться к тому, чтобы делать добро? Обязательно нужно, и с большим рвением, но без фанатичности. Англичанин не должен быть фанатиком и проклинать индуса. Он должен научиться уважать обычаи разных народов. Нужно поменьше фанатизма и побольше реальных дел. Фанатики не могут работать, ибо растрачивают впустую три четверти своей энергии. По-настоящему работает уравновешенный, спокойный, практичный человек. Если работа основана на этом принципе, то коэффициент ее полезного действия возрастает. Если мы отдаем себе отчет в том, каким образом устроен мир, то мы приобретаем большее терпение. Зрелище страданий или зла не сможет выбить нас из колеи и заставить гоняться за призраками. Понимая, что мир останется таким, какой он есть, мы научимся ко многому относиться терпимее. Если бы, например, все люди стали хорошими, то в людей начали бы превращаться животные, которым тоже пришлось бы пойти медленным путем совершенствования, впрочем, как и растениям. Очевидно только одно: могучая река мчит свои воды к океану и каждая капелька воды в ней рано или поздно вольется в безбрежный океан. Так и в земной жизни, со всеми ее бедами и страданиями, с радостями, смехом и слезами, ясно только одно: все в ней движется к цели, это просто вопрос времени, когда вы и я, растения и животные, каждая частичка сущего обязательно достигнут безбрежного океана Совершенства, достигнут свободы и Бога.

Позвольте мне еще раз подчеркнуть: философия веданты не пессимистична и не оптимистична. Она не утверждает, что все в мире прекрасно или что все в мире ужасно, но указывает на то, что наше зло имеет не меньшую ценность, чем наше добро, а наше добро не более ценно, чем наше зло. Они неразделимы. Таков мир, и, понимая это, человек трудится терпеливо. Чего ради? Зачем нам вообще трудиться? Раз мир таков, какой он есть, мы ничего не можем сделать. Почему бы нам не стать агностиками? Современные агностики тоже признают, что проблема жизни не имеет решения, или, как сказали бы мы на нашем языке, нет избавления от майи, а потому давайте довольствоваться тем, что есть, и радоваться жизни. Но здесь скрывается ошибка, огромная ошибка, серьезнейшая логическая погрешность. Она заключается в следующем. Что называть жизнью? Только то, что человек воспринимает своими органами чувств? Но в этом мы мало отличаемся от животных. Я убежден в том, что ни один из здесь присутствующих не живет только своими чувствами. В таком случае наша земная жизнь включает в себя что-то еще, нечто большее. Наши чувства, мысли и стремления составляют часть нашей жизни, и не является ли устремленность к великому идеалу, к совершенству, одним из наиболее важных компонентов того, что мы называем жизнью. Агностики считают, что надо радоваться такой жизни, какая есть. Но эта жизнь есть прежде всего поиск идеала, стремление к совершенству, это сама суть жизни. Нам необходимо совершенство, и уже поэтому мы не можем согласиться с агностиками и воспринять жизнь такой, какой она кажется. Агностики исключают из жизни ее идеальный компонент. Поскольку идеал недосыгаем, говорят они, следует отказаться от его поиска. Вот это и есть *майя* — эта природа, эта вселенная.

Все религии являются в той или иной степени попытками выйти за пределы этой природы. От самых примитивных до наиболее развитых, все религии через мифы и символы, через истории о богах, ангелах и демонах, через жизнеописания святых и провидцев, великих людей или пророков либо через философские абстракции пытаются вырваться из ограниченности. Иными словами, все они устремлены к свободе. Сознательно ли или неосознанно, человек ощущает свою несвободу и тяготеет ею. Человеку с самого начала внушается ощущение несвободы, но

³⁹ Считается, что детские браки вошли в практику сравнительно поздно. Согласно гимнам Вед возраст невесты далеко не детский; эпос дает много примеров сваямвары (выбора жениха самой невестой). Но уже в дхармаштрах чаще всего утверждается, что предпочтительный возраст при вступлении девушки в брак — до наступления зрелости. Позиция Законов Ману двойственная: есть примеры предписаний ранних браков (8 — 12 лет) (Законы Ману, IX, 4, 94), есть и указания на необходимость совершения браков в зрелом возрасте (Законы Ману, IX, 90). Поздние смрити настаивали на очень ранних браках, называя желательным даже четырехлетний возраст невесты. Как правило, детские браки — это сговор родителей. Многие общественные деятели XIX в. вели активную борьбу за право девушки самой выбирать себе супруга, выступали с резкой критикой так называемого «детского вдовства» (смерть нареченного делала вдовой девочку и в том случае, если брак фактически еще не состоялся).

в тот самый миг, когда он приходит к пониманию этой несвободы, в нем пробуждается нечто, требующее выхода, нечто, не примиренное с рабством, тянущее его за грани, запретные для его тела. Даже самые незамысловатые религиозные идеи, построенные на поклонении духам предков, как правило, жестоким и яростным, затаившимся в домах своих близких, жаждущим крови и крепких напитков, — даже такие идеи содержат в себе тягу к свободе. Человек, поклоняясь богам, прежде всего видит в них большую свободу, чем та, что дана ему самому. Если дверь заперта, он думает, что для богов это не помеха, как и стены, которые не могут ограничить их. Идея свободы разрастается, пока не достигает представления о Личностном Боге, где важнее всего то, что Он есть Сущность, неподвластная ограничениям природы, или *майи*. Я точно вижу лесные обитатели, где обсуждают эту проблему мудрецы Древней Индии, а когда перед ее трудностью пасуют даже самые умудренные жизнью и святостью, поднимается на ноги юноша и провозглашает: «Внемлите, дети бессмертия, внемлите и те, кто живет высоко, мне открылся путь. Познав Того, кто вне мрака, мы можем выйти за пределы смерти!»

Майя повсюду, и это ужасно. Но мы должны трудом высвободиться из нее. Кто говорит, что будет трудиться, когда в мире останется одно добро и блаженство, похож на человека на берегу Ганга, ожидающего, когда же все его воды вольются в океан, чтобы переправиться на другой берег. Мы должны действовать не с *майей*, но против нее, — это урок, который необходимо усвоить. Мы рождены не помощниками природы, а ее соревнователями. Мы — создатели оков природы, но сковываем ими самих себя. Откуда взялся этот дом? Он выстроен не природой. Природа говорит нам: живите в лесах. Человек ей отвечает: я построю дом и восстану против природы. Человек это делает. Вся история человечества есть непрекращающаяся борьба против так называемых законов природы, в которой побеждает человек. Та же борьба идет и в нашем внутреннем мире, борьба между животным человеком и духовным человеком, между светом и тьмой, человек побеждает и в этой борьбе. Он как бы пролагает себе путь из природы в свободу.

Итак, мы видим, что философы *веданты* за пределами *майи* прозревают нечто, законам *майи* неподвластное; выйдя за эти пределы, освобождаемся от *майи* и мы. В той или иной форме эта мысль составляет общую сущность всех религий. Однако для *веданты* это еще не сама религия, а только подступы к ней. Идея Личностного Бога, владыки и творца вселенной, как его называют, повелителя *майи*, или природы, составляет только начало ведантистского взгляда на мир. Эта идея разрастается и развивается до тех пор, пока философ *веданты* не обнаруживает, что Тот, кто казался ему стоящим на отдалении, на самом деле находится внутри него, что он сам и есть Тот. Это он сам свободен, но в силу своей ограниченности раньше этого не понимал.

МАЙЯ И ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ БОГА

Мы уже убедились, что идея *майи*, которая, можно сказать, является одной из основ *адвайты веданты* — недуалистического взгляда на мир, — в своем зародыше может быть обнаружена уже в *самхитах*⁴⁰; собственно говоря, все основные идеи, получившие свое развитие в Упанишадах, в той или иной форме присутствуют и в *самхитах*. Вы познакомились в общих чертах с идеей *майи* и знаете, что подчас это слово ошибочно переводится как «иллюзия», из чего возникает представление, будто когда говорят, что наша вселенная есть *майя*, то имеется в виду ее иллюзорность. *Майя* — не иллюзия, перевод неудачен, неправилен. *Майя* и не теория, она описание вселенной как она есть, и, чтобы понять, что есть *майя*, необходимо возвратиться к *самхитам* и рассмотреть ее первоначальную концепцию.

Мы уже говорили о происхождении идеи *дэвов*⁴¹ и знаем, что вначале эти *дэвы* были не более чем могущественные существа. Многие из вас ужасаются деяниям древних богов, описанным в старинных книгах греков, евреев, персов и других, кажущихся нам отвратительными. Но, читая старинные книги, мы совершенно забываем, что живем в XIX веке, а боги и иные существа жили тысячелетия назад. Мы забываем, что люди, поклонявшиеся этим богам, были и сами на них похожи, а потому не находили в них ничего дурного или пугающего. Я хотел бы заметить, что это великий урок, который нам преподносит жизнь. Судить других всегда нужно по их собственным меркам, а мы судим по своим собственным, что неправильно. Мы постоянно совершаем эту ошибку в наших взаимоотношениях с окружающими; мне все время кажется, что большая часть наших раздоров возникает попросту оттого, что мы стараемся судить о других богах по нашим собственным, о других идеалах — по нашим идеалам, о чужих мотивах — по тому, что движет нами. Я в определенных условиях могу совершить определенный поступок. Увидев же, как то же самое делает другой, я могу предположить, будто и он движим тем же побуждением, не принимая в расчет никаких других причин. Вынося суждение о древних религиях, мы должны занимать не привычную нам позицию, а стараться представить себе образ мыслей и жизнь тех далеких времен.

Многих пугает жестокий, беспощадный Иегова Ветхого завета⁴², а почему? Что нам дает основания предполагать, будто древнееврейский Иегова должен воплощать собою современную идею Бога? В то же время не следует забывать, что после нас будут жить люди, которым наши представления о религии и о Боге покажутся так же смешны, как нам сегодня представления древних. Однако через все многообразие концепций Бога проходит золотая нить единства и цель *веданты* — обнаружить эту нить. Бог Кришна говорит: я — нить, которая пронизывает многообразие идеи, а каждая идея есть жемчужина на ней. Суть *веданты* в том, чтобы найти связующую нить между идеями, сколь бы несообразными или отталкивающими ни казались они нам сегодня. В обрамлении прошлых веков эти идеи были гармоничны, не более несообразны, чем те, которыми мы живем сейчас. Нелепыми они начинают выглядеть лишь тогда, когда мы, вырвав их из временного обрамления, соизмеряем с современностью, ибо времена их создания прошли. Точно так же, как еврей древности превратился в ходе развития в нынешний тип проворного и ловкого человека, как арий древности — в интеллектуального индуса, вырос и Иегова, выросли и *дэвы*.

⁴⁰ *Веды* (санскр.: знание) — «священное писание» индуистов. Состоит из четырех групп текстов: самхит (сборников гимнов и заклинаний); брахман (сборников ритуально-мифологического характера); араньяк («лесных» книг, наставлений для отшельников); упанишад (сборников текстов умозрительно-философского плана). Четыре Веды (Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа) обычно датируются XII—X вв. до н. э., хотя многие гимны (особенно в Ригведе) отражают более ранние периоды индийской истории. Традиция расценивает авторитет Вед как неоспоримый: так солнце не нуждается в дополнительном источнике света, чтобы его было видно. Они существуют, согласно традиции, вечно. Веды иначе называются «шрути» — «то, что было услышано»: считается, что риши, создатели гимнов, мгновенным озарением, внутренним взором постигли приоткрывшуюся им истину. Риши не есть авторы Вед, они только придали словесную форму тем видениям, что были недоступны другим людям. К Ведам примыкают тексты, называемые «смрити» — «то, что было запомнено»: это своего рода «священное предание» индуизма. Значимость этих текстов для последователей индуизма хотя и велика, но вторична. Они достоверны для него в той степени, в какой не противоречат литературе «шрути» (то есть вечному и непогрешимому источнику истины), и при разногласиях последнее слово всегда будет за «шрути». Как правило, к литературе «смрити» относят следующие тексты: две эпические поэмы — «Махабхарата» и «Рамаяна»; восемнадцать пуран (дословно «старые» истории): они обычно состоят из космогонических мифов, генеалогий царей и др.; дхармашастры — законодательные трактаты, регулирующие политическую, религиозную и общественную жизнь. Сюда же входят смартасутры, то есть тексты, связанные в основном с домашним ритуалом; трактаты по вопросам религии, этики, философии и пр. Допустимо употреблять слово «Веды» только по отношению к самхитам (сборникам священных текстов, составляющих ранние слои ведийского канона). Можно использовать слово «Веды», имея в виду, например, Упанишады. Вивекананда часто пользуется словом «Веды», когда говорит об Упанишадах. Здесь, говоря о «бесстрашии» как теме многих Вед, он имеет в виду Упанишады.

⁴¹ Дэвами (санскр.: бог) в индийской традиции называются боги, тогда как асуры считаются демонами, или, точнее, титанами. Вивекананда нередко оставляет такие слова без перевода.

⁴² Иегова (Яхве) сначала был верховным богом древнееврейских племен, почитаемым наряду с другими богами (II тыс. до н. э.). Позднее он стал считаться единым Богом всех евреев и на него были перенесены атрибуты других богов.

Весьма ошибочно, признавая факт эволюции верующих, не признавать того, что эволюционировали и их верования, и объекты их веры. Однако объекту веры мы отказываем в развитии, которое прошли верующие. Иными словами, мы с вами как носители определенных идей выросли, выросли и боги как выразители идей. Вам может показаться непривычной мысль о том, что Бог способен расти. Он не растет. Он неизменен. Но постоянно изменяются и расширяются наши представления о Нем. Мы позднее увидим, что подлинный человек, стоящий за каждым человеческим проявлением, вечен, неизменен, чист и постоянно совершенен. Таким же образом наше представление о Боге есть только проявление нас самих, оно сотворено нами. За Ним же стоит подлинный Бог — вечный, чистый, неизменный. Представление о Нем, однако, постоянно изменяется, все больше и больше раскрываемая реальность. Мы называем прогрессом приближение наших представлений к реальности, и регрессом — удаление от нее. Следовательно, боги растут по мере того, как растем мы сами. С обычной точки зрения как мы, развиваясь, раскрываем себя, так раскрывают себя и боги.

Теперь мы уже можем подойти и к теории *майи*. Все религии мира стремятся дать ответ на один и тот же вопрос: почему есть во вселенной дисгармония? Почему есть во вселенной зло? Первобытному человеку мир не казался дисгармоничным, поэтому на заре примитивных религий этот вопрос не возникал. Для первобытного человека в мире не было противоречий, не было столкновения различных точек зрения, не было антагонизма между добром и злом. Возможно, он испытывал некоторую раздвоенность, когда что-то в его душе говорило «да!». А что-то возражало «нет!». Первобытный человек жил импульсами, он делал то, что приходило ему на ум, пытаясь перевести любую мысль в мышечное усилие, он не старался давать оценки и редко сдерживал свои импульсы. Импульсивны были и его боги. Индра является и разбивает силы демонов. Иегове нравится один и не нравится другой, а по какой причине, никто не знает и никто не спрашивает. Навык к исследованию еще не возник, поэтому считалось правильным все, что Бог ни делал. Не существовало еще и представлений о добре и зле. *Дэвы* совершали множество поступков, дурных в нашем понимании: Индра и другие боги творили немало дурного, однако верующие не ставили это под вопрос, ибо не обладали представлением о зле.

Борьба началась с развитием этических идей, когда у человека возникло новое чувство, по-разному называемое на разных языках. Глас ли это Божий, или результат прошлого образования, или что-то еще, но что бы это ни было, речь идет о сдерживании естественных импульсов. В человеческом уме вспыхивает импульс, который говорит ему: «Давай!» Однако тут же раздается голос, одергивающий его: «Не смей!» В нас живет побуждение, ищущее себе выход через чувства, но в нас звучит и голос, сколь бы тихим и слабым он ни был, запрещающий этот выход. Есть два очень красивых санскритских слова для выражения этого феномена: *празритти* и *низритти*, которые можно перевести как «кружение вовне» и «кружение внутри». Наши поступки обычно диктуются нам «кружением вовне». Религия начинается с «кружения внутри». Религия начинается с этого «не смей». Духовность начинается с этого «не смей». Если нет сдерживающих факторов, религия еще не началась. С появлением «не смей» началось развитие идей у человека вопреки драчливости богов, которым он поклонялся.

В сердце человечества зажегся огонек любви. Он едва мерцал, да и сейчас еще не очень разгорелся. Вначале он горел для племени, боги в те времена любили каждый свое племя, ибо каждый был племенным богом, защитником своих. Иногда люди племени объявляли себя потомками своего бога, как в наше время разные кланы считают себя потомками какого-то единого родоначальника. И в древности, и сейчас есть народы, ведущие свою родословную даже не от богов, а непосредственно от Солнца и Луны. В старинных санскритских книгах можно прочитать о солнечных и лунных династиях;⁴³ сначала великие правители из этих династий поклонялись Солнцу и Луне, потом постепенно стали смотреть на себя как на их потомков. С развитием племенной организации появились любовь, чувство долга по отношению к ближнему, зачатки социальных структур. Естественным образом зародилась и еще одна идея: как можно жить вместе без терпимости и прощения? Как может жить человек среди людей без сдерживания импульсов, без правил поведения, без воздержания от поступков, которые, возможно, и хотелось бы совершить? Это просто было бы невыносимо. Так рождалась идея самоограничения. На ней основана вся социальная организация, и всякому известно, как несчастны те, кто не способен усвоить великий урок воздержания.

Когда появились религиозные идеи, в разуме человека забрезжил свет чего-то более возвышенного, более этического. Старые боги перестали соответствовать новым представлениям, они были шумливые, драчливые, пьющие, прожорливые боги предков, радующиеся запаху жареного мяса и возлияниям спиртного. Индра иной раз допивался до того, что падал на землю и нес чепуху⁴⁴. Такие боги становились невыносимы. Зародилась потребность в исследовании мотивов поступков, и часть вопросов была обращена и к богам. От них потребовали отчета

⁴³ Согласно индийскому эпосу и пуранам, правители государств в долине Ганга принадлежали к двум династиям: солнечной и лунной. Легендарный герой Рама считается членом солнечной династии. Самая известная ветвь лунной династии — бхараты, герои «Махабхараты». С царями лунной династии связывается и название всей страны — Бхаратаварша.

⁴⁴ Гимн Ригведы, X, 119 подробно описывает поведение Индры, любителя пьянящего напитка сомы, почти утратившего контроль над собой.

в поступках, а отчета они дать не могли. Тут человек и отказался от этих богов, а точнее, составил себе более возвышенное представление о божественности. Человек как бы заново оценил деяния и качества богов, отказался от тех, которые перестали соответствовать изменившимся представлениям. Тех же, что остались, поскольку были понятны, сочетал воедино и дал новое имя: *Дэва-дэва* — Бог богов. Теперь Бог не мог быть простым символом мощи, от него требовалось нечто большее: он должен был быть Богом этическим, любить человечество и делать для него добро. Однако идея Бога сохранилась, человек только усилил его этическое значение и добавил ему власти. Бог превратился в самое этическое существо во вселенной и сделался почти всемогущим.

Но переделки мало помогали. Чем больше появлялось объяснений, тем больше трудностей требовали своего объяснения. Если свойства богов возрастали в арифметической прогрессии, то трудности и сомнения — в прогрессии геометрической. Трудности Иеговы оказались пустяками по сравнению с трудностями Бога вселенной, и проблема эта не преодолена и по сей день. Почему всемогущий Бог, который есть сама любовь, допускает чудовищные несправедливости во вселенной? Почему на свете страдания больше, чем счастья, а зла больше, чем добра? Сколько ни закрывай глаза на жизнь, факт остается фактом — наш мир ужасен. Он в лучшем случае танталов ад. Человека разрывают на части мощные импульсы, еще более мощные чувственные желания, удовлетворить которые он не в силах. Волна несет нас вперед вопреки нашей воле, но стоит нам чуть продвинуться, и нас настигает сильнейший удар. Мы все обречены на муки Тантала. Нам в голову приходят мысли, ведущие далеко за пределы наших чувственных идеалов, но мы оказываемся не в состоянии их выразить. С другой стороны, нас давит масса людей вокруг. Если я откажусь от мыслей об идеальном и буду просто вести борьбу за выживание, моя жизнь превратится в животное существование, унижающее меня. Ни тот, ни другой путь не ведет к счастью. Несчастье — удел того, кто примиряется с миром. Но тысячекратно несчастье человека, который решится отстаивать Истину и возвышенные идеалы, который отвергнет животное существование. Это реальность, но ей нет объяснения — и не может быть объяснения. Однако *веданта* указывает нам выход.

Прежде чем продолжить, я хочу обратить ваше внимание на то, что иные факты, которые я буду излагать, могут подчас пугать вас, но, если вы запомните мои слова, думайте о них, усвойте их, пусть они станут частью вашей души, и тогда вы сумеете подняться выше, сумеете научиться понимать, и жить в Истине.

Итак, это реальность, что наш мир подобен танталову аду, мы ничего не знаем о нашей вселенной, хотя и не можем сказать, будто не знаем совсем уж ничего. Я не могу утверждать, что эта цепочка существует, когда вспоминаю, что мне ничего о ней не известно. А вдруг это мое больное воображение? А вдруг я непрестанно вижу сны? Может быть, мне снится, будто я беседую с вами, а вы меня слушаете. Никто не может доказать, что это не сон. Сном может оказаться и мой мозг, тем более что никто собственного мозга никогда не видел. Мы просто верим на слово, что он существует, а это можно сказать и обо всем прочем тоже. Мое тело, например. Я верю в него, но наверняка сказать не могу, поскольку не знаю. Мы все находимся между знанием и невежеством, в мистических сумерках, где истина неотличима от неистины, и никому не известно, где они смыкаются. Мы бродим во сне, полусушим, полу бодрствуем, проводим жизнь точно в тумане — и это доля каждого из нас. Такова судьба всего знания, получаемого через органы чувств. Такова судьба всей философии, всей хваленной науки, всего хваленного человеческого знания. Это все наша вселенная.

То, что вы называете материей, или духом, или умом, или любым другим именем, по сути, отвечает все тому же описанию: мы не можем утверждать, будто это существует, и мы не можем утверждать, будто это не существует. Мы не можем сказать, что они составляют единство, и мы не можем сказать, что они составляют множество. Постоянная игра света и теней — неразличимых, нераспознаваемых, неразделимых. Факт — который фактом не является, явь — которая есть сон. Это реальность, и это и есть то, что зовется *майей*. Мы рождаемся в *майе*, мы в ней живем, в ней мыслим, в ней мечтаем. Мы философы в *майе*, мы люди духа в *майе*, да нет, мы черти в *майе*, но мы и боги — тоже в *майе*. Сколь бы далеко ни простиралась ваша мысль, сколь бы высоко она ни взлетала, покажется ли она вам бесконечной или какой-то еще, все равно вашим мыслям не выйти из *майи*. Иного не дано, и все человеческое знание есть обобщение *майи*, есть попытка понять ее такой, какой она кажется. Все это *нама-рупа*, имя и форма. Все, что имеет форму, что создает образ в нашем мозгу, — все находится внутри *майи*, ибо внутри *майи* находится все, что подчинено законам времени, пространства и причинности.

Теперь вернемся к ранним представлениям человека о божественном и посмотрим, что случилось с ними. Мы сразу же обнаружим неудовлетворительность представления о некоем Существо, которое нас вечно любит, о Существом извечно бескорыстным и всемогущем, которое управляет вселенной.

Где Он, справедливый и всемилостивый Бог? — вопрошает философ. Он что, не видит, как погибают миллионы детей Его, в обличье людей и животных, ибо никто не может и мига прожить, не убивая? Можно ли сделать вдох, не погубив при этом тысячи жизней? Мы живем благодаря тому, что миллионы погибают. Каждый миг нашей жизни, каждый глоток воздуха — это смерть для сотен тысяч жизней, каждое движение убивает миллионы, каждый проглоченный кусок есть чья-то гибель. Почему же должны погибать другие существа? Есть старая уловка: низкоорганизованные формы жизни погибают ради высокоорганизованных. Допустим, что это так, хоть это и сомнительно: кто знает, не стоит ли муравей выше человека, кто может это доказать или опровергнуть? Но

даже если признать человека вершиной жизни, все равно, почему должны погибать другие формы жизни? Если они примитивно организованы, то у них тем больше оснований жить, они ведь живут только чувствами, ощущениями и испытывают наслаждение или страдание в тысячу раз острее нас с вами. Кто из нас ест с таким аппетитом, как собака или волк? Никто, у нас энергия уходит не столько в ощущения, сколько в интеллект и дух. У животных вся душа в их ощущениях, им известны наслаждения, человеку недоступные, но и страдания их соизмеримы с силой их наслаждений. Значит, страдания у умирающих животных в тысячи раз сильнее, чем у человека, но мы их убиваем глазом не моргнув, не задумываясь над тем, как мучительна их боль. Это — *маня*. А если предположить, что существует Бог, подобный человеку, и Он сотворил мир, то прахом идут все так называемые объяснения и теории о том, что добро рождается из зла. Пусть есть на свете двадцать тысяч добрых вещей, почему их должно было породить зло? Исходя из этой теории, я могу перерезать глотки другим во имя полного удовлетворения моих пяти чувств. Почему, почему добро должно являться через зло? На этот вопрос так и не нашлось ответа. И ответ не может быть найден. Индийская философия была принуждена признать это.

Веданта была и есть самая бесстрашная из религиозных систем. Она ни перед чем не останавливается, и она обладает важным преимуществом: здесь нет корпуса священнослужителей, которые пытались бы помешать поиску Истины. В Индии всегда существовала абсолютная религиозная свобода. Предрассудки сковывают социальную жизнь Индии, в отличие от Запада, где общество пользуется большой свободой. В Индии весьма жестки социальные табу, религиозная же мысль свободна. В Англии человек может одеваться как вздумает, есть что хочет, никому нет до этого дела, но, если он пропустит церковную службу, соседка, миссис Гранди, этого не простит. Здесь человек должен прежде всего соблюдать социальные нормы религии, а уж потом он может думать об Истине. В Индии наоборот, если человек разделит трапезу с кем-то из другой касты, общество сотрет его в порошок. Если его одежда будет хоть чуточку отличаться от платья, которое носили его предки, он обречен. Я слышал историю о человеке, которого общество отвергло только за то, что он отправился за несколько миль взглянуть на первый поезд. Ну, допустим, что этого даже не было. Дело в другом: у нас в религиозной сфере сосуществуют атеисты, материалисты, буддисты, люди различных вер, точек зрения, взглядов на мир, поражающих своим разнообразием, причем иные из них весьма необычны. Проповедники разных сект бродят по стране, собирая верующих буквально на пороге храма, можно найти даже материалистов, излагающих желающим свои взгляды, и *брахманы* — к их чести будет сказано — отнюдь не препятствуют этому.

Будда скончался в весьма зрелом возрасте. Был у меня приятель, видный американский ученый, который любил читать жизнеописание Будды, ему нравилось все, кроме смерти Будды, из-за того, что тот не был распят. Что за дикая мысль! Почему человек такого величия должен погибнуть насильственной смертью? В Индии такая мысль не могла бы и появиться. Великий Будда исходил всю Индию вдоль и поперек, отрицая индусских богов и даже Бога вселенной, но спокойно дожил до глубокой старости. Будда прожил восемьдесят лет и успел полстраны обратиться в свою веру.

Были в Индии и *чарваки*⁴⁵, проповедовавшие ужасные вещи, материализм такой вульгарности, который никто не решается открыто провозглашать даже в XIX веке. *Чарвакам* никто не мешал распространять свои взгляды и в храмах, и в городах, где они проповедовали, что вся религия чушь, что Бога выдумали жрецы, что нет ни Бога, ни бессмертной души, а Веды написали жулики, дураки и демоны. Если душа бессмертна, говорили *чарваки*, то почему она не возвращается после смерти к покинутой жене и детям? Им казалось, будто душа и после смерти тела способна любить, желать вкусную еду и нарядную одежду. Однако никто не препятствовал *чарвакам* распространять эти мысли.

Индия всегда хранила великую идею религиозной свободы, а свобода есть неперемнное условие развития. Что не свободно, то не будет развиваться. Мысль о том, будто вы можете заставить развиваться других и помогать их развитию, вести и направлять их, оставляя за собой право на поучение, — чушь, вреднейшая ложь, которая задержала развитие миллионов людей на свете. Дайте людям свет свободы — единственную предпосылку для развития.

⁴⁵ Чарваки (локаятики) отвергали основания индуизма и шести классических даршан. Сознание они сводили к простой функции органов чувств. Источником познания называли только чувственное восприятие, отвергая выводное знание и достоверность авторитета. Из трех целей жизни (дхарма — артха — кама) признавали только две (артху и каму), то есть практическую выгоду и чувственные наслаждения. Впрочем, все сказанное относится к так называемым «грубым» чарвакам (дхурта). Есть свидетельства и о том, что последователи другого направления локаяты, так называемые «хорошо обученные» (сушикшита), не разделяли эти взгляды в полной мере. На сегодняшний день не обнаружены достоверные тексты, принадлежащие самим чарвакам; сведения об их философии можно получить только из компендиумов, составленных их теоретическими противниками. В них чарваки изображены как крайне грубые, примитивные гедонисты, предающиеся исключительно чувственным удовольствиям и отказывающиеся воспринимать возвышенные, благородные мысли. Эпос содержит много примеров резко негативного и пренебрежительного отношения правоверных индуистов к образу мыслей и жизни чарваков.

Индия допускала свободу в вопросах религии, поэтому даже сегодня мы обладаем громадной духовной силой. Вы пользуетесь такой свободой в общественных делах, поэтому ваше общество так превосходно организовано. Индия не распространила свободу на общественное развитие, и в результате наши социальные структуры очень стеснены. Запад не только лишил религиозную мысль свободы, он распространял свою веру огнем и мечом, и теперь религия занимает подчиненное положение в европейском мышлении. Нам, индийцам, необходимо разбить социальные оковы, вам — снять кандалы с религиозного прогресса. Тогда мы станем свидетелями блестящего развития человечества. Осознав, что развитие едино в духовном, моральном и социальном аспектах, мы обнаружим, что религия — в наиболее полном смысле этого слова — должна занять свое место и в общественной, и в повседневной жизни. *Веданта* помогает понять, что все науки есть различные проявления религиозности, как и все остальное, что существует на свете,

Мы видим, что предпосылкой для развития наук является свобода, но есть два научных течения: одно — материалистическое и отрицающее, а другое — позитивное и конструктивное. Интересно следить за тем, как два этих течения проявляют себя в жизни всех обществ. Стоит обнаружиться отрицательному явлению в обществе, как сразу находится группа людей, которые мстительно, а подчас и фанатично, осуждают его. Фанатики находятся в любом обществе, очень часто среди них бывает много женщин, женщины более импульсивны по природе. А любой фанатик, выступающий с осуждением чего-либо, непременно отыщет себе последователей. Ломать легко, всякий маньяк способен разрушить что угодно, вопрос в том, сумеет ли он строить потом. Иной раз фанатики могут принести и пользу, но, как правило, вреда от них бывает больше. Социальные институты возникают не в один день, и перестраивать их нужно, изменяя первопричины. Допустим, проявилась в обществе отрицательная тенденция, но ее осуждением делу не помочь, нужно найти ее причину. Прежде всего отыскать причину, поработать над ней, а следствием станет изменение явления. Криками ничего не сделаешь, они могут лишь привести к еще большей беде.

Однако всегда находились и другие — люди с сочувствием в сердцах, с пониманием необходимости заглянуть в глубь явлений, люди, которых мы называем великими святыми. Надо помнить, что все великие учителя приходили в этот мир с призывами не разрушать, а созидать. Их нередко встречали непониманием, принимая их терпимость за недостойный поиск компромисса с общественным мнением тех времен. Даже сейчас можно иногда услышать мнение, что великие учителя были трусоваты и не осмеливались говорить и делать то, что считали правильным. Это не так. Фанатикам не понять беспредельную силу любви в сердцах великих мудрецов, рассматривавших как собственных детей всех живущих на свете. Они и были подлинными отцами, подлинными богами, исполненными сострадания и терпимости ко всем, они были готовы терпеть и прощать. Они знали, как должно развиваться человеческое сообщество, и терпеливо, медленно и уверенно лечили его пороки, не осуждая и не запугивая, но осторожно ведя людей шаг за шагом вперед. Такими были те, кто писал Упанишады. Им было отлично известно, насколько прежние представления о Боге не соответствуют сформировавшимся этическим идеям новых времен, им было отлично известно, что есть немалая доля истины в том, что говорят атеисты, целые самородки истины, но было им отлично известно и другое, что неудача постигнет всякого, кто попытается порвать связующую нить, кто попытается построить новое без фундамента.

Мы ничего не строим заново, мы только меняем местоположение, мы не можем получить ничего нового, мы только меняем угол зрения. Семя медленно и осторожно вырастает в дерево, нам нужно направлять энергию в сторону Истины, не создавать новые истины, но реализовать ту, что существует. Мудрецы древности не стали осуждать былые представления о божественном как не соответствующие изменившимся временам, но занялись выявлением реальности, которая содержалась в этих представлениях. Результатом их трудов сделалась философия *веданты*, а в древних богах, в монотеистическом владыке вселенной они отыскали идею более высокую, идею Безличного Абсолюта, они обнаружили единство в многообразии вселенной.

Кто видит в этом мире множеств Единство, кто в мире смерти находит Бесконечную жизнь, кто в мире бесчувственности и невежества открывает Единый светоч знания — тому дается вечное блаженство. Ему, и никому другому. Ему, и никому другому.

МАЙЯ И СВОБОДА

«Мы следуем за облаками славы», — сказал поэт. Однако не все мы следуем за облаками славы, иные из нас идут за черными туманами, и в этом нет сомнения. Но каждый вступает в этот мир как на поле битвы, где каждого ждет борьба. Мы вступаем в этот мир с плачем, как умеем, пробиваем себе путь в жизнь, пролагаем путь через жизненный океан и движемся вперед, оставив позади долгие века и громадные пространства. Вперед, все вперед, пока смерть не уносит нас с поля битвы, победителями или побежденными, мы не знаем. И все это — *майя*.

В детском сердце торжествует надежда. Для раскрывающихся детских глаз мир предстает в золотом сиянии, и ребенок уверен в исполнении своих желаний. Но как только он начинает продвигаться по жизни, природа на каждом шагу выставляет перед ним неодолимые барьеры. Идеалы юности отступают все дальше, и так продолжается до самой смерти, которую, возможно, он встретит с облегчением. И все это — *майя*.

Делает успехи человек науки, скупаемый жаждой знания, во имя которого он готов на любые жертвы и на любые труды. Одну за другой раскрывает он тайны природы, добываясь и до тех, что скрыты в самом ее сердце, а чего ради? Зачем он старается? И почему мы прославляем его? Из-за чего он делается знаменит? Разве деяния природы не бесконечно велики в сравнении с тем, что может человек? Но у природы нет ни ума, ни чувства. Почему же прославляем мы копирование того, в чем нет ни ума, ни чувства? Природа может произвести грозовой разряд любой мощи и на любом расстоянии, когда же человеку удастся воспроизвести малую долю этого, мы начинаем превозносить его до небес. В чем дело? Что хорошего в том, чтобы воспроизвести природу, воспроизвести смерть, воспроизвести тупость и бесчувственность? Земное тяготение способно на куски разорвать огромную массу вещества, но тяготение бесчувственно. Что за радость воспроизводить бесчувственное? Но мы все стремимся к этому. И это — *майя*.

Чувства манят человеческую душу. Человек тянется к удовольствию, к счастью, но они недостижимы. Нас веками учат тому, что все это тщета и суета, что нет в этом счастья. Но урок пропадает втуне, усвоить этот урок мы можем только на собственном опыте. Мы набираемся опыта, но тут нас настигает удар судьбы. Может он послужить нам уроком? Не всегда. Как мотыльки, летящие на пламя, мы снова и снова рвемся к чувственным радостям, надеясь удовлетворить свои желания. Мы обжигаемся, набираемся новых сил, и все это повторяется до тех пор, пока мы не умрем, искалеченные и обманутые. И все это — *майя*.

Нас предают и интеллект. Желая проникнуть в тайны вселенной, мы задаем ей все новые вопросы, мы жаждем знания и не можем поверить, что знание недоступно. Несколько шагов — и мы упираемся в стену времени без начала и без конца, стену, которую нам не преодолеть. Несколько шагов — и перед нами стена безграничного пространства, неодолимая для нас, и вся наша жизнь замкнута в стены непреложных причинно-следственных связей. Нам из них не выйти. Но мы стараемся, мы продолжаем стараться, И все это — *майя*.

При каждом вдохе, каждом ударе сердца, каждом движении мы думаем, будто свободны, но в тот же миг обнаруживаем, что это не так. Мы рождены рабами, мы — рабы природы, подчиняющей себе наши тела, наш ум, все наши мысли и чувства. И все это — *майя*.

Нет на свете матери, которая бы не считала своего ребенка гением, самым удивительным из чудес природы. Она отдает ребенку всю душу. Ребенок, выросши, может стать пьяницей, мерзавцем, который будет плохо относиться к собственной матери, но ее любовь к нему от этого лишь возрастет. Весь свет воспевает бескорыстие материнской любви, не задумываясь над тем, что это форма рабства, от которого мать не в силах освободиться. Она бы и рада сбросить бремя, но не может, а поэтому украшает свою ношу цветами и зовет ее высокой любовью. И все это — *майя*.

Мы все такие в этом мире. Есть легенда о том, как мудрец Нарада попросил однажды Кришну показать ему *майю*⁴⁶. Прошло несколько дней, и Кришна позвал Нараду с собой в пустыню. Они долго шагали под палящим солнцем, и Кришна сказал: «Пить хочется, не принесешь ли воды, Нарада?» — «Сию минуту», — отозвался тот.

Нарада отправился в ближайшую деревню, где постучался в первую же дверь. Дверь открыла прекрасная юная девушка. Увидев ее, Нарада позабыл о Кришне, изнемогающем от жажды, может быть, умирающем без воды. Он позабыл обо всем на свете, он влюбился с первого взгляда. В тот день он так и не вернулся к своему господину. И наутро, чуть свет, Нарада уже был у дома девушки. На другой день он попросил ее руки, они поженились, пошли дети. Прошло двенадцать лет. Тесть умер, Нарада унаследовал имущество и землю. Ему казалось, что он совершенно счастлив с женой, с детьми, с хозяйством. Но тут произошло наводнение, река вышла из берегов и затопила деревню. Рушились дома, тонули люди и скотина. Нарада одной рукой обхватил жену, другой — двоих детей, третьего посадил себе на плечи и попытался одолеть поток. Но течение было слишком сильным. Упал ребенок с плеч, и вода унесла его. У Нарады вырвался крик отчаяния. Желая спасти малыша, он упустил двоих других, страшный удар волны захлестнул его жену, а самого Нараду выбросил на песчаный берег. И тут

⁴⁶ Пересказ эпизода из Матсья пураны.

раздался голос: «Дитя мое, где же вода? Ты обещал принести мне попить, и я жду тебя уже не меньше получаса!» — «Получаса!» — воскликнул Нарادا.

Целых двенадцать лет пронесли в его уме, а все это случилось за полчаса! И все это — *майя*.

Мы все в *майе*, так или иначе. Это состояние вещей, которое трудней всего понять. Его признавали разные народы, о нем написаны книги, но лишь немногие верят в него, ибо поверить можно только на основании собственного опыта. О чем свидетельствует это состояние вещей? О страшном, о том, что все бrenно. Время, за все отсшающее время, наступает и не оставляет ничего. Время уносит святого и грешника, царя и крестьянина, красоту и уродство, оно не оставляет ничего. Вся жизнь движется к единой цели — к концу. Все наше знание, наше искусство, наша наука, все. Никто не в силах сдержать движение времени, приостановить его хоть на миг. Можно постараться забыть о нем, как жители пораженного чумой города пьют и пляшут, чтобы не думать о смерти. Мы все стараемся забыться в чувственных радостях. И все это — *майя*.

Известно, что существует два пути. Один, знакомый всем, весьма прост — все это, может быть, и так, но лучше не думать о таких вещах. Все верно, но зачем об этом думать? Живи в свое удовольствие, насколько сможешь, старайся не видеть мрачную сторону жизни, ведь есть в ней и светлые минуты. Есть во всем этом доля истины, но есть и опасность. Истина в том, что сосредоточенность на светлом — отличная побудительная сила. Надежды, позитивные идеалы составляют побудительную силу нашей жизни, но есть и определенная опасность. Она заключается в том, что, отчаявшись, мы перестаем бороться. Так и происходит с теми, кто призывает принимать мир таким, каков он есть. Живи спокойно и примиренно. Если на тебя сыплются удары, скажи себе, что это не удары, а цветы, если тобой помыкают, как рабом, скажи себе, что ты свободен. День и ночь говори всем неправду, и окружающим, и самому себе, потому что это единственный способ прожить жизнь счастливо. Это и есть так называемая практическая мудрость, и никогда она не получала такого распространения, как в XIX веке, поскольку никогда раньше человек не получал таких ударов, никогда раньше конкуренция не была столь острой, никогда раньше не были люди так жестоки друг к другу. Человек нуждается в утешении такого рода. Но оно никому не помогает и помочь не может. Невозможно скрыть пададь под розами, розы быстро увянут, а пададь покажется еще отвратительней, чем прежде. Конечно, можно прикрыть язвы дорогой парчой, но рано или поздно парчу придется снять, и язвы откроются взгляду.

Означает ли это, что надежды нет? Ведь мы все рабы *майи*, рожденные в *майе* и в *майе* живущие. Значит, нет для нас ни выхода, ни надежды? Веками знает человек, что обречен на страдание, что мир — тюрьма, что даже наша тяга к прекрасному ведет в темницу, что темница и наш ум, и наш интеллект. Что бы мы ни говорили, нет на свете человека, который хоть раз в жизни не почувствовал себя узником. Особенно хорошо известно это чувство старикам, ибо им, накопившим опыт целой жизни, нелегко принять за чистую монету ложные уловки природы. Значит, выхода нет? Мы обнаруживаем, что при всем том, перед лицом страшной реальности, скорби и страдания, в мире, где жизнь и смерть синонимы, даже в этом мире не перестает звучать тихий и спокойный голос, который из века в век твердит всем и каждому: «Я сотворил *майю*, она божественна, она состоит из качеств, и из нее трудно выпутаться. Но те, кто приходит ко Мне, переправляются через реку жизни», «Придите ко Мне, согбенные трудами и ношей. Я дарую вам покой». Этот голос ведет нас вперед. Человек давно услышал его и с тех пор все продолжает слышать. Он звучит в сердцах людей, когда начинает казаться, будто все потеряно, будто утрачены все надежды, когда человека оставляет вера в собственные силы, когда он видит, что жизнь безнадежно погублена и все, что осталось, утекает сквозь пальцы. Тут человек и слышит этот голос. Имя ему — религия.

Итак, с одной стороны, бесстрашное признание, что все вокруг бrenно, что все это *майя*, а наряду с этим полная надежды уверенность в том, что за пределами *майи* есть выход. С другой стороны, практичный человек уговаривает нас: не забивайте себе головы всей этой религиозной и метафизической чепухой. Живите, ни о чем не думая, мир — скверное место, так постарайтесь получше прожить жизнь. В переводе на язык нормальных людей это означает — живите ложью и фальшью, живите постоянным обманом, стараясь получше прикрыть зияющие язвы. Кладите заплату на заплату, пока вам не останется ничего, кроме заплат. Вот в чем смысл так называемой практичности. Люди, которых удовлетворяют заплаты, никогда не обращаются к религии. Религия начинается с мучительной неудовлетворенности существующим положением вещей, с неудовлетворенности жизнью и с ненависти, с острой ненависти к заплатам, с беспредельного отвращения к обману и лжи. Религиозным человеком становится лишь тот, кому достает отваги сказать, что сказал, сидя под священным деревом *бодхи*, могучий Будда, когда развернулась перед ним картина практичной жизни и он увидел ее ничтожество, но не увидел выхода. Когда явился ему соблазн отказа от поиска Истины и возвращения к жизни, исполненной обмана и лжи, которую предстояло ему готовить и себе, и окружающим, Будда, гигант среди людей, отверг искушение и заявил: лучше смерть, чем прозябание в тупом невежестве, лучше погибнуть на поле битвы, чем жить побежденным. В этом — основа религии. Когда человек говорит себе эти слова, он начинает поиск Истины, он ступает на путь к Богу. Такая решимость должна быть первым импульсом к религиозности. Я проложу себе путь. Либо я познаю Истину, либо сложу голову на пути к ее познанию. Мне нечего терять, ибо у меня ничего нет, а что было — исчезает с каждым днем. Прекрасный юноша, полный надежд,— завтрашний старик; надежды, радости и удовольствия увянут, как

цветы в предутренние заморозки. Но это только одна сторона дела, есть и другая, есть великое очарование победы, победы над пороками жизни, победы над самой жизнью, победы над вселенной. Эта сторона дела дает опору человеку. Поэтому те, кто отваживается вступить в борьбу за религию, за Истину, идут по правильному пути, делают то, о чем сказано в Ведах: не поддавайся отчаянию, твой путь опасен, как если бы шел ты по лезвию бритвы, но не поддавайся отчаянию, восстань, пробудись и отыщи свою цель.

На свете существует множество форм религии, но все они объединены одной и той же основой, все они проповедуют свободу, выход из этого мира. Ни одна религия не ищет примирения с миром, но все они стремятся разрубить гордиев узел и, не идя на компромиссы, утвердить в мире собственный идеал. К этому устремлены все религии, *веданта* же ставит своей целью достичь гармонии устремлений, выявить общую основу всех религий мира, от самых примитивных до наиболее развитых. И то, что мы зовем дичайшим суеверием, и возвышенная философия имеют, по сути дела, одну и ту же цель: они стремятся указать выход из той же трудности, как правило, через кого-то, кто сам не подчинен законам природы, иными словами, через того, кто свободен. Фундаментальная идея здесь едина, несмотря на множество трудностей и разногласий в определении того, кто воплощает собою свободу: является ли это существо Личностным Богом, или совершенным человеком, мужское ли это начало, или женское, или нейтральное, о чем идут нескончаемые споры. Несмотря на почти непримиримые противоречия между различными воззрениями на этот счет, все они связаны золотой нитью единства. *Веданта* проследивает эту связующую нить, шаг за шагом открывает ее нашему взгляду, и первый шаг заключается в установлении того, что все религии устремлены к свободе.

Любопытный факт: мы, поглощенные нашими радостями и бедами, трудностями и борьбой, все равно движемся по направлению к свободе. Можно задать вопрос: что такое наша вселенная? Откуда она взялась? Куда она идет? Ответ будет: она возникла из свободы, она покоится на свободе и, распадаясь, становится свободной.

Нам никуда не деться от концепции свободы. Наши действия, сама наша жизнь без свободы утрачивают смысл. Природа ежеминутно доказывает нам, что мы ее рабы, что мы не свободны, но наряду с этим возникает ощущение свободы. Нас на каждом шагу сбивает с ног *майя*, мы несвободны ей противостоять, но вместе с ударом приходит и чувство свободы. Внутренний голос твердит нам о свободе, но, стоит нам попытаться реализовать эту свободу, проявить ее, как мы наталкиваемся на неодолимые препятствия. А голос вопреки всему продолжает напоминать нам: я свободен, свободен. Изучая различные религии мира, мы убеждаемся, что во всех заключена именно эта идея. И не только в религии, это слово не следует понимать в его узком смысле, вся жизнь человеческого сообщества есть утверждение принципа свободы. Его утверждают все движения. Каждый слышал этот голос, отдавая ли себе в том отчет или нет, голос, который заявляет: придите ко Мне, все трудящиеся и обремененные. Не имеет значения, на каком языке и в каких словах было это сказано, но голос, зовущий к свободе, всегда с нами. Мы рождаемся на свет ради этого голоса, и все, что мы делаем, мы делаем во имя его. Понимая или не понимая, мы все следуем этому зову, мы все стремимся к свободе: как деревенские ребяташки сбегают на звуки музыки, так и мы откликаемся на музыку этого голоса, даже не зная, что это.

Следуя этому голосу, мы ведем себя этически. Речь не только о человеке, все твари, от неприметнейших до самых высоких, слышат голос и идут на его звуки. Стремясь приблизиться к нему, они либо объединяются, либо сминают друг друга. Отсюда состязательность, радости, борьба, жизнь, удовольствия и смерть, и вся вселенная не что иное, как плод яростной борьбы за то, чтобы прийти туда, куда зовет голос. Так проявляет себя природа.

А что потом? Потом наступают перемены. Они наступают, когда человек услышал зов и понял, что он означает. Тот самый мир, что был кровавым полем битвы *майи*, преобразается в обитель красоты и добра. Человек больше не проклинает природу, не заявляет, что мир ужасен и все в жизни тщетно, человек больше не стонет и не плачет. Как только он понял, что говорит ему голос, он понял и причины борьбы, состязательности, жестокости, ничтожности радостей и удовольствий. Теперь мы видим, что все это в природе вещей, потому что без этого нас не потянуло бы к голосу, мы не двинулись бы к тому, что нам принадлежит по праву, известны ли или нет нам наши права. Вся человеческая жизнь и вся природа есть устремление к свободе. Солнце движется к цели, движется к цели и Земля, вращаясь вокруг Солнца, и Луна, вращаясь вокруг Земли. И планеты движутся к этой цели, и ветер дует к ней. Святой следует зову голоса не потому, что ищет славы, а потому, что иначе не может. Так же и грешник. Милосердный человек идет на зов напрямиком и неостановимо, но к той же цели идет и скупец. Посвятивший себя добрым делам слышит голос в сердце своем и не может не откликнуться на зов, но это же относится и к самому отъявленному бездельнику. Один спотыкается сильнее другого; того, кто спотыкается сильнее, мы называем плохим, кто спотыкается меньше — тот хорош. Добро и зло не есть разные вещи, это одно и то же, разница между ними не в сути, а в степени.

Но если вселенной управляет тяга к свободе, то, применяя этот принцип к религии как предмету нашего рассмотрения, мы обнаруживаем, что именно он и утверждался повсеместно. Возьмите самые простые религиозные представления, основанные на поклонении духам предков или могущественным и жестоким богам. Что главное в этих богах или духах? То, что они стоят выше природы и не подчинены ее ограничениям. Конечно, и представление о природе у иного верующего было самое ограниченное. Они не могли пройти сквозь стену или взлететь в небеса,

поэтому они наделяли этими качествами своих богов. Но каков философский смысл этого? Человек наделяет богов свободой. Боги, которым он поклоняется, превосходят известную ему природу. Таким же образом поступают и те, кто исповедует более сложные религии. По мере расширения представлений о природе расширяется и представление о душе, которая выше природы, пока человек не приходит к концепции монотеизма: к утверждению существования *майи* как природы и некоего Существа, управляющего этой *майей*.

Здесь начинается *веданта*, в которой впервые формулируются монотеистические идеи. Однако философия *веданты* ищет дальнейших объяснений. Философы *веданты* говорят: мысль о том, что за проявлениями *майи* стоит высшее Существо, *майе* неподвластное, влекущее нас к себе, а все мы послушны его зову, — все это прекрасно, но несколько туманно и расплывчато, хотя и не противоречит здравому смыслу. Христианский гимн, в котором поется: «Ближе, мой Бог, я к Тебе», — подошел бы и философу *веданты*; он изменил бы в нем одно только слово: «Ближе мой Бог ко мне». Он имел бы в виду представление о цели очень далекой, находящейся вне природы, влекущей нас к себе, о цели, которую необходимо постепенно приближать, не искажая и не принижая ее сути. Бог небес превращается в Бога в природе, а Бог в природе становится Богом, который есть природа; Бог, который есть природа, делается Богом в храме тела и, наконец, становится самим храмом, делается душой и человеком, — это последнее слово учения. Тот, кого мудрые искали повсюду, Он в наших сердцах, и голос, услышанный вами, говорил правду, но направление поиска было неверным. Идеал свободы верен, ошибочным было искать его вне человека. Приближайте этот идеал до тех пор, пока вы не обнаружите, что он все время находился в вас самих как Душа вашей собственной души. Свобода присуща вам, вашей натуре, и *майя* вас никогда не сковывала. У природы нет власти над вами. Вы, как напуганные дети, видели сны, будто природа душит вас. Цель в том, чтобы освободиться от страха: не только осмыслить его интеллектуально, но осознать страх, актуализировать его, осознать его с гораздо большей определенностью, чем мы осознаем мир. Тогда мы будем знать, что свободны. И тогда, только тогда, исчезнут все трудности, все недоумения сердца, станет ясным все, что было запутанным, развеются заблуждения, вызванные многообразием и природой, а *майя* из страшного безысходного сна, которым она сейчас кажется, превратится в нечто прекрасное. Эта земля перестанет быть тюрьмой, обоготворены будут и опасности, и трудности, и даже страдание, ибо мы увидим и их подлинную природу, мы увидим, что за ними, как и за всем остальным, таится Он, суть всего сущего, Он — единственная реальность.

АБСОЛЮТ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ

Один из наиболее трудных для понимания вопросов недуалистической философии, вопрос, который снова и снова поднимается и будет вечно задаваться, заключается в следующем: каким образом Бесконечное, Абсолют, становится конечным?

Абсолют стал вселенной. Под вселенной имеется в виду не только материальный мир, но также и мир психический, и мир духовный, небеса и земля — все сущее. Вселенная находится в состоянии непрерывных изменений, одно из этих изменений носит название ума, другое — тела и так далее. Абсолют стал вселенной, пройдя через время, пространство и причинность. Это центральное положение адвайты, недуализма. Время, пространство и причинность подобны стеклу, сквозь которое виден Абсолют; увиденный сквозь нижнюю часть стекла, он предстает в виде вселенной. Нетрудно понять, что сам Абсолют вне времени, пространства, причинности. В отсутствие ума, мысли не может быть и представления о времени. Отсутствие внешних изменений исключает идею пространства. То, что мы называем движением и причинностью, не может наличествовать в условиях Единства. Эти положения следует твердо усвоить, ибо причинность появляется позднее, после, если можно так выразиться, деградации Абсолюта в феноменальный мир — до этого причинности нет. Наша воля, наши желания и прочее всегда появляются после этого. Я полагаю, что философия Шопенгауэра⁴⁷ ошибочно толкует *веданту*, отводя в ней главенствующую роль воле. Шопенгауэр волей подменяет сам Абсолют. Но Абсолют не может быть представлен как воля, поскольку воля относится к явлениям изменчивым и феноменальным, а выше черты, проведенной над временем, пространством и причинностью, нет ни перемен, ни движения; и внешнее движение, и движение внутреннее, то есть мысль, начинаются под этой линией. По другую сторону линии воли быть не может, следовательно, воля не может быть причиной появления вселенной. Обращаясь к вещам, более близким нам, мы видим, что не все движения наших собственных тел являются выражением воли. Я переставил стул — это волевое движение, и воля проявила себя в мускульном усилии. Однако та же сила, при помощи которой я переставил стул, заставляет действовать мое сердце, легкие и т. д. без участия воли. Если здесь действует одна и та же сила, то волей она становится, только поднявшись на уровень сознания, именовать ее волей до того — ошибочно. Эта ошибка вносит много путаницы в философию Шопенгауэра.

Падает камень. Почему? — спрашиваем мы. Этот вопрос возникает из предположения, что без причины ничего не происходит. Я прошу вас уяснить это себе, ибо всякий раз, задавая вопрос о том, почему что-то происходит, мы исходим из уверенности, что всему должна быть причина или что было некое предшествовавшее событие, служившее причиной. Это — закон причинно-следственных связей. Он означает, что все во вселенной попеременно играет роль причины и следствия: причины определенных событий, которые последуют, есть следствия определенных событий, которые предшествовали. Закон причинности является необходимым условием нашего мышления. Мы считаем, что каждая частица во вселенной соотносится со всеми другими частицами. Велось много споров о том, как возникло это представление. В Европе существовала школа интуитивной философии, которая утверждала, что это представление естественно присуще человеку, другие философы утверждают, что в его основе лежит человеческий опыт, но окончательно вопрос так и не решен. Позднее мы узнаем точку зрения философов *веданты* на него. Но пока что нужно усвоить следующее: сам вопрос «почему?» предполагает, что все окружающее было предварено определенными явлениями и что определенные явления последуют в будущем. Второе предположение заключается в том, что во вселенной нет ничего независимого, что все подвержено воздействиям извне. Взаимозависимость есть закон всей вселенной. Но какую ошибку мы допускаем, задаваясь вопросом о причине Абсолюта! Ставя этот вопрос, мы должны предположить, что и Абсолют чем-то связан, что он от чего-то зависит, а это предположение низводит Абсолют до уровня вселенной.

Для Абсолюта нет ни времени, ни пространства, ни причинности, в нем все Едино. То, что свободно, не может иметь причины, иначе оно не будет свободно. Относительное не может быть свободным. Таким образом, мы приходим к выводу, что невозможна сама постановка вопроса о том, почему Бесконечное становится конечным, ибо вопрос содержит в себе внутреннее противоречие. Переходя от этих тонкостей к логике обыденной жизни, мы можем взглянуть на проблему с другой стороны, желая понять, каким образом Абсолютное стало относительным. Останется ли Абсолют Абсолютом, если мы найдем ответ на этот вопрос? Он должен будет стать относительным. Что такое знание в обычном нашем представлении? Мы знаем только то, что прошло через ограничения

⁴⁷ А. Шопенгауэр (1788 — 1860) — немецкий философ-идеалист. В идеалистической линии Упанишад А. Шопенгауэр находил подтверждение и параллели своему основному философскому принципу — мир являет собой представление. При этом он не считал эту теорию своим собственным открытием, называя ее «коренным положением философии Вед», хотя понимание Абсолюта у Шопенгауэра (воля) и в Упанишадах (чистое сознание) было различным. Слова А. Шопенгауэра — «Во всем мире нет занятия столь возвышающего и столь благодетельного, как изучение Оупнекхат (переводы Упанишад на латинский, с которыми он работал. — О. М.), кроме изучения их в оригинале. Это изучение было утешением моей жизни и будет утешением при смерти» — постоянно цитируются европейскими и индийскими специалистами.

нашего ума, а что осталось за пределами ума, то не знание. Абсолют, ограниченный умом, уже не Абсолют, он стал конечным. Становится конечным все, что испытывает на себе ограничивающее воздействие ума. Отсюда следует, что и в самом понятии познания Абсолюта заложено внутреннее противоречие. Этот вопрос остается без ответа, поскольку, если бы ответ был дан, Абсолют перестал бы быть Абсолютом. Познанный Бог уже более не Бог, он обрел конечность, присущую каждому из нас. Он не может быть познан. Он вечно Непознаваемое.

Однако *адвайта* утверждает, что Бог нечто большее, чем познаваемое. Это положение чрезвычайно важно. Вы не должны разойтись по домам, унося с собой впечатление, будто Бог непознаваем в том смысле, как это понимают агностики. Вот, например, здесь стул, и нам известно, что он собой представляет. Вопрос же о том, что находится за пределами мирового эфира, живут ли там люди или нет, возможно, и недоступен нашему знанию. В этом смысле Бог ни познаваем, ни непознаваем. Он нечто более высокое, чем познание, поэтому мы и говорим, что Он ни познаваем, ни непознаваем. Мы не имеем в виду, что Он относится к числу явлений непознанных и непознаваемых. Бог нечто большее, чем познание. Этот стул тоже познан, но Бог познан с куда большей интенсивностью, ибо и стул мы должны познать в Нем и через Него. Он является вечным Свидетелем всего познания. Мы познаем только в Нем и через Него. Он есть Суть нашего «Я», а мы с вами способны познавать только через наше «Я» и в нем. Следовательно, процесс познания возможен только в *Брахмане* и через Него. Стул можно познать только в Боге и через Бога. Значит, Бог значительно ближе к нам, чем этот стул, но в то же время Он неизмеримо выше. Он ни познаваем, ни непознаваем, но Он неизмеримо выше как знания, так и незнания. Он ваше «Я». «Кто жил бы хоть миг, кто дышал бы хоть миг в этой вселенной, не будь она наполнена Благословенным?»⁴⁸ Ибо мы дышим в Нем и через Него, мы существуем в Нем и через Него. Речь не о том, что Он стоит неподалеку и заставляет бежать по жилам мою кровь. Речь о том, что Он Суть всего, Душа моей души. Нет никакой возможности сказать, будто вы Его знаете, это означало бы Его принижение до вашего уровня. Вы не можете выйти из собственного «Я» и потому не можете познать Его. Знание есть объективация. Например, мы проецируем множество вещей на нашу память, которая объективирует их. Моя память, все, что я видел и знаю, составляет часть моего ума. В моем уме хранятся образы и впечатления всего этого, и при моей попытке подумать о них, познать их первым шагом познания становится их проекция вовне. Но в отношении Бога это невозможно. Он есть Суть нашей души, и Его проецировать вовне мы не в состоянии.

Я хочу процитировать одну из самых глубоких мыслей *веданты*: «Он Суть твоей души. Он есть Истина. Он есть «Я», а ты есть То, о Шветаке-ту!»⁴⁹. Иными словами — ты и есть Бог. Его невозможно описать по-другому, все попытки подобрать Ему определение, именуя Его отцом, братом или самым дорогим другом, являются попытками объективации Бога, что исключается. Он есть вечный Субъект всего сущего. Субъект этого стула — я, я вижу стул; Бог же есть вечный Субъект моей души. Как можно объективировать Его, Суть наших душ, Реальность всего сущего? Поэтому я хочу повторить: Бог ни познаваем, ни непознаваем, Он неизмеримо выше и знания, и незнания. Он един с нами, а что едино с нами самими, не есть ни познаваемое, ни непознаваемое — как наше собственное «Я». Вы ведь не можете познать свое «Я», не можете вынести его во вне себя и хорошенько рассмотреть, сделать объектом исследования, поскольку вы есть и не можете отделить себя от себя. Нельзя говорить и о непознаваемости нашего собственного «Я», ибо самих себя мы знаем лучше всего. Это же центральная точка нашего познания. Вот в этом самом смысле Бог ни познаваем, ни непознаваем, Он неизмеримо выше и знания, и незнания, так как Он и представляет собой наше подлинное «Я».

Итак, вначале мы убедились в том, что постановка вопроса о причине, породившей Абсолют, является терминологическим противоречием. Затем мы обнаружили, что философия *адвайты* излагает идею Бога как Единства всего сущего, из чего вытекает, что объективация Бога невозможна, поскольку мы постоянно живем и действуем в Нем, независимо от того, знаем мы это или нет. Теперь перед нами встает вопрос: что такое время, пространство и причинность? *Адвайта* в переводе означает «недуализм»: двойственность не существует, все есть единство. Однако мы видим, что есть точка зрения, согласно которой Абсолют проявляет себя через множество, через завесу времени, пространства и причинности. В таком случае возникает все же нечто вроде двойственности: Абсолют и *майя* — как время, пространство и причинность, взятые вместе. На первый взгляд эта двойственность выглядит весьма убедительной, но сторонник *адвайты* возражает — здесь нет двойственности. Для двойственности необходимо наличие двух совершенно независимых сущностей, которые не являются причинами друг друга. Прежде всего время, пространство и причинность нельзя назвать независимыми сущностями. Время есть сущность вполне зависящая, оно изменяется с изменениями в нашем уме: человеку может присниться, будто он прожил несколько лет, а в других случаях целые месяцы могут пролететь как одно мгновение. Время полностью зависит от состояния человеческого ума. Кстати, иногда представление о времени исчезает вообще. Это же относится и к пространству, мы не можем знать, что такое пространство. Однако в том, что оно есть, невозможно сомневаться, оно есть, но не в отдельности от всего остального. И к причинности это тоже относится.

⁴⁸ Пересказ Тайттирия-упанишады, II, 7, 1.

⁴⁹ Пересказ Чхандогья-упанишады, VI, 8—16.

Характерной чертой времени, пространства и причинности является их неспособность к отдельному существованию. Попробуйте думать о пространстве вне цвета, границ или иных связей, просто об абстрактном пространстве. Вам это не удастся: пространство должно быть связано либо с двумя пределами, либо с тремя объектами. Оно должно быть связано с объектом, чтобы существовать. Точно так же невозможно представить себе абстрактное время, придется взять два события и соединить их в последовательном порядке. Время находится в зависимости от двух событий, как пространство — от внешних объектов. Причинность же неотделима от времени и от пространства. Итак, время, пространство и причинность характеризуются отсутствием самостоятельного существования. Это их типическая черта — существовать как стул или стена они не могут. У них нет подлинного существования, но нельзя и утверждать, будто они не существуют, ибо именно через них проявляет себя все сущее во вселенной. Таким образом, мы приходим к выводу, что, во-первых, сочетание времени, пространства и причинности не является ни существующим, ни несуществующим. Во-вторых, оно иногда вообще исчезает. Возьмем в качестве примера океанскую волну, которая, конечно же, состоит из той же воды, что и весь океан, но мы все же воспринимаем ее как волну, отличную от океана. В чем же отличие? В имени и форме, то есть в представлении и форме. Но можем ли мы думать о волне-форме как о чем-то отдельном от океана? Понятно, нет. Она постоянно связана с идеей океана. Если волна уляжется, идея тут же исчезнет, но форма не была плодом фантазии. Пока существовала волна, существовала и ее форма, вы обязательно должны были ее видеть. Это — *майя*.

Но в таком случае можно сказать, что и вся вселенная есть своего рода форма; Абсолют — это океан, где мы с вами, все солнца и звезды и все прочее есть разного вида волны. А в чем различие между волнами? Только в форме, то есть во времени, пространстве и причинности, которые целиком зависят от волны. Они исчезают с исчезновением волны. Как только человек отбрасывает *майю*, они исчезают и для него. Он делается свободен. Борения идут ради того, чтобы избавиться от привязанности ко времени, пространству и причинности — вечным препятствиям на нашем пути. Что такое теория эволюции? Что есть два ее основных фактора? Мощный потенциал, стремящийся к выражению, и обстоятельства, которые его сдерживают, окружающая среда, не дающая ему выразиться. В борьбе с окружающей средой эта сила принимает все новые и новые формы для своего выражения. Амеба приобретает новую форму, которая помогает ей преодолеть часть препятствий, для преодоления вновь возникающих препятствий ей требуется еще новая форма, и так продолжается, пока она не станет человеком. Если довести эту идею до ее логического конца, следует предположить, что настанет время, когда сила, понудившая амебу стать человеком, преодолеет все природные препятствия и, таким образом, выйдет за пределы природы. Метафизически выраженная, эта идея будет выглядеть так: во всяком действии участвуют два компонента, субъект и объект, смысл же жизни в том, что субъект должен подчинить себе объект. Например, мне неприятно, что меня обругал какой-то человек. Я буду стремиться занять сильную позицию, которая позволит мне взять верх над обстоятельствами, чтобы брань больше не задевала меня. Мы все стремимся взять верх. Что такое мораль? Стремление усилить субъект, настроив его на Абсолют, чтобы конечная природа утратила власть над субъектом. Наша философия подводит нас к логическому выводу: поскольку природа конечна, должно настать время, когда человек возьмет верх над всей окружающей средой.

Но здесь необходимо уточнить еще одно обстоятельство. Откуда мы знаем, что природа конечна? Это можно установить только метафизическим путем. Природа есть бесконечное, введенное в границы. Ставшее, следовательно, конечным. А значит, должно настать время, когда мы сумеем целиком подчинить ее себе. Как же мы собираемся сделать это? Мы же явно не в силах подчинить себе *всю* объективную реальность. Это невозможно. Рыбка готова взлететь в воздух, спасаясь от врагов, преследующих ее в воде. Как она может это сделать? Отрастит крылья и превратившись в птицу. Рыба не изменяет ни воду, ни воздух, изменения в ней самой. Изменения всегда субъективны. Проследивая весь процесс эволюции, можно убедиться в том, что природа преодолевается путем изменений субъекта. Перенесите этот принцип на религию и на мораль, и вы обнаружите, что преодолеть зло можно только изменениями субъекта. Именно поэтому философия *адвайты* построена преимущественно на субъективной стороне человеческой натуры. Бессмысленно говорить о зле и о страданиях, ибо они не существуют вне нас. Если я недосыпаю для злости, я никогда не злюсь. Если я свободен от ненависти, я никогда не испытываю это чувство.

Таким образом, победа над природой достигается через субъективное, через процесс совершенствования субъекта. Я беру на себя смелость утверждать, что *адвайта* — единственная религия, которая в научном и моральном плане не только согласуется с результатами современных исследований, но даже опережает их, чем и привлекает к себе такое внимание ученых. Ученых больше не удовлетворяют старые дуалистические теории, они больше не отвечают запросам современной науки. Человек нуждается не только в вере, но и в интеллектуальной вере тоже. Сейчас, во второй половине XIX века, пора отказаться от представлений о том, что религия должна быть унаследована, что другая религия обязательно должна быть ересью, ибо это свидетельствует только о нашей слабости. Я не хочу сказать, что так относятся к другим религиям только в Индии, — это общее положение, и нигде оно не проявляется так явно, как на моей родине. В Индии *адвайту* не допускали в массу, ее называли «лесная философия», потому что первоначально проповедовавшие ее монахи часто удалялись в леса. Слава Богу, появился Буд-

да, который понес эту религию в народ, и вся страна стала буддийской. А много позднее, когда атеисты и агностики снова погубили народ, выяснилось, что *адвайта* есть единственный путь, спасающий Индию от материализма.

Подобным образом *адвайта* дважды спасала Индию от материализма. До Будды материализм приобрел ужасающий размах⁵⁰, причем это был не наш нынешний материализм, а чрезвычайно грубая форма его. В известном смысле я тоже материалист, поскольку верю в Единство сущего. Именно этот принцип провозглашают и материалисты, только они считают, что все объединено материей, а я считаю, что Богом. Материалисты признают, что материя есть основа и надежды, и религии. Я же утверждаю, что их основа — *Брахман*. Однако материализм, распространившийся в Индии до Будды, был куда более примитивен. Те материалисты учили: ешь, пей и радуйся жизни; нет ни Бога, ни души, ни небесного блаженства, религию выдумали жулики-жрецы. Их мораль была проста: живи, пока живется, ешь досыта, нет денег — бери в долг, не заплатишь — не надо. И вот такого рода материалистическая философия получила столь широкую популярность, что у нас ее и сегодня зовут «философией народа». Будда вынес *веданту* на свет, он приобщил к ней массы и спас Индию. Но через тысячу лет после его смерти ситуация повторилась. Дело в том, что в буддизм были обращены огромные массы людей, разные народы и племена, и с течением времени учение Будды выродилось, ибо новообращенные были в большинстве своем людьми непросвещенными, невежественными. Буддизм не признает Бога, владыку вселенной, и массы понемногу стали возвращаться к своим богам, к своим чертям и призракам. Буддизм в Индии превратился в кашу, и снова взял верх материализм, который в высших слоях общества принял характер вседозволенности, а в народе выродился в набор суеверий. Но тут на сцену выступил Шанкарачарья, возродивший философию *веданты*. Он придал ей облик рационалистической философии. Если Упанишады часто туманны, если Будда подчеркивал моральный аспект *веданты*, то Шанкарачарья сделал упор на ее интеллектуальную сторону. Именно он разработал поразительно последовательную систему *адвайты*.

В Европе сегодня доминирует материализм. Можно только молиться о спасении души современных скептиков, которые не приемлют ничего, кроме рассудка. Спасение Европы — в рационалистической религии, а *адвайта* — недуализм, Единство, идея безличного Бога — единственная религия, способная привлечь людей интеллектуального склада. Когда религия оказывается на грани исчезновения, уступая место внерелигиозным взглядам, *адвайта* обнаруживает свою притягательную силу, и именно поэтому она распространяется сейчас в Европе и Америке.

Хочу добавить еще одно. Древние Упанишады — это высокая поэзия, они были написаны поэтами. Платон говорит, что через поэзию приходит к человеку вдохновение, и кажется, что древние *риши*, те, кому открылась Истина, могли рассказать о ней людям только стихами. Они не проповедовали, не философствовали, не сочиняли — музыка изливалась из их сердец. Будда был человеком великого, всем открытого сердца и беспредельного терпения, он сделал религию практичной и общедоступной. В Шанкарачарье мы видим интеллектуальную мощь, все высвечивающую ослепительным светом разума. Сегодня же нам всем нужно сочетание яркого солнца интеллекта с любовью и милосердием Будды. Это сочетание даст нам высочайшую философию. Наука и религия сойдутся вместе и пожмут друг другу руки. Поэзия и философия станут друзьями. Это будет религия будущего, и, если мы сумеем создать ее, можно не сомневаться, что она будет служить всем народам во все времена. Такая религия будет приемлема и для современной науки, ибо между ними много общего. Когда ученый говорит нам, что все в природе есть проявление единой энергии, не напоминает ли это Бога Упанишад: как огонь во вселенной проявляет себя в различных формах, так и Единая Душа проявляет себя в каждой душе, оставаясь в то же время чем-то неизмеримо большим? Разве вы не видите, в каком направлении идет наука? Индия шла от исследования ума, через метафизику и логику. Европа шла от исследования внешнего мира, но теперь приходит к тем же выводам, хотя и с другой стороны. Исследуя собственный ум, в конечном счете приходим к этому Единству, к Универсальному, к Внутренней Душе сущего, к подлинной Сути и Реальности, и Вечно свободному, Вечно блаженному, Вечно живому. К этому же выводу приходит и наука, исследующая материальный мир, обнаруживая в нем то же Единство. Нынешняя наука утверждает, что все есть многообразие проявлений единой энергии, что она есть основа всего, что человечество развивается в направлении свободы. Зачем нужно человеку быть моральным? Да затем, что путь к свободе ведет через моральность, аморальность же ведет человека к подчинению.

Очень важной характеристикой *адвайты* является отсутствие исключительности. В этом ее величие, отвага, с которой *адвайта* проповедует: «Не тревожьте ничьей веры, даже веры тех, кто по невежеству своему обретает самую простую веру». Не тревожьте их веру, но помогайте всякому возвышаться в вере, всякому, всем людям. Это философия веры в Бога, который есть суть всего. Если речь идет о поиске универсальной религии, то такая религия не может быть составлена из разных компонентов, она должна быть сутью всех религий и допускать различные уровни религиозного развития.

Ясно, что ни одна другая религия не содержит в себе эту мысль, все они — части, равно устремленные к достижению целого. *Адвайта* на протяжении всей своей истории никогда не вступала в противоречия ни с одной другой индийской религиозной сектой. В мире достаточно дуалистических верований, и больше всего их, пожа-

⁵⁰ См. примеч. 45 к «Джняна-йоге».

луй, в Индии, поскольку дуализм, естественно, привлекает к себе неразвитый ум, представляя собой убедительное, наглядное, обыденное истолкование вселенной. Но последователи *адвайты* не ссорятся с последователями дуалистических верований. Одни считают, что Бог находится вне вселенной, где-то на небесах, другие — что Он в душе человеческой и было бы кощунством искать Его вдальеке. Сама мысль об отторжении Бога от человека неприемлема для них, ибо Он нам ближе всего. Нет в человеческом языке слова для выражения этой близости, за исключением слова «единство». Последователя *адвайты* не удовлетворит ничто иное, точно так же, как последователь дуализма будет шокирован концепцией *адвайты*. Однако последователь *адвайты* знает, что не могут не существовать другие концепции, помимо его собственной, и он не ссорится с дуалистом, стоящим на верном пути. Тот может далеко пройти по нему, раз он испытывает потребность в таком объяснении мира, пусть, ибо все пути все равно ведут к одной и той же цели, известной последователю *адвайты*. В этом его отличие от дуалиста, который в силу своих убеждений обязан считать ошибочными все точки зрения, кроме своей. Дуалисты во всем мире, естественно, веруют в Личностного Бога, существо чисто антропоморфное, напоминающее могущественного властителя, которому нравятся одни и не нравятся другие. Он на собственный вкус выбирает людей или народы, которых осыпает благодеяниями, из-за чего дуалист приходит к выводу, что у Бога есть любимчики, и надеется попасть в их число. Эту идею можно обнаружить чуть ли не в каждой религии: мы народ, возлюбленный нашим Богом, и, только приобщившись к нашей вере, вы тоже можете рассчитывать на Его благоволение. Подчас уозость мышления достигает утверждения о том, что на спасение души могут надеяться лишь люди, особо избранные для Божьей милости, остальным же не спастись, сколько бы они ни старались. Назовите мне дуалистическую религию, которая не была бы исключительной в той или иной мере. Следовательно, в силу самой своей природы дуалистические религии не могут не вступать в противоречия одна с другой, что мы и наблюдаем на всем протяжении истории. Дуалистические религии обеспечивают себе поддержку, взывая к тщеславию невежественных людей, которых радует ощущение собственного избранничества. Дуалист полагает, что человек не способен на моральное поведение, если над ним не стоит Бог с розгой в руке, готовый покарать его. Массовое сознание бывает обычно дуалистическим, несчастные невежественные люди тысячами преследовались в каждой стране, так что для них спасение души — это освобождение от страха перед карой. В Америке меня как-то спросил священник: «В вашей религии нет дьявола. Как это может быть?»

Однако величайшие люди мира были движимы этой высокой имперсональной концепцией.

Великий Человек заявил: «Я и Отец мой едины»⁵¹, — и сила его духа увлекла за собой миллионы. Тысячи лет эта мысль рождает добро. Мы знаем, как был милосерден к людям этот Человек, свободный от дуалистических взглядов. Тем, кто был не в силах подняться выше концепции Личностного Бога, Он говорил: «Молитесь Отцу вашему на небесах». Другим, кто мог понять более сложные вещи, он говорил: «Я — лоза, а вы мои отростки». Своим же ученикам, перед которыми он мог раскрыться, он объявил наивысшую истину: «Я и Отец мой едины».

Не кто иной, как великий Будда, которого никогда не прельщали дуалистические боги, которого обзывали и атеистом, и материалистом, был готов расстаться со своим телом ради несчастной козы. Этот Человек заставил действовать самые высокие моральные принципы, известные человечеству. Любая моральная идея несет на себе отблеск света этого Человека. Нельзя загонять великие сердца в жесткие границы и удерживать их в этих границах, особенно когда наступает время в истории человечества, озаменованное ранее небывалым интеллектуальным развитием, немыслимым даже сто лет назад, огромным подъемом научного знания, невозможным даже пятьдесят лет назад. Удерживая людей силой в жестких границах, мы принижаем их до животного уровня, превращаем в неразмысляющую массу. Мы убиваем их моральную жизнь. Сегодня нам необходимо сопряжение величайших сердец с высочайшей интеллектуальностью, безграничной любви с безграничным знанием. Последователь *веданты* не наделяет Бога иными качествами, кроме следующих трех — Он есть Бесконечное существование, Бесконечное знание и Бесконечное блаженство, которые в нем составляют Единство. Нет существования без знания и любви, не может быть знания без любви и любви без знания. Нам нужна гармония жизни, знания и счастья навеки. Вот в чем наша цель. Не одностороннее развитие, но гармоничность развития. А сочетание интеллекта Шанкарачарьи и сердца Будды возможно. Я надеюсь, мы все будем стремиться достичь этого благословенного сочетания.

⁵¹ Соотносится с Первым посланием Иоанна, 10, 30 («Я и Отец — одно»).

БОГ ВО ВСЕМ

Мы знаем, что большая часть нашей жизни проходит во зле, сколько бы мы ни противились ему, и что масса зла практически безмерна. С начала времен человек старается изменить положение дел, но все остается, как было. Чем больше способов противодействия злу мы находим, тем глубже увязаем во все более изощренном зле. Мы знаем также, что все религии провозглашают Бога как единственное спасение. Все они учат, что если принимать мир таким, каков он есть, а это нам советует нынче большинство практичных людей, то ничего мы не увидим, кроме зла. Они учат, что есть иной мир, за пределами мира земного, что жизнь в материальном мире, воспринимаемом нашими чувствами, — это далеко не все, собственно говоря, это малая и несущественная часть жизни. А дальше — Бесконечное, где уже нет зла. Одни зовут его Богом, другие Аллахом, Иеговой, Юпитером и другими именами. Последователи *веданты* зовут его *Брахманом*.

Религиозные поучения сразу же наводят на мысль о том, что человеку лучше поскорее пройти свой жизненный путь: на вопрос, как же справиться со злом, ответ самоочевиден — перестать жить. Все это напоминает старую историю об услужливом друге, который, увидев комара на голове приятеля, так треснул его дубиной по голове, что тот упал за смертью вместе с комаром. Очень похоже на то, как мы пытаемся одолеть зло. Жизнь полна бед, мир полон зла, этого не может отрицать ни один зрелый человек.

Но какой же выход предлагают религии? Они учат: этот мир — ничто, настоящий мир лежит за его пределами. Вот тут и возникает трудность. Исцеление предполагает полное уничтожение. Но, возможно, выхода попросту нет? Философия *веданты* утверждает, что все религии указывают правильный путь, но указания эти должны быть правильно поняты. Их зачастую неверно трактуют из-за того, что в самих религиях не содержится четких высказываний об этом. По сути дела, нам нужно сопряжение ума с сердцем. Сердце — великая вещь, и сердцу мы обязаны многими вдохновениями. Я в тысячу раз охотней согласился бы иметь маленькое сердце и вовсе не иметь мозга, чем состоять из одного мозга без сердца. Жизнь и прогресс возможны лишь для человека с сердцем, мозг же без сердца иссыхает.

Но, с другой стороны, хорошо известно, какие опасности подстерегают того, кто живет только сердцем. Нам нужно сопряжение сердца с умом. Я не хочу сказать, что нужно сдерживать веления сердца во имя ума или наоборот, нет, пусть каждый обладает большим чувством, но в то же время сильным рассудком. Да есть ли вообще предел нашим желаниям в этом мире? Разве не беспределен этот мир? Значит, найдется в нем место и большим чувствам, и сильной культуре, и уму. Их нет нужды ограничивать, они могут развиваться параллельно.

Большая часть религий согласна с этим положением, но, похоже, все они совершают одну и ту же ошибку — позволяют сердцу, чувствам взять верх. Мир полон зла — откажись от мира. Нет сомнения, великие слова. И единственно справедливые тоже — откажись от мира. Двух мнений быть не может: чтобы познать Истину, необходимо отказаться от ошибки. Каждый из нас должен отказаться от зла, чтобы творить добро, как каждый из нас должен отказаться от того, что означает смерть, чтобы продолжать жизнь.

Но в таком случае если мы откажемся от жизни чувств, единственно известной нам, то что же останется? А что другое можем мы называть жизнью? Что же останется, если мы откажемся от жизни?

Мы поймем эту проблему лучше, когда перейдем к философским разделам *веданты*. Пока же я хочу заявить, что только *веданта* предлагает рациональное решение. Я просто расскажу вам то, что *веданта* доказывает, а именно: божественность мира. По сути, в *веданте* нет отказа от мира. Хотя идеал отрешения в учении *веданты* предстает в наивысшей своей форме, он не предполагает сухого совета покончить счеты с жизнью: речь идет об обожествлении мира, об отказе от мира, каким он нам видится, и о познании его подлинной сущности. Обожествляйте мир, ибо он есть только Бог. В начале одной из древнейших Упанишад говорится: что ни есть в этой вселенной, все должно быть покрыто Богом⁵².

Мы должны все покрыть не кем иным, как самим Богом, не ложным оптимизмом, не закрыванием глаз на зло, мы должны действительно во всем видеть Бога. Мы отказываемся от мира, и что же остается? Бог. Что это значит? Если у вас есть жена, то это не значит, что вы должны ее бросить, но вы должны научиться видеть Бога в собственной жене. Отказаться от детей — что это значит? Не выгнать их на улицу, как делают мерзавцы во всех странах, но прозреть Бога в ваших детях. Бог равным образом присутствует в жизни, и в смерти, и в счастье, и в страдании. Мир исполнен Бога. Откройте глаза, и вы Его увидите. Этому учит *веданта*. Откажитесь от мира, который вы себе вообразили, ибо все это построено на вашей пристрастности, на вашем скудном разумении, на ваших слабостях. Откажитесь от мира, о котором вы столько размышляли, от мира, за который вы так долго цеплялись, откажитесь, вы его сами выдумали. Откройте глаза, мир никогда не существовал в этом виде, вам все привиделось, это — *майя*. По-настоящему существовал только Бог. Он и в ребенке, и в жене, и в муже. Он и в хорошем, Он и в дурном, Он грех, и Он грешник, Он в жизни, и Он же в смерти.

⁵² Пересказ Иша-упанишад, I.

Утверждение громадное, по сути! Но именно оно составляет смысл *веданты*, который она доказывает и проповедует. С этого утверждения начинается *веданта*.

Таким образом, мы избегаем опасностей жизни и существующего в ней зла. Не желайте ничего. Что делает нас несчастными? В желаниях корень всех наших страданий. Вы желаете чего-то, что вам не дается, и вы от этого страдаете. Если нет желания, нет и страдания. Существует, однако, опасность того, что я буду неверно понят вами, поэтому мне лучше объяснить, что я имею в виду, когда говорю об отказе от желаний и об освобождении от несчастий. Стены тоже ничего не желают, и страданий они не испытывают. Верно, но стены и не развиваются. Нет желаний и у стула, и он тоже никогда не страдает, но он так и останется стулом. Есть величие в счастье, но и в страдании есть величие. Если мне будет позволено, то я даже скажу, что и у зла есть своя польза. Мы все знаем, какие великие уроки преподносит страдание. Каждый из нас совершил в жизни множество поступков, которых лучше бы не совершать, но ведь мы и многому на них научились. Что касается лично меня, то я рад, что сделал кое-что доброе и много плохого, я рад, что иногда поступал правильно, и рад, что наделал много ошибок, ибо каждая была мне большим уроком. Я сегодняшней являю собой результат всего, что делал, всего, о чем думал. Всякий поступок и всякая мысль имели свое последствие, а сумма этих последствий и есть мое развитие.

Мы все понимаем, что желания плохи, но что это значит — отказаться от желаний? Как же тогда жить? Не самоубийствен ли этот путь — убить желания, а вместе с ними и человека? Нет, не в этом дело. Не в том, чтобы не обладать собственностью, не иметь того, что вам необходимо, или даже предметов роскоши. Владейте всем, чего желаете, и даже сверх того, но помните все время Истину и живите ею. Богатство никому не принадлежит. Не поддавайтесь чувству собственности. Вы — никто, так же как я, как всякий другой. Всем владеет Бог, потому что в первом же стихе было сказано: придайте всему Бога. Бог и есть то богатство, которое радует вас, Он в нем. Бог и в тех желаниях, которые поднимаются в вас. Он в тех вещах, которые вы покупаете, удовлетворяя свои желания, он в вашей нарядной одежде, в ваших красивых украшениях. Таким должен быть образ ваших мыслей. И как только вы начнете все видеть в этом свете, все преобразится. Если Бог будет в каждом вашем движении, в ваших разговорах, в вашем облике, буквально во всем, сразу все изменится, и мир, который казался исполненным стенаний и страдания, делается раем для вас.

Царство Божие внутри вас⁵³, утверждал Иисус, и так же говорили все великие наставники, и то же сказано в *веданте*. Имеющий глаза да увидит, имеющий уши да услышит⁵⁴. *Веданта* доказывает, что Истина, которую все время мы искали, все это время была в нас самих. Мы по невежеству полагали, будто утратили ее, пытались вновь обрести, ища, стеная и плача, но она хранилась в наших собственных сердцах. Только там она и может быть.

Если мы представим себе отказ от мира в его старом, упрощенном понимании, то неизбежно придем к заключению, что работать незачем, лучше сидеть сложа руки, ни о чем не думая, ничего не делая, а фаталистически подчиняясь воле судьбы, с покорностью следуя законам природы, плыть по воле волн. Но это совершенно не так. Необходимо трудиться. Что знает о сути труда обычный человек, гоняющийся за удовлетворением выдуманных желаний? Что знает о сути труда тот, чья жизнь направляется восприятием чувственного мира? Знает труд лишь тот, кто отдается ему не ради удовлетворения желаний, не ради какой бы то ни было корысти. Тот знает труд, кто трудится без задней мысли, не рассчитывая попользоваться плодами своего труда.

Кто наслаждается произведением живописи — продавец или зритель? Продавец поглощен своими расчетами, прикидывает, что получит от продажи картины, какую прибыль извлечет. Он следит за молотком аукциониста, боясь упустить минуту, он вслушивается в называемые цены. Но человек, который пришел на аукцион без намерения покупать или продавать, по-настоящему наслаждается картиной. Он смотрит только на нее, в эту минуту она — вся его вселенная. Когда же человек начинает смотреть на вселенную как на картину, свободный от желаний и от намерений купить или продать, не тревожимый собственническими побуждениями, он наслаждается миром. Нет больше ростовщика, нет покупателя, нет продавца, есть только мир — прекрасная картина. Я никогда не сталкивался с концепцией Бога более прекрасной, чем эта: «Он есть великий Поэт, Поэт с древнейших времен, а вселенная — Его поэма, рифмы и ритмы которой передают блаженство Создавшему ее»⁵⁵. Лишь отказавшись от желаний, можем мы прочесть поэму и восхититься ею. Лишь тогда все становится божественным, даже те щели и углы, переходы и подземелья, которые казались нам мрачными и зловещими. Даже они обнаруживают свою подлинную природу, и мы с улыбкой взираем на себя, понимая, что детскостью были все наши жалобы и слезы, — теперь просто наблюдаем все со стороны.

Трудись, учит *веданта* и с самого начала поясняет, как нужно трудиться — через отрешение: через отрешение от видимого иллюзорного мира. Что это значит? Это значит, что трудиться нужно, во всем видя Бога. Трудитесь так. Стремитесь прожить сто лет, удовлетворяйте любые свои желания, но только вкладывая Бога в них, устрем-

⁵³ Соотносится с Евангелием от Луки, 17, 21 («Царство Божие внутри вас есть»). В индийской традиции Вивекананда усматривает параллели этой установке в теизме веданты.

⁵⁴ Соотносится с Евангелием от Матфея, 11, 15 («Кто имеет уши слышать, да слышит!»).

⁵⁵ Источник цитирования не выявлен.

ляя их к небу. Стремитесь прожить долгую жизнь, заполненную помощью другим, блаженством и активностью. Это и есть выход, который вам откроется. Другого выхода нет. Если человек упивается радостями жизни, не понимая их истинной сути, он сбивается с пути, он не достигнет цели. Если человек прокликает мир, удаляется в леса, умерщвляет свою плоть, медленно убивает себя непрерывными постами, превращает свое сердце в иссушенную пустыню, становясь жестким, сухим и непреклонным, он тоже сбивается с пути. Обе крайности ошибочны, и любой из этих двух путей ведет мимо цели.

Трудитесь, учит *веданта*, во всем видя Бога, памятуя, что Он есть во всем. Трудитесь не покладая рук, относясь к жизни как к божеству, как к самому Богу, в уверенности, что это единственное, что требуется, и единственное, на что человек может надеяться. Бог во всем, куда нам идти в поисках Его? Он и без того в каждом нашем поступке, в каждой мысли, в каждом чувстве. Раз мы это знаем, мы должны трудиться, ничего иного нам не дано. Раз мы это знаем, мы не станем слепо тянуться за плодами труда. Мы уже поняли, что ложные желания становятся причиной всех страданий, которые нам приходится переживать, но желания обожествленные, очищенные, во-бравшие в себя Бога не приносят ни зла, ни страданий. Кто этого не осознал, тому так и остается жить в демоническом мире до тех пор, пока не наступит прозрение. Многие не знают, какой неисчерпаемый источник блаженства находится в них самих, вокруг них и повсюду, они еще не обнаружили его. Откуда же демонический мир? *Веданта* дает ответ: из невежества.

Мы умираем от жажды на берегу полноводнейшей из рек. Мы умираем с голоду рядом с изобилием пищи. Вот она, вселенная, исполненная блаженства, но мы не можем найти ее. Мы в ней, мы все время в ней, но продолжаем искать ее. Религия должна бы открыть нам эту вселенную, стремление к которой вечно живет в наших сердцах. Она была целью поиска всех народов, единственной целью всех религий, идеалом, который нашел себе выражение на разных языках, в разных религиозных терминах. Только языковые различия заставляют нас думать, будто речь идет не об одном и том же идеале. Люди говорят на разных языках, но вкладывают, возможно, один и тот же смысл в различные слова.

Однако в этой связи возникает множество вопросов. На словах все проще. Меня с детства приучили к мысли о том, что Бог повсюду и во всем, что, осознав это, я буду по-настоящему счастлив в мире, но стоит мне столкнуться с этим миром и получить несколько затрещин от него, как мысль эта оставляет меня. Вот иду я по улице, размышляя о том, что в каждом прохожем — Бог, а тут меня кто-то сильно толкает, и я растягиваюсь во весь рост. Мысли о высоком немедленно покидают меня, я вскакиваю, сжимаю кулаки, кровь моя кипит, я безумен, все позабыто, я не вижу Бога, я столкнулся с дьяволом. Нас с рождения приучают видеть Бога во всем. Этому учит каждая религия, вы же помните, как говорит об этом Христос в Новом завете. Мы все знаем, что это так, но стоит нам попытаться воплотить наше знание в практику, как начинаются трудности. Вы, конечно, помните басню Эзопа: олень любит свое отражение в воде и говорит другому: смотри, как я силен и прекрасен, какие у меня рога, какие мускулистые ноги, которые умеют так быстро бегать! Но, заслышав собачий лай в отдалении, олень бросается бежать. Когда он возвращается запыхавшийся, другой олень спрашивает: ты ведь хвастался силой, так отчего же ты бросился бежать при звуках собачьего лая? В том-то и дело, сын мой, отвечал олень, что эти звуки лишают меня уверенности.

Так происходит и с каждым из нас, мы чувствуем в себе силу и отвагу, мы принимаем большие решения, но, как только залают псы испытаний и соблазнов, мы ведем себя как олень из басни. Но в таком случае какая польза от того, что мы пытаемся все понять? Польза в том, что настойчивость в конечном счете приведет к победе. Ничего нельзя достичь в один день.

«Сначала о Душе нужно слышать, потом нужно думать о ней, потом сосредоточиться на ней всеми помыслами»⁵⁶. Небо всем видно, каждый червяк, ползающий по земле, видит его синеву, но как оно отдалено! Это же можно сказать об идеале. Он очень отдален, без сомнения, но мы должны к нему стремиться. Мы должны стремиться даже к высочайшему идеалу. К прискорбию, большая часть людей бредет вслепую через мрак жизни, не имея никакого идеала. Если человек, имеющий идеал, совершает тысячу ошибок, то я уверен, что тот, кто его не имеет, совершает их пятьдесят тысяч, так что лучше иметь идеал перед собой. Мы должны слышать зов идеала как можно чаще, пока идеал не станет частью нашего сердца, нашего мозга, не войдет в наш кровоток, не просочится во все поры нашего тела. Мы должны сделать его объектом медитации. «От полноты сердца глаголет язык»⁵⁷, и от полноты же сердца трудится рука.

Нами движет сила нашей мысли. Заполните ум мыслями о высоком, день изо дня прислушивайтесь к этим мыслям, думайте о высоком месяц за месяцем. Не обращайтесь внимания на срывы, они естественны, в наших срывах прелесть жизни. Чем был бы мир без человеческих слабостей? Не стоило бы жить на свете, если бы в жизни не было борений. Откуда взялась бы поэзия жизни без них? Не огорчайтесь из-за борений, из-за ошибок. Я никогда не слышал, чтобы корова врал, но на то она корова, а не человек. Не обращайтесь внимания на срывы, на

⁵⁶ Пересказ Брихадараньяка-упанишады, II, 4, 5.

⁵⁷ Соотносится с Евангелием от Матфея, 12, 34 («...от избытка сердца говорят уста»).

возвраты к прошлому, тысячу раз снова устремляйтесь к идеалу и, если вы тысячу раз сорветесь, устремляйтесь к нему в тысячу первый раз. Идеал заключается в умении видеть Бога во всем. Не можете увидеть Его во всем, увидите в чем-то одном. В том, что вам дороже всего, а потом постарайтесь увидеть Его в чем-то еще. Жизнь духа бесконечна. Не спешите, и вы достигнете цели.

«Он, кто движется быстрее ума, кого не догнать мысли, кто и для богов недосыгаем, и для мысли неуловим, Его движением движется все сущее. Все — в Нем. Он — движение. И неподвижность тоже Он. Он близок, и Он далек. Он во всем. Он вне всего, все соединяя в себе. Тот, кто видит во всем живом *Атман* и все в *Атмане*, никогда не удален от *Атмана*. Когда вся жизнь и вся вселенная увидены в *Атмане*, только тогда человеку открылась тайна. Нет для него более заблуждений. И где теперь страдание для того, кто увидел Единство во вселенной?»⁵⁸

Это еще одна великая тема *веданты* — Единство жизни и Единство во всем. Сейчас мы убедимся в том, что невежество есть причина всех наших страданий, что из невежества вытекает наше представление о многообразии мира, об отдельности людей, народов, Земли и Луны, Луны и Солнца. Из представления об отдельности каждого атома все наши беды. Но *веданта* учит, что не существует этой разделенности, она нереальна. Она нам только кажется существующей, она только на поверхности вещей, сердцевина же их — Соединенность. Углубившись, вы обнаружите Соединенность людей, рас, высоких и низких, богатых и бедных, богов и людей, людей и животных. При достаточном углублении все предстает как вариации Единства, и понявший это освобождается от заблуждений, Что может ввести его в заблуждение? Он знает реальность всего, он знает тайну всего. Что может заставить его страдать? Что он может желать? Он исследовал реальность всего сущего, пока не пришел к Богу, к Центру, к Единству, а это — Вечная жизнь, Вечное знание, Вечное блаженство. Нет здесь ни смерти, ни болезней, ни скорби, ни страдания, ни неудовлетворенности. Здесь все — Совершенное единство и Совершенное блаженство. Кого же оплакивать познавшему это человеку? В Реальности нет смерти, нет страдания, в Реальности некого оплакивать, не о ком сожалеть. Он во всем, Чистый, Формы не имеющий, Телом не обладающий, Незапятнанный. Он владеет Знанием, Он великий Поэт, Он Самосущий, Тот, кто каждому воздает по заслугам. Бродят во тьме те, кто поклоняется невежественному миру, невежеством же порожденному, считая его Жизнью, равно как и другие, чья тьма еще непроглядней, ибо, живя в этом мире, так и не находят они ничего лучшего или более возвышенного, чем Он. Человек, познавший тайну природы, прозревший при помощи природы то, что за ее пределами, минует смерть и достигает Вечного блаженства. «О солнце, золотым своим диском закрывающее Истину, удали помеху, дай мне увидеть Истину, таящуюся в тебе. Я познал Истину, таящуюся в тебе, я понял подлинный смысл твоих лучей и твоего сияния, я увидел То, чем ты сияешь, — Истину в тебе я вижу, То, что в тебе, есть и во мне, я есмь То»⁵⁹.

⁵⁸ Пересказ Иша-упанишад, 4—6.

⁵⁹ Пересказ Иша-упанишад, 15—16.

ОСОЗНАНИЕ

Я буду читать вам одну из Упанишад, она называется Катха-упанишада. Возможно, некоторые знакомы с ее английским переводом, выполненным сэром Эдвином Арнольдом под названием «Тайна смерти». В предыдущей лекции речь шла о том, как попытки понять происхождение вселенной потерпели неудачу при опоре на факты внешнего мира и внимание было перенесено на мир внутренний. Книга психологически исходит из этого предположения и рассматривает внутреннюю природу человека. Сначала возник вопрос: кто создал внешний мир, откуда он взялся? Теперь возникает вопрос: что в человеке заставляет его жить и действовать и куда это девается, когда человек умирает? Философы, искавшие ответ на первый вопрос, изучали материальный мир, пытаясь через него выйти к первооснове. В лучшем случае они приходили к выводу о существовании личности, управлявшей вселенной; по сути дела, о человеке, хотя и безмерно увеличенном. Однако этот вывод может быть частичным приближением к Истине, всей Истиной он быть не может. Мы воспринимаем вселенную с человеческой точки зрения, поэтому наш Бог есть человеческое истолкование мира.

Вообразим, что у коров есть религия и они способны к философскому осмыслению мира; в этом случае, они создадут коровью концепцию вселенной, а нашего Бога воспринять не смогут. Кот, ставший философом, представит себе вселенную по-кошачьи, во главе которой поставит кота же. Отсюда явствует, что наше объяснение вселенной не является абсолютным. Наша концепция всю вселенную не охватывает. Хотя человек склонен считать именно так, было бы колоссальной ошибкой занимать эту крайне эгоцентрическую позицию. Концепция вселенной, построенная на фактах внешнего мира, не может избавиться от существенной погрешности, это картина нашего представления о вселенной, наш собственный взгляд на Реальность. Реальность не может быть воспринята нашими органами чувств, мы не в силах понять ее. Нам известна только вселенная, доступная восприятию существ с пятью органами чувств. Если предположить, что у нас может развиться шестое чувство, то вся вселенная должна предстать перед нами иной. Допустим, что у нас разовьется чувство магнетизма; возможно, тогда мы обнаружим миллионы и миллионы взаимодействий, о которых и не подозреваем сейчас и которые сейчас неощутимы. Наши восприятия ограничены, весьма ограничены; то, что мы именуем вселенной, существует в рамках этих ограничений; наш Бог — способ объяснить вселенную, но едва ли это объяснение можно считать полным. И человек не в состоянии остановиться на нем. Человек есть мыслящее существо, поэтому он стремится к отысканию объяснения для всех вселенных. Он стремится увидеть мир, который одновременно является миром людей, богов, прочих существ, и создать концепцию, которая включала бы в себя все явления.

Прежде всего требуется найти вселенную, которая включала бы в себя все вселенные, тот материал, который соединяет различные уровни существования, не важно, воспринимаются ли они органами чувств или нет. Если окажется возможным обнаружить нечто, являющееся общим качеством как самых низких, так и самых высоких уровней существования, то наша проблема будет решена. Проблема будет близка к разрешению, даже если мы в силу чистой логики придем к заключению о неизбежности наличия единой основы всех форм жизни; однако к этому заключению нельзя прийти только через факты видимого и известного нами мира, поскольку они есть лишь часть целого.

Мы можем рассчитывать лишь на более глубинное проникновение в суть вещей. Мыслители древности уже замечали, что с отдалением от центра все заметней становятся различия, с приближением же к центру заметней единство сущего. Чем ближе мы стоим к центру окружности, тем ближе мы к месту сопряжения всех радиусов, а чем дальше, тем больше расстояние между радиальными линиями. Внешний мир весьма отдален от центра, здесь места соприкосновения различных уровней существования отсутствуют. Внешний мир в лучшем случае является частью целого, наряду с другими частями — ментальной, моральной, интеллектуальной, которые представляют собой различные уровни существования. Понятно, что невозможно найти решение для целого, используя лишь одну часть. Следовательно, нам предстоит в первую очередь отыскать тот центр, из которого как бы исходят все уровни существования, и, находясь в центре, строить общую концепцию всего. Такова идея. Но где же центр? Он внутри нас. Мудрецы древности шли все глубже и глубже, пока не обнаружили центр всей вселенной в самой глубине человеческой души. Все уровни существования стягиваются к этой точке, к точке соприкосновения, находясь в которой единственно только и можно найти общее для всего. Значит, вопрос о том, кто создал этот мир, не слишком философичен, а концепция мироздания ничего особенного собой не представляет.

В Катха-упанишаде это изложено чрезвычайно метафорическим языком⁶⁰. Жил-был в старину очень богатый человек, который однажды затеял жертвоприношение, требовавшее всего его достояния. Человек этот не был искренен в своих помыслах, ему хотелось приобрести репутацию, но жертвовать он собирался лишь тем, в чем не было ему нужды, — старыми, бесплодными, хромыми коровами. И был у него мальчик по имени Начикета. Сын скоро понял, что отец кривит душой, что, по сути, отец не соблюдает обет, но как сказать об этом отцу, он не знал. В Индии дети считают родителей чуть ли не богами. Но все же сын решил и почтительно спросил отца: «Отец,

⁶⁰ Здесь и далее пересказ Катха-упанишады, I.

кому вы намерены принести в жертву меня, ибо вы собирались пожертвовать всем своим достоянием?» — «Что за вопрос, сын! — воскликнул раздосадованный отец. — Как может отец принести в жертву собственного ребенка!» Однако сын продолжал задавать отцу этот вопрос, пока тот сгоряча не ответил: «Яме, богу смерти, я тебя отдам!»

Дальше рассказывается о том, как Начикета отправился к богу смерти. Яма был первым человеком, который познал смерть. Он попал на небо и сделался старшим над душами предков: все добрые люди после смерти оказываются в царстве Ямы и долго там живут. Яма — святая душа, исполненная чистоты и доброты, как явствует из его имени.

Итак, отправился Начикета к Яме. Но даже богов не всегда застанешь дома, поэтому пришлось Начикете три дня прождать его. На исходе третьего дня Яма возвратился. «О ученый юноша! — воскликнул он. — Ты мой почетный гость, а тебе пришлось три дня прождать меня, не евши. Прими мои извинения, о брахмин, а в возмещение ожидания я дарую тебе три желания — по одному за каждый день!» — «Первое желание, — начал юноша, — заключается в том, чтобы не сердился на меня мой отец, чтобы он узнал меня и встретил с радостью, когда ты позволишь мне к нему вернуться!»

Яма согласно кивнул.

Второе желание Начикеты касалось сведений об определенном жертвоприношении, благодаря которому человек мог попасть на небеса. Мы уже видели, что древнейшая идея загробной жизни⁶¹ — она изложена в *самхитах* — связана с небесами, где люди получают святящиеся тела и живут вместе со своими: предками. Постепенно стали появляться и другие идеи, но примерно такого же порядка. Жизнь небесная не столь уж отличалась от земной, ее можно было уподобить жизни здорового, обеспеченного человека, который может себе позволить множество удовольствий и которого не терзают недуги. Все тот же самый материальный мир, может быть в несколько улучшенном варианте. Мы уже видели, как трудно объяснить мироздание при помощи фактов внешнего мира — не менее трудно это сделать и при помощи небес. Раз этот мир не дает объяснения, объяснения не даст никакое его умножение, ибо следует всегда помнить, что материя составляет лишь ничтожную часть природы. Большая часть явлений, наблюдаемых нами, по сути, не есть материя. Например, какую огромную роль в каждую минуту нашей жизни играют мысли и чувства, намного большую, нежели материальные явления вне нас! Как колоссален этот внутренний мир и его могучая деятельность! Чувственные явления ничтожны по сравнению с ним. Не поможет и перенесение их на небеса, поскольку и там единственными способами восприятия остаются осязание, вкус, зрение и прочее. Но все же второе желание Начикеты касается жертвоприношения, благодаря которому человек может оказаться на небесах. В Ведах заключена мысль о том, что определенные жертвоприношения, угодные богам, помещают человека на небо.

Изучение религий показывает, что все древнее становится священным. Например, в далекие времена наши предки в Индии писали на древесной коре⁶², а позднее научились изготавливать бумагу. Тем не менее, рукописи на коре считаются наделенными особой святостью. Когда появилась улучшенная посуда для приготовления пищи, старая посуда сделалась священной. Нигде в мире мысль о святости всего, что относится к древности, не проявляется так сильно, как в Индии. Здесь все еще используются модели десяти тысячелетней давности, как, например, добывание огня трением. Другие методы не считаются приемлемыми при проведении жертвоприношения. Это относится и к другим племенам азиатских ариев. Их потомки по сей день предпочитают добывать огонь от молнии, показывая, что некогда он был добыт именно этим путем. Даже приобретая новые навыки, эти народы не отказываются от старых, которые приобретают ауру святости. В древности евреи использовали пергамент для письма. Теперь они пишут на бумаге, но пергамент считается священным. Собственно говоря, любой обряд, который считается священным сегодня, есть просто старинный обычай, это касается и ведических жертвоприношений. С течением времени менялся образ жизни, развивались представления о мире, но старые формы тоже сохранялись, приобретая священный смысл.

Постепенно образовалась группа людей, которые взяли на себя выполнение жертвоприношений. Священнослужители спекулировали на выполнении обрядов, и обряды стали для них смыслом жизни. Запах жертвоприношений считался угодным богам, они собирались, чтобы вдыхать его, и появилось представление о том, что при помощи жертвоприношений можно добиться всего на свете. Боги исполняют любую просьбу при условии соответствующих приношений, пения соответствующих гимнов, воздвижения алтаря в соответствующей форме. Вот поэтому Начикета и спрашивает: в какой форме должно быть совершено жертвоприношение, чтобы человек оказался на небесах? И второе желание было с охотой исполнено Ямой, который даже пообещал, что отныне это жертвоприношение будет носить имя Начикеты.

Тут приходит время для третьего желания, и здесь, собственно, начинается Упанишада. Начикета говорит: «Когда умирает человек, одни утверждают, что он есть, иные — что человека больше нет. Я желал бы это понять».

⁶¹ См. примеч. 31 к «Джняна-йоге».

⁶² Березовая кора употреблялась для изготовления бумаги, одежды отшельников, считалась особо священной. Береза (барч, или бхарадж) росла на севере страны, в предгорьях Гималаев.

Однако Яма пугается вопроса. Он охотно исполнил два предшествующих желания, теперь же он уходит от ответа. «В древние времена, — говорит Яма, — и боги ломали себе голову над этим вопросом. Это материя тонкая, которую нелегко понять. Избери себе другое желание, о Начикета, уволь меня от ответа на этот вопрос».

Но юноша не отступает. «Сказанное тобой справедливо, бог Смерти, — это материя тонкая, и даже богам трудно разобраться в ней. Но нет никого, кроме тебя, кому я могу задать этот вопрос, как нет и желания, равного желанию получить на него ответ».

Смерть отвечает: «Проси у меня сыновей и внуков, которые проживут по сто лет, проси скот, золото, слонов и коней. Проси империю, которой ты будешь править, сколько пожелаешь. Я исполню любое желание, богатство ли это или долголетие. Я сделаю тебя правителем мира, о Начикета, я дам тебе все, о чем может мечтать человек, небожители будут служить тебе, но только, Начикета, не спрашивай о том, что бывает после смерти!»

Начикета возражает: «Все это бренно, о Смерть, и наслаждения влекут за собой пресыщение. Даже самая долгая жизнь очень коротка. Оставь себе коней и колесницы, музыку и танцы. Человек не в силах удовлетвориться богатством, ибо разве он способен сохранить его, встретившись с тобой? Мы живем лишь столько, сколько пожелаешь ты. Нет у меня иного желания, чем то, которое я просил тебя исполнить».

Яме понравились слова Начикеты, и он сказал: «Совершенство — это одно, а наслаждение — совсем другое, различны их цели, и по-разному влекут они к себе человека. Избравший стремление к совершенству становится чист, избравший наслаждение утрачивает свою подлинную натуру. И стремление к совершенству, и стремление к наслаждению влекут человека, но мудрец, всмотревшись в них, делает между ними различие. Он избирает совершенство, ибо оно выше наслаждения. Глупец же потакает своему телу, предпочитая наслаждения всему другому. Ты же, о Начикета, мудро отверг все то, что обладает внешней привлекательностью».

И Смерть начинает учить Начикету.

Мы видим здесь весьма тщательно разработанную концепцию отказа от желаний, концепцию ведической морали: пока не будет побеждена страсть к наслаждениям, свет Истины не воссияет. Пока бранные желания органов наших чувств влекут нас ежеминутно наружу, делая нас рабами внешнего мира — цветового пятна, вкусовых ощущений, прикосновений, — сколько бы мы ни притворялись, Истина не может проявить себя в наших сердцах.

Яма сказал: «Высшая истина никогда не явится бездумному дитяти, обманутому мишурой богатства. Он полагает, что этот мир реален, иной же — нет. Говоря так, он снова и снова оказывается в моей власти. Понять эту истину очень трудно. Многие, даже слыша о ней постоянно, все равно ее не понимают, ибо уж очень многое требуется и от говорящего, и от слушающего. Учитель и ученик — оба должны быть замечательны. Ум не должен быть обременен бесплодными аргументами, ибо дело более не в логике, но в фактах».

Мы привыкли к мысли о том, что любая религия предполагает веру в человеке. Нас и приучали к слепой вере. Конечно, концепция слепой веры может вызвать возражения, однако, анализируя ее, мы за ней обнаруживаем и великую истину. Истина как раз в том, что сейчас говорится: ум не должен быть обременен бесплодными аргументами, поскольку они не помогут человеку познать Бога. Дело не в логических построениях, дело в фактах. Все логические построения имеют своей основой некие восприятия, вне их нет и логики. Логика есть метод сопоставления определенных, уже нами воспринятых фактов. Раз это справедливо в отношении явлений внешнего мира, то почему не будет это справедливо в отношении мира внутреннего? Химик оперирует определенными веществами и получает определенные результаты. Это факт зримый, осязаемый, пригодный для того, чтобы стать основой научных доказательств. То же можно сказать о физике, да и о представителе любой другой науки. Все знание строится на основе восприятия определенных фактов, на которых базируются и логические заключения. Любопытно отметить, что люди, как правило, полагают, особенно в наши дни, будто в религии восприятия невозможны, будто религию можно познать только при помощи умозаключений. Но именно поэтому мы не должны обременять ум бесплодными аргументами. Религия основывается не на словесах, а на фактах. От нас требуется заглянуть в собственную душу и посмотреть, что в ней содержится, понять содержание и осознать понятое. Это и есть религия. Слова здесь ни при чем. Невозможно логически доказать ни существование, ни несуществование Бога, ибо логически можно доказать и это, и обратное. Но если Бог есть, то он должен быть в наших сердцах. Вы Его видели? Еще не закончен спор о том, реален ли мир, в котором мы живем, — дебатам между идеалистами и реалистами не предвидится конца. И все же мы знаем, что мир существует и живет своим чередом. Меняется только смысл слов, не факты. В религии тоже есть определенные факты, которые должны быть восприняты — как в науке о внешнем мире — и стать основой для религиозных построений. Несомненно, экстремальное требование веровать в каждую религиозную догму унижает человеческий ум. Тот, кто требует такой веры, унижает этим себя, уже не говоря о том, кого заставляет так веровать. Учителя мира имеют лишь право поведать нам о том, какие факты открылись им при анализе их внутреннего мира, мы же, если сделаем то же, уверуем в эти факты, но не ранее того. Вот это и все, что есть религия. Однако не следует никогда забывать, что девяносто девять процентов тех, кто выступает против религии, ни разу не проанализировали свой внутренний мир, не приложили усилий к постижению фактов. Поэтому их аргументация против религии может быть принята во внимание не более, чем заявление слепца, выкрикивающего, что только дураки верят, будто существует солнце!

Великая идея, которую необходимо усвоить навсегда, — это идея осознания. Противоречия, различия и споры между различными религиями утратят значение, только когда мы осознаем, что религия — не в книгах и не в храмах. Она есть непосредственное восприятие. Религиозен только человек, который непосредственно воспринял Бога и душу. По сути, еkkлeзиастический гигант, способный наговорить целые тома, не отличается ничем от самого невежественного материалиста. Мы все атеисты, давайте сознаемся в этом. И интеллектуальное признание не делает нас религиозными. Возьмите христианина, мусульманина или любого иного верующего. Любой, кто действительно осознал истину Нагорной проповеди, станет совершенен, он сразу станет Богом. Однако считается, что на свете есть много миллионов христиан. Значит это только одно: возможно, настанет час, и человечество постарается осознать Нагорную проповедь. Едва ли одного из двадцати миллионов можно назвать истинным христианином.

Считается, что в Индии триста миллионов последователей *веданты*.

Но если отыщется один на тысячу, кто осознал подлинный смысл религии, то мир скоро значительно переменится. Мы все атеисты, но мы набрасываемся на человека, который открыто признает себя таковым. Мы все во тьме, религия для нас — это интеллектуальное признание, это пустые словеса, это ничто. Мы зачастую называем религиозных того, кто умеет гладко говорить. Но это не религия. «Удивительные способы сочленения слов, способности к риторике, умение многообразно толковать тексты из книг — это не религия, а наслаждение утонченного ума»⁶³. Религия начинается с непосредственного восприятия в человеческой душе. Это — заря религии, и только она делает нас моральными существами. Пока что мы не более моральны, чем животные, нас ведь сдерживает только страх перед общественным кнутом. Если общество сегодня заявило бы: воруите безнаказанно! — мы так и бросились бы на чужое добро. Моральными существами нас делает полиция. Моральными существами нас делает общественное мнение, по сути же, мы ненамного лучше животных. В глубине души мы это прекрасно понимаем, поэтому незачем лицемерить. Давайте признаемся в том, что мы не религиозны и не имеем права осуждать за это других. Все мы братья, а моральными существами становимся, только непосредственно восприняв религию.

Если вы побывали в чужой стране, а кто-то принуждает вас заявить, будто вы ее никогда не видели, вы все равно в глубине души знаете, что это не так. Если для вас религия и Бог реальнее, чем внешний мир, ничто не может поколебать вашу веру, в этом случае вера ваша — подлинная. Именно такая вера подразумевается в Священном писании, когда там говорится: «если вы будете иметь веру с горчичное зерно»⁶⁴. Вы знаете Истину, ибо вы сами стали Истиной.

Вот это и есть ключ к *веданте*, не разговоры о религии, но ее непосредственное восприятие. Однако дается оно с большим трудом. Он скрыл Себя в атоме, Тот изначальный, кто обитает в потаенности каждого сердца. Мудрецы осознали Его присутствие, сосредоточившись на своем внутреннем мире, и вышли за пределы радости и горя, за пределы того, что мы именуем добродетелью и пороком, за пределы добрых и дурных деяний, за пределы существования и несуществования, ибо узревший Его узрел Реальность. Ну, а как же все-таки с небесами? Это мечта о счастье, освобожденном от несчастья. Желание испытать все радости жизни без жизненных горестей. Без сомнения, прекрасная мечта, она так естественно входит в душу, но это невозможно, ибо не существует ни абсолютное добро, ни абсолютное зло.

Все, конечно, слышали историю про богатого римлянина, который в один прекрасный день обнаружил, что от его имущества осталось то, что можно было бы оценить в миллион фунтов стерлингов. Что же я буду завтра делать? — воскликнул он и покончил жизнь самоубийством. Для него миллион означал нищету. Что есть радость и что есть горе? Нечто исчезающее, постоянно исчезающее. В детстве я мечтал стать кучером и думал, что погонять лошадь и есть самое большое счастье в жизни. Теперь я так не думаю. За какое же счастье нужно цепляться? Вот что следует постараться усвоить, вот предрассудок, от которого труднее всего избавиться. У каждого свое представление о счастье. Я знал человека, который не мог чувствовать себя счастливым без опиума. Для него, должно быть, небеса были сотворены из опиума. Мне же в таких небесах было бы тошно пребывать. В арабской поэзии мы постоянно находим описание небес как райских садов, через которые текут прозрачные реки. А я провел большую часть жизни в стране, где чересчур много воды, где каждый год наводнения затапливают деревни и уносят тысячи жизней. В моих небесах не будет полноводных рек, скорее они будут местом, где почти не бывает дождей. Наше представление об удовольствиях тоже постоянно меняется. Юноша мечтает о небесах, населенных прекрасными женщинами. В старости ему уже не хочется думать о женщинах.

Мы возводим свои небеса из наших потребностей, и небеса меняют свой облик, по мере того как меняются наши потребности. Не было бы никакого прогресса, живи мы в раю, созданном любителями чувственных удовольствий. Этот рай был бы самым ужасным проклятием для человеческой души. Неужели смысл человеческой жизни в том, чтобы немного поплакать, немного поплясать, а потом сдохнуть как собака! Какие ужасы обещает

⁶³ См.: Шанкара, Вивекачудамани Шанкары, 58.

⁶⁴ См.: Евангелием от Матфея, 17,20.

человечеству неумеренное стремление к радостям жизни — стремление к радостям жизни без понимания того, что они на самом деле есть. Философия требует не отказа от радостей жизни, но понимания того, что есть подлинная радость. Норвежские небеса — это громадное поле битвы, где все обитатели усаживаются перед Одним⁶⁵, где сначала идет охота на кабана, потом сражение, яростное и кровопролитное. Однако сражение заканчивается, раны закрываются и воины отправляются в зал, в котором уже приготовлен зажаренный кабан, и начинается пиршество. А затем съеденный кабан вновь принимает свою форму, готовый к тому, что назавтра опять начнется охота на него. Эта райская жизнь ничем не хуже той, которую себе воображаем мы, может быть, наша только чуть менее груба. Мы тоже стремимся к охоте на кабана, мы хотим получить нескончаемое удовольствие — как норвежцы, которые мечтали о том, чтобы убитый и съеденный кабан воскресал на другое утро.

Однако философы утверждают, что существует абсолютная радость — неисчерпаемая и неизменная. Она не связана с земными удовольствиями, но все же *веданта* показывает, что все, доставляющее нам радость, есть частичка той высшей радости, ибо иной просто нет. По сути дела, мы ежесекундно вкушаем абсолютное блаженство, но в замутненном, непонятом, окарикатурном виде. Всякое проявление блаженства, радости, пусть даже это будет радость вора по поводу удачной кражи, и есть проявление высшего блаженства, но искаженное условиями внешнего мира и не понимаемое нами. Понять блаженство мы можем путем отрицания, тогда и обнаружится его позитивная сторона. Мы должны отбросить невежество, отбросить все, что фальшиво, и Истина начнет раскрываться перед нами. Когда же Истина будет постигнута, то все, отброшенное нами раньше, обретет новый облик и форму, предстанет в ином свете, как воплощение Бога. Только тут мы сможем понять их суть. Но прежде нам надо хоть на миг прозреть истину, отказаться от всего, чтобы затем получить все обратно, уже в преображенном виде, как воплощение Бога. Нам прежде всего надо отказаться от наших бед и горестей, от наших мелких радостей.

«Весь смысл всех Вед, суть всех самоиспытаний, то, ради чего люди живут в воздержании, я изложу тебе в одном слове — и слово это Ом»⁶⁶. Слово «Ом» очень часто встречается в Ведах и считается священным.

Так вот наконец Яма отвечает на вопрос о том, что делается с человеком, когда умирает его тело: «Мудрый никогда не умирает и никогда не рождается; из ничего не возникает Он, и ничто не возникает из Него. Эта сущность Нерожденная, Вечная, Нетленная, эта Древняя сущность не может умереть, когда умирает тело. Если кажется убийце, будто он может убить, если кажется убиваемому, будто он может быть убит, то значит это, что ни одному не известна Истина, ибо Душа не убивает и убита быть не может»⁶⁷. В высшей степени потрясающее утверждение.

Я хотел бы особо обратить ваше внимание на определение «мудрый». Нам предстоит увидеть, что, согласно философии *веданты*, вся мудрость и вся чистота изначально находятся в Душе, дело лишь в том, насколько отчетливо они выражены. Люди, как и все сущее, различаются только уровнем, основа же, реальность, едина для всего — Вечная, Вечно благословенная, Чистая и Совершенная. Единая Душа, *Атман*, живет и в святом, и в грешнике, в счастливом и в страдальце, в красоте и в уродстве, в человеке и в животном. Различие же только в степени выраженности этого: в одном это выражено сильнее, в другом — слабее, но различия в степени выраженности на самой Душе никак не сказываются. Если один человек меньше скрывает свое тело под одеждой, нежели другой, то это говорит о различии не в их телах, но только в их одежде. Здесь уместно вспомнить, что во всей философии *веданты* отсутствует различие доброго и дурного, их нельзя рассматривать как противоположности, они различны только по степени проявления качества. Что мне сегодня кажется приятным, завтра, в лучших условиях, я могу воспринять как боль. Огонь согревает, но он ведь и сжигает, что нельзя считать пороком огня. Душа чиста и совершенна, а потому человек, творящий зло, доказывает, что не понимает собственную природу. Даже убийца обладает чистой Душой, Душа бессмертна. Убийца допустил ошибку, не сумел дать Душе проявиться, напротив, он закрыл ее. Точно так же в человеке, который думает, что он убит, Душа не убита, она вечна. Она не может быть убита или разрушена.

⁶⁵ *Один* (древнегерм.: Вотан) в мифологии древних скандинавов — бог ветра и бурь, верховное божество. Почитался викингами как бог войны, покровитель торговли, мореплавания. Он правил силой оружия, от викингов требовалось быть мужественными воинами и всегда быть готовыми к смерти на поле битвы.

⁶⁶ Пересказ Катха-упанишады, I, 2, 15. *Ом* — священный, или «вечный слог», употребляемый в индуизме и буддизме во время религиозных церемоний, при чтении молитв, в начале текстов религиозного содержания. Он называется символом высшей святости; составляющие этот слог звуки («а», «у», «м») ассоциируются с индуистской триадой богов (*а* соотносится с хранителем мира Вишну, *у* — с разрушителем мира Шивой, *м* — с богом-творцом Брахмой). Во многих Упанишадах «вечный слог» Ом осмысливается с большой подробностью. Например, Шветашварата-упанишада называет сосредоточение на слоге Ом способом достижения Брахмана, I, 1—13; в Мундака-упанишада он сравнивается со стрелой, что всегда достигает цели, т. е. единения с наивысшим, II, 2, 3. В Мандукья-упанишада слог Ом означает различные состояния сознания: а — бодрствование; у — сон со сновидениями; м — сон без сновидений; а весь слог Ом есть турия, наиболее совершенное, т. е. вечное состояние сознания, Мандукья-упанишада, 5—7. Можно переводить слог Ом как «истинно», «да будет так» (аминь).

⁶⁷ Пересказ Катха-упанишады, I, 2, 19.

«Меньше наименьшего, что есть, больше наибольшего, что есть, Владыка всего сущего обитает в глубине сердца каждого человека: кто свободен от греха и от страдания, может узреть его милостью Господней. Нет тела у Него, хоть Он и обитает в теле; не занимает Он пространства, хотя кажется, что он в пространстве, Бесконечный и Вездесущий. Зная, что такова Душа, мудрые пребывают в постоянном блаженстве»⁶⁸.

«Атман не поддается осознанию ни через слово, ни усилиями могучего разума, ни изучением Вед»⁶⁹, заявление весьма смелое. Как я вам уже говорил, мыслители древности отличались большой смелостью, и мысль их не знала препон. Дело в том, что в Индии Веды почитаются более, нежели у христиан Библия. Христиане считают, что озарение исходит от Бога, для Индии же существует лишь то, что упомянуто в Ведах, в них содержится все знание. Каждое их слово священно и вечно, вечно, как сама Душа, ибо не имеет ни начала, но конца. Собственно говоря, в Ведах заключены все помыслы Творца, и в этом свете положено рассматривать их. Почему то-то и то-то следует считать моральным? Потому что так сказано в Ведах. Какой же отвагой нужно обладать, чтобы заявить, что Веды не помогут в раскрытии Истины!

«Кто угоден Богу, перед тем Он открывает себя». На это можно возразить, что Бог в таком случае достаточно пристрастен. Однако и Яма поясняет: «Кто вершит зло, чей ум лишен покоя, тот никогда не увидит Света. Душа обнаруживает себя перед тем, кто чист сердцем и деяниями, кто управляет своими чувствами»⁶⁹.

И тут мы сталкиваемся с прекрасной метафорой. Представьте себе, что Душа — седок в колеснице тела, колесницей управляет интеллект, ум — его поводыря, а чувства — кони. Чьи кони хорошо выезжены; а поводыря крепко держит возничий в руках, тот достигнет цели. Если же понесут кони-чувства, если порвут они поводыря ума, в щепы разобьется колесница⁷⁰.

Центральной мыслью всех Упанишад является мысль о непосредственном восприятии. Она всегда вызывала множество вопросов, особенно много их у современного человека. У него возникает вопрос о полезности такого знания, как и ряд других, обычно связанных с прошлыми ассоциациями. Ассоциации обладают огромной властью над нашим умом. Человек, с детства приученный к мысли о Личностном Боге, к мысли о ценности индивидуальности, найдет *веданту* чересчур суровой и жесткой, но со временем он может свыкнуться с ее представлениями и перестать бояться их. Но, как правило, все начинается с вопроса о полезности философии. На это можно дать только один ответ: если есть люди, которые видят пользу в поиске удовольствий, то почему не быть и другим, которые получают удовольствие от религиозных размышлений? Большинство предпочитает плотские удовольствия и ищет их, но есть же и другие, кто стремится к удовольствиям более высокого плана. Пес получает удовольствие от еды и питья. Он не в силах понять радость ученого, который от всего отказывается и, скажем, поселяется на горной вершине, чтобы оттуда наблюдать звезды. Пес может усмехнуться и предположить, что ученый не в своем уме. Возможно, что ученый беден, так беден, что не сумел обзавестись семьей и живет весьма скудно. Возможно, псу все это просто смешно. Но ученый может сказать на это: «Мой милый пес, ты получаешь удовольствие только через органы чувств, а об иных радостях и не подозреваешь. Я же счастлив своей жизнью и имею на нее такое же право, как и ты на свою!»

Беда в том, что нам всякий раз хочется связать весь мир собственным образом мышления, сделать наш образ мышления мерилом для всей вселенной. Возможно, вы получаете уйму радости от чувственных удовольствий, но ведь может статься, что для меня это не так! Есть же разница между человеком, пекущимся о мирской пользе, и человеком религиозных склонностей. Первый говорит: посмотрите, как я счастлив. Я зарабатываю деньги, но не забываю себе голову религией. Религия — дело туманное, а я и без нее всем доволен.

Ну что же, эта точка зрения устроит любого утилитариста. Но мир ужасен. Если человек умудряется найти в нем счастье, никого при этом не ущемляя, — дай ему Бог. Однако, когда такой человек приходит ко мне и требует, чтобы и я жил, как он, потому что глупо жить по-другому, я принужден ответить: «Вы ошибаетесь, ибо то, что нравится вам, меня совершенно не привлекает. Если бы все дело было в том, чтобы набить карманы золотом, жизнь не имела бы смысла. Я в этом случае предпочел бы не жить». Таков будет ответ всякого религиозного человека. Дело в том, что религиозным способен быть лишь тот, кого больше не влекут соображения низшего порядка. Но и этот этап должен быть пройден, только после этого открывается перед человеком иной мир.

Удовольствия, доставляемые органами чувств, иной раз переходят в фазу и опасную, и соблазнительную. Все знакомо с представлением, которое запечатлела в себе почти каждая религия, о том, что наступит время, когда придет конец бедам мира, останутся одни радости и земля станет раем. Я не могу в это поверить. Земля всегда будет такой, какая она есть. Страшные слова, но не думаю, что может быть по-другому. Беды мира похожи на хронический ревматизм — вылечите его в одном месте, он скоро проявит себя в другом и так далее. В далеком прошлом люди жили в лесах и поедали друг друга. Сейчас мы друг друга не поедаем, зато готовы на любой обман, на ложь. Обман губит целые государства и города. Вряд ли можно считать, что это шаг вперед. Я вообще не знаю,

⁶⁸ Пересказ Катха-упанишад, I, 2, 20.

⁶⁹ Здесь и далее: пересказ Катха-упанишад, I, 2, 23.

⁷⁰ Пересказ Катха-упанишад, I, 3, 3—9.

что назвать прогрессом, это просто увеличение желаний. Если что мне представляется совершенно очевидным, то это прямая связь между желанием и страданием: как нищий, который вечно клянчит, который не способен чего-то не хотеть, которому необходимо клянчить еще и еще. Если способность к удовлетворению желаний возрастает в арифметической прогрессии, то сила желаний возрастает в прогрессии геометрической. Счастье и страдание в мире по меньшей мере уравниваются одно другое — когда в океане поднимается волна, то, значит, где-то образовалась впадина. Если один становится счастливым, значит, к другому приходит беда, даже не имеет значения к кому, возможно, к животному. Растет число людей — уменьшается число каких-нибудь животных, которых человек убивает или занимает их территорию. Как же можно говорить о том, что жизнь становится счастливее? Сильный поедает слабого, но становится ли сильный счастливее от этого? Нет, рано или поздно сильные примутся убивать друг друга. Я не вижу никакой практической возможности для превращения мира в райскую обитель, все факты доказывают противное. Да и теоретических предпосылок для этого тоже нет. Это невозможно.

Совершенству нет предела. Мы уже сейчас беспредельны и стремимся к выражению беспредельности. Однако немецкие философы построили на этом факте странную теорию: это выражение будет все более полным, пока не станет совершенным, пока человек не станет совершенным существом. Что имеется в виду под совершенным выражением? Совершенству нет предела, а выражение предельно, то есть здесь заключено противоречие. Эта теория может нравиться детям, но она отравляет ум ложью, что очень плохо для религии. Нам известно, что мир деградировал, что человек есть деградированный вариант Бога, что произошло грехопадение Адама. Нет на свете религии, которая не утверждала бы этого. Мы деградировали до уровня животных и теперь снова восходим наверх, избавляясь от рабства. Но нам никогда не удастся выразить через себя Бесконечность. Мы должны стремиться к этому, но наступит час, когда мы осознаем, что это совершенство невозможно, пока мы поработены собственными чувствами. С этого и начинается движение обратно, к изначальному состоянию беспредельности.

Это и есть отказ от желаний. Преодолеть трудность можно, повернув обратно по пути, которым человек двигался, и тогда снова появятся моральность и сострадание. Что есть ключ любой этической доктрины? Не я, но ты. «Я» есть выражение Бесконечного, стремящегося проявить себя во внешнем мире. Маленькое «я» есть результат процесса, природа же его — Бесконечность. Всякий раз говоря: «Не я, но ты, мой брат», — человек делает шаг назад; слова же: «Не ты, но я» — опять направляют его по ложному пути, по пути попытки выразить Бесконечное в мире чувств. В этом причина и борьбы, и бед, но наступает время отказа от этого «я», время подлинного отказа. И больше нет маленького «я», и больше нет привязанности к этой маленькой жизни. Тщетные старания жить и наслаждаться жизнью, в этом ли мире или в ином, ведут к смерти.

Если мы произошли от животных, то, возможно, и животные — это деградировавшие люди. Откуда известно, что это не так? Теория эволюции доказывает свою правоту цепочкой развития от простого к сложному. Но есть ли доказательства тому, что развитие всегда шло от простого к сложному, от низшего к высшему, что никогда оно не шло в обратном направлении? Та же аргументация пригодна и для доказательства обратного направления развития. Я верю в то, что развитие происходит циклично — вверх и вниз. Как может существовать эволюция без инволюции? Наша устремленность к высшей жизни доказывает, что мы ее некогда утратили. Мне дорога мысль, единодушно высказывавшаяся Иисусом Христом, Буддой и философами *веданты*, мысль о том, что мы все со временем придем к совершенству, но путь наш лежит через отказ от несовершенства. Наш мир — ничто, он в лучшем случае представляет собой чудовищную карикатуру, тень Реальности. Осознание этого приближает нас к ней. Отказ от несовершенства есть основа нашей подлинной жизни, мы живем по-настоящему только в те минуты, когда не думаем о себе. Наше крохотное, обособленное «я» умрет. Тогда мы осознаем, кто мы есть в действительности, поймем, что действительность есть Бог, что природа наша божественна, что Бог постоянно с нами и в нас. Давайте же будем жить в Нем, ибо это единственное счастье. Жизнь духа — единственная жизнь, и всем нам нужно стремиться к осознанию этого.

ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

«Самосуший направил действие органов чувств наружу, а потому человек смотрит во внешний мир, а не во внутренний. Мудрый, жаждущий бессмертия, обратил действие органов своих чувств вовнутрь и воспринял внутреннее «Я»⁷¹.

Как я уже говорил, первый поиск, обнаруживаемый нами в Ведах, касается внешнего мира, но затем возникает мысль о том, что не вне человека нужно искать реальность сущего, но, буквально, обратив взгляд внутрь себя. Символично и слово, которым обозначается Душа,— то, что ушло внутрь, глубинная реальность нашего «Я», центр сердца, точка, из которой исходит все, солнце, лучами которого являются ум, тело, органы чувств и все прочее. «Люди с детским разумом, преисполненные невежества, желают того, что находится вне, и оказываются в широко распростертой ловушке смерти; мудрец же, понявший бессмертие, никогда не ищет Бесконечного в мире конечных явлений»⁷². Здесь с предельной ясностью изложена мысль о том, что, поскольку внешний мир конечен, в нем невозможна Бесконечность. Бесконечность может быть найдена в Бесконечном, единственное же, что в нас бесконечно и что находится внутри нас,— это наша душа. Ни человеческое тело, ни ум, ни даже мысль, ни мир, который мы видим вокруг, бесконечными не являются. Лишь то, что правит всем, человеческая душа, вечно бодрствующая внутри человека, лишь она бесконечна и к ней мы должны обратиться в поиске Бесконечной причины существования вселенной.

«Все, что здесь, есть и там, а все, что там, проявляется и здесь. Кто видит мир в многообразии, путешествует от смерти к смерти»⁷³. Мы видели, как все начиналось с желания попасть на небеса. Древние арийцы, разочарованные миром, в котором жили, естественно обратились в мечтах к иному миру, куда они рассчитывали попасть после смерти, где будет одно счастье — без страдания. Они придумали множество таких мест и назвали их *сваргами*⁷⁴ — это слово может быть переведено как «небеса». Там они жили бы в вечном блаженстве, обладая совершенными телами и мыслями, там они соединились бы с праотцами. Однако с развитием философской мысли стала очевидной невозможность и абсурдность таких небес. Противоречие заключено уже в самом предположении о бесконечной жизни в некоем определенном месте, ибо место ограничено временным» рамками. Арийцам пришлось отказаться от этой идеи. Они обнаружили, что боги, населяющие небеса, были некогда земными людьми, а затем попали на небеса благодаря своим добрым деяниям, что существуют различные состояния божественности, что ни один из богов, упоминающихся в Ведах, не пребывает постоянно одинаковым,

Например, Индра и Варуна — это не имена богов, а скорее обозначения их положений и рода занятий. Прежний Индра совсем не тот, что живет сегодня, того уже нет, и его место занял другой земной человек. Это относится и ко всем другим богам. Места на небесах занимают души тех людей, которые сумели поднять себя до божественного уровня, однако и они тоже смертны. В древнейшей «Ригведе» мы обнаруживаем эпитет «бессмертный» в приложении к богам, но впоследствии этот эпитет исчезает, становится ясно, что бессмертие, свободное от законов времени и пространства, неприложимо ни к какой физической структуре, сколь бы тонкой она ни была. Любая структура связана со временем и пространством, попробуйте представить себе форму без пространства, это немислимо. Можно назвать пространство одним из материалов для возникновения формы, а форма есть нечто непрестанно изменяющееся. Пространство и время — *майя*, что превосходно выражено словами: «что есть здесь, есть и там». Если существуют боги, то их существование подчинено общим вселенским законам, а они предполагают постоянный распад и обновление. По этим законам материя принимает различные формы, которые затем распадаются. Все, что рождено, должно умереть, следовательно, этому закону подчинена и небесная жизнь.

Мы знаем, что в нашем мире страдание, как тень, сопровождает радость. Есть тень и у жизни — смерть. Они неразрывно соединены, так как не противоречат друг другу, не являются обособленными сущностями, а есть разные проявления единой сути: жизнь и смерть, радость и горе, добро и зло. Самоочевидна абсурдность дуалистической концепции, представляющей добро и зло как обособленные сущности, вечно существующие каждая в своем качестве. Нет, это разные проявления одного и того же, что в одно время может восприниматься как зло, в другое — как добро. Различие тут не в качестве, а в степени проявления, в интенсивности выражения. Одна и та же нервная система передает приятные и болезненные ощущения, а будучи поврежденной, не передает никаких. Если нерв парализован, он перестает давать нам приятные ощущения, но и боль мы больше не чувствуем. Они и не были разными вещами, это одно и то же. Как одно и то же в разное время жизни может давать радость и боль. Любитель мяса ест его с удовольствием, а что испытывает поедаемое животное? На свете нет ничего, что доставляло бы радость всем, без исключения, так было и так будет. Иными словами, в мире невозможен дуализм. И что из этого вытекает? Я уже говорил в прошлой лекции, что никогда не будет этот мир ни абсолютно счастлив, ни

⁷¹ Пересказ Катха-упанишад, II, 1, 1.

⁷² Пересказ Катха-упанишад, II, 1, 2.

⁷³ Пересказ Катха-упанишад, II, 1, 10.

⁷⁴ См. примеч. 31 к «Джняна-йоге».

абсолютно несчастлив. Возможно, это заявление напугало или разочаровало кое-кого из вас, но тут ничего не поделаешь. Я готов отказаться от моих слов, если мне будут предоставлены убедительные доказательства обратного, но без них я должен стоять на своем.

Обыкновенно против моего заявления выдвигается контраргумент, и весьма убедительный, смысл которого в том, что процесс эволюции постепенно уничтожает зло в мире, следовательно, если процесс продлится достаточно долго, то зло в мире полностью исчезнет, а что останется — будет добром. Звучит весьма убедительно. Дал бы Бог, чтобы это было и справедливо! Однако в рассуждении есть погрешность, в основу рассуждения положена мысль о неизменности добра и зла. Предполагается, что существует некая масса зла, допустим, что мы примем ее за сто, и аналогичная масса добра, а затем масса зла постепенно разрушается, оставляя только массу добра. Так ли это? История убеждает нас в том, что количество зла в мире растет постоянно, как и количество добра. Возьмем первобытного человека. Он живет в лесу, он получает мало радости от жизни, но соответственно снижена и его возможность страдать. Его страдание носит чисто физический характер. Он может страдать от недоедания, но дайте ему обильную еду, не мешайте ему охотиться и ловить рыбу, и он будет счастлив. И счастлив он на физическом уровне, и несчастлив тоже. Но вот этот человек развивается, он приобретает новое знание, он приобретает способности к иным наслаждениям, пробуждается его интеллект, и интеллектуальные удовольствия начинают теснить удовольствия чувственные. Он наслаждается, читая прекрасные стихи, он с увлечением решает математическую задачу. Зато теперь его усложнившаяся нервная система способна реагировать на ментальное страдание, о существовании которого и не подозревал дикарь. Возьмем простейший пример. В Тибете отсутствует институт брака, поэтому там не известна ревность, тем не менее, институт брака есть признак более высокого общественного развития. А тибетцы не знают радостей счастливого супружества, счастья общения с добродетельным супругом или супругой. Этого тибетцы не знают. Но они не знают и мучительной ревности, которая может быть вызвана мыслью о супружеской неверности. Выигрывая в одном, они проигрывают в другом.

Возьмите вашу родину, богатейшую страну мира, где люди живут в большем достатке, чем в других странах, и посмотрите, сколько у вас несчастных, сколько душевнобольных из-за того только, что их желания чересчур интенсивны. Здесь человек просто обязан поддерживать высокий жизненный уровень, а деньги, которые он расходует за год, были бы целым состоянием для другого человека, живущего в Индии. Здесь бесполезно убеждать кого-то в преимуществах простого образа жизни, поскольку общество требует иного, и очень многого. Колесики общества вращаются безостановочно, ни слезы вдовицы, ни стенания сиротки не замедлят их ход. И так везде. Вы, живущие здесь, приучили себя получать удовольствия, вы живете в обществе, устроенном лучше, чем многие другие. Вам много дано. Но те, кому дано меньше, и страдают меньше. Доказательства этому на каждом шагу: чем выше уровень притязаний человека, чем больше удовольствия доставляет ему жизнь, тем острее его страдание. Одно словно тень другого. Может быть, и верно, что на свете становится меньше зла, но в таком случае и добра становится в нем меньше. Но позвольте спросить, а не происходит ли обратное: может быть, меньше становится добра, зло же умножается? Если сумма добра возрастает в арифметической прогрессии, то сумма зла возрастает в прогрессии геометрической. И это — *майя*. В этом нет ни оптимизма, ни пессимизма. Философы *веданты* не рассматривают мир как юдоль страданий. Это было бы неправдой. Но неправдой было бы и утверждение, будто мир полон радостей. Бессмысленно внушать детям, что мир, в котором они будут жить, прекрасен, цветущий сад вдоль молочных рек в кисельных берегах. Мы все когда-то мечтали о таком мире. Однако ошибкой было бы думать, будто мир ужасен, а человек обречен на одни страдания. Наш жизненный опыт дуалистичен, он состоит из взаимодействия добра и зла. Философия *веданты* утверждает: «Не думай, будто добро и зло разделяемы, ибо они есть одно и то же, только проявленное в различной степени, в различных формах, а потому вызывающее различные чувства в одном и том же уме»⁷⁵.

Итак, первое, что раскрывает перед нами *веданта*, — единство явлений внешнего мира, подчеркивая, что это Единая Суть, сколь ни были бы различны формы ее проявления.

Вспомним древнюю примитивную притчу персов — мир сотворили два бога, добрый бог сотворил все хорошее, а злой бог сотворил все дурное⁷⁶. Абсурдность концепции просто бросается в глаза, поскольку при логическом развитии этой мысли неизбежен вывод о существовании двух законов природы — доброго и злого. Сначала действует добрый закон, управляемый добрым богом, потом — все наоборот. Трудность тут в том, что оба действуют в одном мире, где богам необходимо находить согласие между собой. Конечно, притча очень примитивна, это самый примитивный способ продемонстрировать концепцию дуализма всего сущего. Однако можно обратиться и

⁷⁵ Источник цитирования не выяснен.

⁷⁶ Имеется в виду древнеиранская религия, многие положения которой восходят к эпохе индо-иранского единства. Развитие собственно индийских и иранских представлений в дальнейшем осуществлялось самостоятельно и в разных направлениях. В Древнем Иране оформилось учение, связываемое с именем Зороастра (или Заратустры) (VII в. до н.э.), в котором центральное место отводилось идее постоянной борьбы между силами добра и зла, олицетворяемыми богом света и богом тьмы, не имеющее параллелей в индийской традиции.

к более разработанной и более абстрактной теории, провозглашающей, что мир отчасти состоит из добра, отчасти же — из зла. Той же логикой, что и прежде, можно доказать абсурдность этого положения. Единый закон дает нам пропитание, и он же уничтожает массы людей в стихийных бедствиях.

Нельзя говорить о мире ни в тонах оптимизма, ни в тонах пессимизма, в нем смешано все, если кого и можно за это винить, то не природу, а нас самих. Но философия *веданты* указывает нам выход не через отрицание зла, а через беспощадный анализ фактов как они есть, во всей их полноте. Здесь нет безнадежности, здесь нет агностицизма. Выход есть, но его необходимо обосновать, нет смысла закрывать ребенку рот и глаза ложью, истинную цену которой он все равно скоро должен будет узнать. Я помню приятеля моей молодости, отец которого скончался, оставив на него большую семью. Скоро мой приятель обнаружил, что друзья семьи не торопятся прийти ему на помощь. Он рассказал об этом священнослужителю, который стал утешать его рассуждениями о том, что Бог все делает во благо человеку. Это очень старый метод — подсластить пилюлю, а на самом деле признать собственную слабость и абсурдность жизни. Мой приятель ушел, а через полгода у священнослужителя родился сын, и мой приятель был приглашен принять участие в обряде благодарения. «Благодарю Бога за его милости», — возгласил священнослужитель, но молодой человек прервал его словами: «Остановись, ибо это не милость, а страдание», — «Почему?» — спросил изумленный отец. «Потому что, когда умер мой отец, ты заявил, что это благо, хоть и выглядит бедой, следовательно, рождение твоего ребенка — беда, раз оно выглядит благом».

Разве это способ для излечения бед мира? Надо быть добрым и сострадать тому, кто в беде. Не надо стараться ничего исправить, мир останется таким, каков он есть, надо выйти за его пределы.

Мы живем в мире добра и зла. Где есть добро, там есть и зло, но *веданта* учит нас, что за внешними проявлениями, за внешними противоречиями существует Единство. *Веданта* учит: отринь зло, но и добро тоже отринь.

Но что тогда останется? Превыше добра и превыше зла есть Нечто, принадлежащее вам, есть ваше подлинное «Я». Оно за всем, что хорошо, за всем, что плохо, и Оно проявляет себя и в добре, и в зле. Прежде всего нужно усвоить это положение, а Оно и сделает вас настоящим оптимистом, без Него вы не оптимист, Усвоив это, вы становитесь владыкой всего. Научитесь владеть этими проявлениями, и вы свободно проявите свою подлинную природу. Сначала овладейте собой, распрямитесь и обретите свободу, вырвитесь за пределы законов, ибо их власть над вами не абсолютна, вы им подчинены только частично. Прежде всего запомните, что вы не в рабстве у природы, никогда не были и никогда не будете в рабстве у нее. Природа, которая кажется вам беспредельной, на самом деле имеет пределы, природа — капля в океане, а океан — это ваша Душа, вы вмещаете в себя звезды, Солнце и Луну. Они ничтожны в сравнении с вашей беспредельностью. Поймите это, и вы подчините себе и добро, и зло. И тогда вы увидите все новыми глазами, вы распрямитесь и воскликнете: «Как прекрасно добро и как великолепно зло!»

Этому учит *веданта*. Эта философия не предлагает незамысловатые способы жить, не запудривает гниющие язвы, пряча их под тем более толстым слоем косметики, чем сильнее они гниют. Жизнь сурова, смело пролагайте свой путь через нее трудом и, сколь бы жестокой ни была действительность, помните — ваша душа тверже всего. Не рассчитывайте на крохотных божков, потому что вы сами владыка своей судьбы. Вы сами причиняете себе страдание, вы творите и добро, и зло, вы сами закрываете глаза руками и кричите, что вы во тьме. Уберите руки, и вы увидите свет, вы сами источник света, вы совершенны, таким вы родились на свет. И теперь вам станет понятно, что имеется в виду в строке: «Тот путешествует от смерти к смерти, кто видит многообразие мира»⁷⁷. Увидьте мир единым, и вы будете свободны.

Но как нам увидеть Единство? Наш ум замутнен и слаб, он так легко поддается обману, но вместе с тем он достаточно силен, чтобы уловить отблеск знания, прозреть Единство, которое снова и снова спасает нас от смерти. Как дождь, изливаясь на горную вершину, стекает по склонам множеством ручейков, так различные формы энергии, наблюдаемые нами, имеют один Источник. Многообразие придала им *майя*. Не тянитесь к многообразию, старайтесь приблизиться к Единству. «Душа во всем, что движется, Она во всем, что чисто, Она наполняет собой вселенную, Она в жертвоприношении, Она в госте, посетившем дом, Она в человеке, в воде, в животных, в истине, Она есть Великое. Как огонь, войдя в этот мир, проявляет себя в различных формах, так единая Душа вселенной принимает разные формы. Как воздух, войдя в этот мир, проявляет себя в различных формах, так единая Душа всех душ, всего сущего принимает разные формы»⁷⁸.

Вы поймете истинность этого, только восприняв Единство, не ранее. Тогда мир наполняется оптимизмом, ибо вы видите Душу во всем. Но тут возникает вопрос: если Душа, чистая и беспредельная, существует во всем, что есть, как может получиться, что и Она страдает, становится несчастной, утрачивает чистоту? Этому не случается, отвечают Упанишады. «Как солнце дает возможность видеть всему живому, но не становится ущербным, если ущербен видящий глаз, так и Душа остается не затронутой страданиями тела или иным страданием мира»⁷⁹. Если

⁷⁷ Пересказ Катха-упанишад, II, 1, 11.

⁷⁸ Пересказ Катха-упанишад, II, 2, 2.

⁷⁹ Пересказ Катха-упанишад, II, 2, 11.

из-за болезни я вижу все желтым, то солнце не желтеет от этого.

«Она едина, все Ею сотворено, все Ей подчинено, Душе всего сущего, проявляющей через многообразие свое Единство. И мудрецы, воспринимающие Душу в своих душах, пребывают в вечном блаженстве, только они, и никто более, и никто более. Кто обнаружит в мире мимолетностей Душу, не меняющуюся никогда, кто обнаружит в мире тлена Единую жизнь, кто обнаружит в мире многообразия Единство и кто поймет, что Душа наполняет все души, тот пребывает в вечном блаженстве, только тот, и никто более, и никто более. Но где обнаружить Ее в огромном мире, где обнаружить Ее среди солнц, лун и звезд? Солнечный луч не проникнет туда, лунный и звездный свет там бессилён, молния там тускла, что же говорить о земном огне? Она освещает все своим светом, Ее светом светится все, Она сияет через все, что светоносно»⁸⁰.

Есть и другое красивое сравнение. Его без труда поймут побывавшие в Индии и видевшие баньян⁸¹ — дерево, произрастающее из одного корня, но распространяющее воздушные корни вокруг. Душа сравнивается со стволом баньяна, который простирал свои воздушные корни, пока они не охватили всю вселенную. Какими отдаленными ни выглядели бы они, все равно их питает единый первоначальный ствол.

В той части Вед, которая носит название «брахман», есть описания различных небес, но философская идея Упанишад уже несовместима с небесами. Счастье не в пребывании на небесах, тех или иных, счастье в самой человеческой душе, а внешнее местопребывание не имеет значения.

Вот еще одна цитата: «Небеса наших праотцев так же соотносятся с Истиной, как увиденное во сне с настоящим»⁸². Как в сновидениях все предстает расплывчатым и неясным, такова и Реальность, увиденная нами. А на небе, именуемом *гандхарва*, она еще менее отчетлива, там она подобна отражению в воде.

Наивысшим небом в представлении индуса является *брахмалока*⁸³.

Там Реальность выглядит более ясной, как свет и тень, но не более. В человеческой Душе сияет Истина, видимая столь же четко, как отражение лица в зеркале. Следовательно, наивысшие небеса — в нашей собственной Душе; в книгах *веданты* сказано, что Душа человека есть священнейший из храмов, она превосходит святостью все небеса, ибо нигде нельзя воспринять Истину яснее, чем здесь, в Душе нашей. Нет нужды переезжать с места на место. Находясь в Индии, я думал, что жизнь в пещере поможет мне прозреть. Оказалось, что нет. Потом я подумал, что мне лучше укрыться в лесу или уехать в Варанаси. Ничто не изменилось, мы сами творим себе мир. Если я зол, весь мир полон зла. Этому учат Упанишады. Если после смерти я окажусь на небесах, ничего не изменится и там; пока не обрету я чистоту, мне нет смысла ни жить в пещере, ни в лесу, ни в Варанаси, ни на небесах. Когда же протерто зеркало моей Души, где бы я ни жил, я буду видеть Реальность, как она есть. Итак, метания бесполезны, и незачем впустую расходовать энергию, которая нужна для протирания зеркала. И в следующих строках тоже выражена все та же мысль: «Никто не видит Душу, никто не видит глазами Ее форму. Она в уме, в чистом уме, и познавший Ее достигнет бессмертия»⁸⁴.

В отличие от *раджа-йоги джняна-йога* преимущественно учит обузданию чувств. Когда чувства подчинены велениям Души, когда они перестают смущать ум, тогда цель достигнута. «Когда усмирены тщеславные желания сердца, тогда смертный достигает бессмертия и на земле становится един с Богом. Когда разрублены узлы, стягивающие сердце, тогда смертный достигает бессмертия и на земле испытывает блаженство Брахмана»⁸⁵. Здесь, на земле, и нигде более.

Тут следует остановиться и сказать несколько слов. Обыкновенно считают, что *веданта* и другие философские системы Востока обращают человека к потустороннему ценой забвения земных удовольствий и жизненной борьбы. Это совершенно неправильно. Так могут думать только невежды, ничего не понимающие в восточной философии, не обладающие способностью разобраться в ее реальном содержании. Напротив, философы Востока, как явствует из наших священных книг, не думают о том, каким образом попасть в иные миры, рассматривая их как места, где человек некоторое время живет в радости и скорби, а потом умирает. Человеку не вырваться из этого, пока он слаб, но есть в нем нечто истинное — его Душа. Восточные философы настаивают и на том, что самоубийство не выход, неизбежного нельзя избежать. Истинный путь трудно найти. Индия не менее практична, чем Запад, и разнятся они только подходом к жизни. Один подход требует построить хороший дом, хорошо одеваться и хорошо питаться, уделяя этому основное внимание, что, без сомнения, практично. Индус же утверждает, что главное — хорошо понять мир, то есть понять собственную душу, углубиться в метафизику, и он желает хорошо жить таким образом. В Америке живет великий агностик, человек большого благородства и доброты и

⁸⁰ Пересказ Катха-упанишад, II, 2, 13, 12, 15.

⁸¹ *Баньян* (разновидность фикуса) является священным деревом; другое его название «ньягродха», то есть «растущее вниз».

⁸² Пересказ Катха-упанишад, II, 3, 5.

⁸³ См. примеч. 31 к «Джняна-йоге».

⁸⁴ Пересказ Катха-упанишад, II, 3, 9.

⁸⁵ Пересказ Катха-упанишад, II, 3, 14—15.

ко всему прочему прекрасный оратор⁸⁶. Он выступал с лекциями по религии, доказывая, что религия бесполезна — к чему забивать себе голову мыслями о потустороннем? Ему нравилось употреблять такой образ: если есть апельсин, то почему не выжать из него сок? Мы с ним однажды встретились, и я сказал: «Я с вами совершенно согласен, если есть фрукты, почему не выжать сок. Разница только во вкусах, вы предпочитаете апельсин, а я люблю манго. Вам представляется достаточным хорошо есть и пить, а также получать научные знания, однако у вас нет права утверждать, что именно это должно нравиться каждому. Вот мне это кажется недостаточным: я покончил бы жизнь самоубийством, приведишь мне ограничиться знанием того, как падает на землю яблоко или как электрический ток воздействует на нервы. Я хочу понять суть вещей, заглянуть в самую глубину. Вас привлекают проявления жизни, а меня — сама жизнь. Моя философия требует изучения именно этого и требует, чтобы я выбросил из головы все мысли о рае, аде и прочих предрассудках, хоть они и существуют в том же смысле, в каком можно говорить о существовании мира. Мне необходимо познать сердце вещей, их суть, понять, что они собой представляют, а не просто как они устроены и проявлением чего являются. Я хочу знать *почему*, а *как* я оставляю детям. Один из ваших соотечественников сказал: «Если бы мне пришлось писать книгу, пока я курю сигарету, то это было бы исследованием сигареты». Быть ученым прекрасно, Господи, благослови их всех! Но если человек вдруг заявляет, что это единственное, что есть, то он говорит глупости, не желая понять причину существования жизни, не изучая самое жизнь. Я могу доказать, что все знание такого рода — чепуха, ни на чем не основанная чушь. Вы исследуете проявления жизни, а когда вас спрашиваешь, что же такое жизнь, вы говорите «этого я не знаю». Вот и занимайтесь своими исследованиями, а мне предоставьте заниматься моими».

Я практичен, я очень практичен, но на собственный лад. Нелепо утверждать, будто практичен только Запад. Вы практичны на один манер, мы — на другой. Люди устроены по-разному. Если на Востоке убедить человека, что, простояв на одной ноге всю жизнь, он обретет Истину, он за благо сочтет стоять на одной ноге. Если на Западе пронесется слух, будто где-то в далеких краях найдены золотые россыпи, тысячи устремятся туда, презрев все опасности, хотя преуспеет, может быть, один. Этим людям известно, что они обладают бессмертной Душой, но они охотно предоставляют заботу о ней церкви. Итак, первый человек побойлся искать золото в далеких краях. Однако, если я ему скажу, что на вершине высокой горы живет мудрец, который может открыть ему тайну бытия, он полезет на гору, рискуя свернуть себе шею. Он так же практичен, как и второй, но ошибка второго в том, что он считает этот мир единственной реальностью, всем, что есть в жизни. Земные радости тленны, в них нет ничего постоянного, они способны причинять все больше и больше страдания; мои радости ведут к вечному покою.

Я не хочу сказать, что ваш путь неверен, — идите по нему. Он уже привел ко множеству благ, но это не дает основания осуждать иной путь, тот, которым иду я. Мой путь тоже практичен по-своему. Пусть каждый избирает собственный путь, и дай Бог, чтобы все мы практически смотрели на свое дело. Мне случалось видеть ученых, которые добились практических успехов и как люди науки, и как люди духа, и я очень надеюсь, что придет время, когда в этом преуспеет все человечество. Если вы наблюдаете процесс закипания воды, вы видите, как поднимается один пузырек, затем еще и еще, пока все они вместе не начинают бурлить. Это очень похоже на то, что происходит в мире, — каждый из нас тоже пузырек, а народы можно сравнить с множеством пузырьков. Народы понемногу сближаются, и я уверен, что наступит день, когда проявит себя Единство, по направлению к которому мы все идем. Должно наступить время, когда каждый человек станет практичным и в области науки, и в области духа, когда гармония Единства перестроит мир. Человечество будет состоять из *дживанмуктов*⁸⁷ — людей, свободных в земной оболочке. Ведь все мы к этому стремимся — через соперничество и ненависть, через сотрудничество и любовь. Полноводный поток стремится к океану, увлекая всех нас, и хоть иной раз мы напоминаем соломинки в водоворотах, рано или поздно нас всех ждет Океан любви и блаженства.

⁸⁶ Имеется в виду Р. Г. Ингерсолл (1833—1899) — известный американский юрист и общественный деятель. Был широко известен своими антихристианскими взглядами, нападками на Библию, яркими публичными лекциями на антицерковные темы.

⁸⁷ *Дживанмукта* (в адвайта-веданте — «прижизненно освободившийся») — то есть познавший единство Атмана, своей истинной сущности, с Брахманом, Абсолютом.

СВОБОДА ДУХА

До сих пор мы рассматривали Катха-упанишаду, написанную значительно позднее, чем та, к которой мы обратимся сейчас, — Чхандогья-упанишада. Язык там более современен, а мысль лучше организована. Старые Упанишады пользуются очень архаичным языком, напоминая гимны Вед. Приходится пролагать путь через массу излишних подробностей, прежде чем доберешься до самой концепции. На этой старой Упанишаде чувствуется сильное влияние ритуалистической литературы, составляющей вторую часть Вед, так что Упанишада и сама наполовину ритуалистична. Но изучение древних Упанишад чрезвычайно ценно, поскольку оно открывает возможность проследить историческое развитие духовных идей. В Упанишадах более позднего времени духовные идеи объединены, собраны воедино. Наилучший пример этого дает «Бхагавадгита», которую позволительно рассматривать как последнюю Упанишаду, однако совершенно свободную от ритуализма. «Гита» — это скорее букет цветов духовных истин, собранных со всех Упанишад. Но по «Гите» невозможно проследить становление этих духовных идей, невозможно проследить их до первоисточника. Как справедливо подчеркивали многие, для этой цели необходимо изучение Вед. ореол святости, окружающий эти книги, помог им, более чем каким-либо другим книгам на свете, сохраниться в первозданности. В них сохранились мысли высочайшие и примитивнейшие, все существенное и то, что не имеет значения, благороднейшие учения и простые описания — все соседствует в них, ибо никто никогда не осмеливался прикоснуться к этим писаниям. Последующие комментаторы старались пригладить их, вывести из старого новые, прекрасные мысли, отыскать духовные глубины в самых заурядных утверждениях, но никто не переиначивал первоначальные тексты, поэтому они представляют собой бесценный исторический материал. Нам известно, что священные книги других религий подвергались переработке, чтобы быть приведенными в соответствие с религиозными представлениями более поздних времен: где-то заменялось одно слово, где-то добавлялось другое и так далее. По всей вероятности, с ведической литературой этого не произошло, а если и произошло, то заметить это почти невозможно. Итак, мы имеем великую возможность изучать древнюю духовную мысль в ее первозданности, следить за ее развитием, за преобразованием материалистических представлений во все более возвышенные духовные идеи, которые, наконец, достигают вершины в *веданте*. В этом своде литературы содержится и множество описаний древних нравов и обычаев, однако в Упанишадах их уже почти нет. Язык Упанишад своеобразен, афористичен и мнемоничен.

Эти книги писались с целью напомнить определенные факты, предположительно факты хорошо известные. Излагая притчи, например, авторы исходят из того, что сюжеты хорошо знакомы тем, к кому они обращают свое повествование. Отсюда возникают большие трудности, ибо нам неизвестен подлинный смысл большинства притч, традиция, можно сказать, прервалась, а то немногое, что до нас дошло, сильно преувеличено. Притчи подверглись разнообразным толкованиям, поэтому в *пуранах* они уже носят характер скорее лирических поэм.

При изучении политической истории Запада бросается в глаза западное неприятие абсолютной власти; всячески избегая предоставления абсолютной власти одному человеку. Запад постепенно пришел к развитию демократических идеалов и высокой степени личной свободы. Совершенно аналогичное явление наблюдается в развитии индийской метафизики. Множественность богов уступает место единому Богу вселенной. Упанишады же восстают даже против этого Бога. Становится неприемлема не только мысль о множестве владык, управляющих вселенной, но и мысль о некоем единоначалии в ней. Это первое, что поражает нас. Эта мысль продолжает развиваться, пока не достигает своей вершины — Бог вселенной низвергается со своего трона. Его личность исчезает, он — безличен. Бог уже не антропоморфен, он уже не подобие человека, колоссально увеличенного в размерах, который управляет всем сущим, он имманентен во вселенной и воплощен во всем живущем. Но переход от Личностного Бога к Безличностному нелогичен, если при этом сохраняется личность человека. Поэтому человек как личность уступает место человеку как принципу. Он не более чем явление, через которое проявляет себя принцип. Таким образом, одновременно с двух сторон происходит замена личности принципом: Личностный Бог сближается с внеличным, а человек-личность превращается во внеличное существо. Затем сближаются обе линии: внеличного Бога и внеличного человека, и поскольку Упанишады фиксируют в себе стадии слияния двух линий в одну, каждая Упанишада находит завершение в словах: «Ты есть То»⁸⁸. Существует лишь один вечно блаженный Принцип, проявляющий себя через многообразие сущего.

Тут наступает черед философов: на этом заканчивается мысль Упанишад, далее ее продолжают уже философы. Они действуют в рамках системы, изложенной в Упанишадах, но им предстоит разработать детали. Естественно, возникает великое множество вопросов. Исходя из того, что Единый принцип проявляет себя через множество форм, спрашивается: каким образом Одно делается множественностью? По-своему это тот самый вопрос, который в примитивной форме приходит в голову каждому человеку: откуда берется на свете зло? И так далее. Почему есть зло на свете и где его источник? Это все тот же вопрос, поставленный в более разработанной, в более

⁸⁸ Так называемая «махавакья» — «великое речение» Упанишад; Чхандогья-упанишады., VI, 8, 7 и др.

абстрактной форме. Он ставится не на основе чувств — почему так несчастлив человек? — а в философском ключе. Каким образом становится множественным Единый принцип? Как мы уже видели, ответ, наилучший ответ, который предлагает Индия, заключен в теории *майи*, которая гласит, что в действительности этот принцип не становится множественным, что в действительности он не утрачивает своей подлинной природы. Множественность иллюзорна. Человек может казаться личностью, в действительности же он внеличностное существо. Бог может казаться антропоморфным, в действительности же и Он — неличностное существо.

Но и этот ответ был найден не сразу, и у философов есть различные взгляды на него. Не все индийские философы принимают теорию *майи*, скорее даже, большинство не принимает ее. Существует дуалистическая теория, довольно грубая, которая вообще не допускает постановки этого вопроса. Философы-дуалисты говорят: «Вы не имеете права задаваться такими вопросами, вы не имеете права спрашивать объяснения, на все просто воля Бога, которой человек обязан безропотно покориться. Нет свободы для человеческой души. Все предопределено: что человек будет делать и иметь, что даст ему радость и что — страдание. Если приходит беда, человек не должен роптать, а то еще хуже будет. Откуда это известно? Так сказано в Ведах». Есть священные книги, есть их истолкования, и им надо подчиняться.

Существует школа философов, которые не приемлют теорию *майи*, но не доходят до дуализма. Эти философы утверждают, что все, что сотворено, есть, по сути, дело Бога. Бог есть Душа всех душ и суть всей природы. Что же касается отдельно взятой души, то она сокращается от дурных поступков. Когда человек поступает плохо, его душа начинает сокращаться, силы человека тают и будут таять до тех пор, пока он не совершит доброе дело — тут душа его вновь расправится. Все философские системы Индии, да и, наверное, всего мира, сходятся на мысли о том, что я назвал бы божественностью человека. Нет на свете подлинной религии, которая не провозглашала бы, что человеческая душа, какой бы она ни была, как бы ни соотносилась она с Богом, чиста и совершенна по своей природе. Мысль эта может быть выражена мифологически, аллегорически или философски, но она единообразна: природа души есть блаженство и сила, а не страдание и слабость. Но все же страдание появилось в мире, и оно есть. В простейшем толковании оно может быть олицетворенным злом, дьяволом или Айрьяманом⁸⁹. В иных толкованиях Бог и дьявол могут представлять в единстве и произвольно делать одного человека счастливым, другого — несчастливым. В более разработанном толковании может появиться теория *майи* и прочее. Но один факт остается непреложным, и с этим фактом нам придется иметь дело: в конечном счете все философские системы и все истолкования есть не более чем гимнастика ума, интеллектуальные упражнения. Великая же идея, которая, как мне кажется, ясно вырисовывается за массой предрассудков любой религии любого народа, заключается в том, что человек есть существо божественное и что божественность — в его природе.

Все прочее — наносное, как говорит *веданта*. Наносное может исказить суть, но она никогда не исчезает. Единая суть, наличествующая в самом низком, как и в самом святом. Надо лишь воззвать к ней, и она начнет действовать. Надо лишь потребовать, и она проявит себя. Древний человек знал, что огонь живет в кремне и в кусочке сухого дерева, но необходимо трение, чтобы огонь проявил свое присутствие. Огонь свободы и чистоты составляет природу каждой души, ее природу, а не свойство, ибо свойство может быть приобретено, а значит, и утрачено. Душа и есть Свобода, Душа и есть Существование, Душа и есть Знание. *Сат-чит-ананда*, абсолютное существование-знание-блаженство, есть природное состояние Души, все то, что мы видим вокруг себя, — это Ее проявления, выраженные более или менее отчетливо. Смерть тоже есть проявление подлинной Жизни. Рождение и смерть, расцвет и упадок, распад и возрождение — все проявления Единства. Таким же образом знание, в каком бы виде оно ни проявлялось, в виде невежества или образованности, все равно есть проявление *чит*, сути знания, разница не в содержании, а в степени проявленности. Только этим различаются ничтожнейший из червей под нашими ногами и величайший гений, какого может произвести на свет человечество. Философы *веданты* не боятся заявить, что все без исключения земные радости, даже разнузданнейшее из наслаждений, все равно являются проявлениями высшего Блаженства, сути Души.

Мысль об этом, которая является основополагающей для *веданты*, как мне кажется, имеет место во всех религиях. Мне не известна религия, которая бы отрицала эту мысль. Взять для примера Библию, она содержит в себе аллегория о чистоте Адама, которую впоследствии затемнили его дурные поступки. Однако из аллегории явствует, что создатели Библии считали первоначального человека совершенным. И отсутствие чистоты, и слабости, которые мы за собой знаем, являются последующими наслоениями на истинную природу. История христианства показывает, что эта религия не просто верит, она исключает сомнения в способности человека вернуться к своему изначальному состоянию. Доказательством этого может служить и Ветхий, и Новый завет. Верят в Адама и в чистоту Адама и мусульмане, которые считают, что Мухаммед открыл путь к обретению человеком былой чистоты. Буддисты тоже верят в возможность достижения *нирваны*, состояния, отличного от мира относительно. *Нирвана* буддистов есть то же, что *Брахман* ведантистов, и вся система буддизма построена на возвращении

⁸⁹ Арьяман в Авесте понимается как носитель злого начала. Арьяман в Ригведе — один из Адитьев, солнечных божеств. Оба образа восходят к эпохе индо-иранского единства.

в утраченное состояние *нирваны*. Собственно, эта идея присутствует в любой религии. Не может человек обрести ничего заново, все у него уже было. Человек никому во всей вселенной ничем не обязан. Он стремится к тому, с чем был изначально рожден. Как поэтически выразил эту мысль заглавием своей книги один из великих философов веданты: «Обретение собственного царства»⁹⁰. Это царство принадлежит нам, но мы его утратили и должны обрести заново. Стронник *майя-вады* утверждает, однако, что человек никогда не утрачивал своего царства, это всего лишь иллюзия. В этом расхождении двух философских школ.

Хотя в том, что человеку предстоит лишь обрести утраченное, сходятся почти все философы, у них нет согласия по поводу того, как это сделать. Одни считают, что нужно совершить определенные обряды, пожертвовать определенные суммы богам, есть определенную пищу, вести определенный образ жизни. Другие советуют плакать и просить прощения у некоего сверхъестественного Существа, с тем чтобы оно вернуло человека в утраченное царство. Еще кто-то утверждает, что вернуть себе утраченное царство можно, любя всем сердцем это Существо. Все эти рекомендации содержатся и в Упанишадах, что вы увидите по мере нашего изучения их. Однако последний, и самый великий, совет заключается в другом: ни перед кем не надо валяться в ногах с плачем. И обряды не нужны. И не нужны советы, как вернуть себе утраченное царство, ибо ничто не утрачено. Зачем стараться возвратить себе то, что и утрачено не было? Вы и без того чисты, вы и без того свободны. Стоит вам подумать, что вы свободны, и вы освобождаетесь, стоит подумать, что вы в рабстве, вы оказываетесь в рабстве. Это очень сильно сказано, но я предупредил в самом начале, что буду говорить смело. Такого заявления можно и испугаться, но, если вы подумаете над моими словами и соотнесете их с вашей собственной жизнью, вы убедитесь в моей правоте. Ибо если свобода не является частью вашей природы, как можете вы стать свободны? Но предположим, что вы родились свободными, а потом каким-то образом лишились свободы, значит, все же свободны вы когда-то были! Если вы были свободны, что могло лишить вас свободы? Независимый не может быть в зависимости, если же зависимость — факт, то независимость была иллюзией.

Что же вам выбрать из этого? Если вы скажете, что душа чиста и свободна по природе, то ничто на свете не может заставить ее быть иной. Если же нашлось нечто, поработившее душу, значит, она и не была свободна, и ваше утверждение о ее свободе — не более чем самообман. Следовательно, раз человек способен достичь свободы, то из этого с неизбежностью вытекает, что свобода — природа души. Иначе быть не может. Свобода означает независимость от всех внешних обстоятельств, то есть ничто вне нас не в силах причинно воздействовать на душу. Душа внепричинна, из чего и следуют все великие идеи, которые мы обсуждаем. Невозможно предположить бессмертные души, если она не свободна по природе, то есть не свободна от любых внешних воздействий. Ибо смерть есть следствие внешних причин. Я выпил яд, и вот я умираю, доказывая тем самым, что тело мое подвержено действию внешней причины — яда. Но если душа действительно свободна, то, значит, для нее не существует внешних воздействий и она не может умереть. Свобода, бессмертие, блаженство — все возможно потому, что душа не подчинена закону причинности, что она вне *майи*. Так что же вы выбираете? Либо ошибочно первое допущение, либо второе. Я, конечно, считаю ошибочным второе. Это больше соответствует моим чувствам и чаяниям. Я прекрасно сознаю, что по природе свободен, а потому не соглашусь с мыслью об истинности рабства и об иллюзорности свободы.

В той ли форме или в другой, но спор этот идет в любой философии, включая и самые современные школы. Существуют два подхода. Одни утверждают, что души нет, что это иллюзия, вызванная повторяющимся переносом частиц материи, сочетающимся в комбинации, которые мы называем телом или мозгом, что чувство свободы — результат колебаний и непрерывного движения этих частиц. Была такая буддистская секта, последователи которой доказывали это положение⁹¹ с помощью такого примера: если вы возьмете факел и будете быстро вращать его, то перед вами окажется огненный круг. На самом деле круга не существует, ибо факел постоянно меняет свое положение в пространстве. Так и мы — сгустки крохотных частиц, быстрое вращение которых производит впечатление постоянства, именуемого нами душой.

Другие, напротив, утверждают, что не существует материи, что ощущение материальности вызывается стремительным движением мысли. Таким образом, для одних иллюзорен дух, для других иллюзорна материя. Чью сторону принять? Конечно, мы изберем дух и признаем иллюзорность материи. Обе стороны используют одни и те же аргументы, но аргументы в пользу духа несколько убедительнее. Никто же никогда материю не видел. Мы можем только ощутить себя. Выпрыгнуть из себя никому не дано, следовательно, аргументация в пользу духа несколько убедительнее. Далее, теория духа объясняет всю вселенную, а материализм нет, поэтому материали-

⁹⁰ Имеется в виду, скорее всего, Шанкара. Ему приписывается более трехсот произведений, хотя сейчас признаны безусловно его собственными работами только двадцать четыре. «Обретение собственного царства» можно соотнести с одной из тех книг, что ему приписывают, — «Свараджьясиддхи» (дословно: «Обретение своего собственного правления (власти), то есть достижение власти над самим собой»).

⁹¹ Имеются в виду буддисты (особенно ранние), приводящие пример с «огненными кругами» как типичный пример иллюзии. Согласно их учению, мир строится из пространственно-временных единиц, мгновенно возникающих и тотчас же разрушающихся.

стическое объяснение нелогично. Собственно, к ответу на этот вопрос сводятся все философские системы. Здесь мы имеем дело с поиском в более тонкой и философской форме ответа и на вопрос о природной чистоте и свободе: одни утверждают, что первое иллюзорно, другие — что второе. Мы, конечно, считаем, что иллюзорно человеческое рабство, подчиненность.

Решение, предлагаемое философией *веданты*, заключается в следующем: человек свободен по природе, он не подчиненное существо. Более того, опасно само предположение о нашей порабощенности, ибо оно гипнотизирует человека. Как только вы говорите себе: я не свободен, я слаб, я беспомощен, — вы набрасываете цепь на себя. Не говорите это, не смейте об этом думать. Я слышал рассказ о человеке, который жил в лесу и с утра до ночи твердил: «Шивохам! Я — Благословенный!» Однажды на него напал тигр, но люди, которые видели это с другого берега реки, услышали, как человек буквально из пасти тигра воскликнул: «Шивохам!» Таких людей немало. Есть люди, благословляющие своих врагов, когда те убивают их: я есть Он, я есть Он, и ты тоже. Это и есть позиция силы. Вместе с тем, есть много прекрасного и в дуалистических религиях, прекрасна идея Богочеловека, отделенного от природы, которому можно любовно поклоняться. Эта идея подчас дает огромное утешение. Но, утверждают философы *веданты*, *утешение* подобно опиуму, и в конечном счете оно ослабляет человека, а миру сейчас более чем когда бы то ни было прежде нужна сила. Слабость есть причина всех мирских страданий, утверждают философы *веданты*. В слабости источник всех бед. Мы несчастны, когда мы слабы. Мы лжем, крадем, убиваем, совершаем другие преступления из-за того, что мы слабы. Мы умираем оттого, что слабы. Где нет слабости, там нет ни смерти, ни страдания. Мы страдаем от собственного непонимания. Отриньте непонимание, и страдания не станут. Все это очень просто, совсем просто. Запутанные философские дискуссии и интеллектуальная акробатика приводят нас к простейшей религиозной идее.

Монистическая *веданта* есть простейшая форма Истины. Проповедь дуализма была самой большой ошибкой, допущенной в Индии и повсюду, поскольку последователей дуализма меньше занимали высшие принципы, чем процесс, который весьма запутан. Многих пугали философские и логические выводы монизма, им казалось, что выводы эти не могут иметь универсального применения, что они непригодны в повседневной практике, что такого рода философия послужит оправданием для распущенности.

Я не верю, что идеи монизма ведут к распущенности и слабости. Напротив, у меня есть все основания полагать, что они только и могут помочь правильно жить. Если они истинны, то зачем людям пить из лужи, когда рядом течет река жизни? Если человек действительно чист и прекрасен, почему не возвестить это немедленно всему миру? Почему не объявить это громогласно всем на свете, святым и грешникам, мужчинам, женщинам и детям, человеку на троне и тому, кто метет улицу?

Взять на себя такое кажется делом весьма внушительным, для многих даже устрашающим, но это не что иное, как предрассудок. Когда человек долго питается некачественной пищей или морит себя голодом, он может оказаться не подготовленным к хорошему обеду. Мы с детства привыкаем слушать разговоры, которые внушают нам слабость. Люди обыкновенно утверждают, что не верят в призраков, но только очень немногие действительно не испытывают странных ощущений в темноте. Предрассудки и суеверия сильны. И религиозные суеверия тоже. В этой стране найдутся люди, которые подумают, будто религии конец, если им сказать, что никакого дьявола не существует. Я от многих слышал: какая же может быть религия без дьявола? Какая может быть религия, если никто не указывает путь? Как можно жить, если некого слушаться? Нам недостает всего того, к чему мы приучены. Мы не в силах чувствовать себя счастливыми, если нас не одергивают на каждом шагу. Все те же предрассудки, все те же суеверия! Но как ни ужасно это может показаться, наступит время, когда мы все оглянемся назад и посмеемся над предрассудками, которые замутняли наши чистые и вечные души, и повторим с радостью, с уверенностью, с силой — я свободен, я всегда был свободен, я всегда буду свободен. Ведантистская идея единства и есть та идея, которая имеет право на существование. Завтра могут исчезнуть все священные писания. Имеет ли значение, пришла ли впервые эта мысль в голову еврею или жителю арктического региона, она истинна, а Истина вечна и сама учит нас, что не является достоянием ни одного человека, ни одного народа. Истина принадлежит всем — людям, животным, богам, и пусть все соприкоснется с ней. Для чего наполнять жизнь страданием? Для чего позволять людям погрязать в суевериях? Я десять тысяч раз пожертвовал бы жизнью во имя того, чтобы двадцать человек отказались от своих суеверий. Но людей пугает эта Истина — и не только в Индии, но и там, где Истина проявила себя. Она хороша для отшельников, говорят люди, для тех, кто уходит в леса, им она подходит. Мы же, миряне, мы не можем жить без запугиваний и не можем жить без обрядов.

Дуализм достаточно долго правил миром, и вот — результат. Почему же не поставить новый эксперимент? Возможно, на принятие монизма потребуются века, но почему же не начать сейчас? Если даже двадцать человек удалось бы убедить в течение жизни — и то неплохо.

Жизненный опыт часто восстает против этой идеи. Легко сказать, что я чист и я благословен, но трудно доказать это жизнью. Верно, идеал бывает труднодостижим. Новорожденный ребенок видит небо невероятно высоко над собой, но можно ли это считать причиной, по которой нам не стоит поднимать глаза к небу? И станет ли нам легче, если мы окружим себя предрассудками? Если нам не дотянуться до нектара, значит ли это, что мы должны

довольствоваться ядом? Если мы не можем сразу реализовать Истину, будет ли нам легче, если мы уйдем во тьму и поддадимся слабости и суевериям?

У меня нет предубеждения против многих форм дуализма, я возражаю только против такого дуалистического подхода, который внушает человеку неверие в себя. Человека, который готовится к физическому, умственному или духовному образованию, я всегда спрашиваю — силен ли он? Ощущает ли свою силу? Ибо я знаю, что только Истина придает человеку силы. Я знаю, что только в Истине — жизнь, что только сближение с реальностью делает нас сильными, и не достигнет Истины тот, кто недостаточно силен.

А потому все, что ослабляет ум человека, делает человека суеверным, делает его плаксивым, подталкивает его к поиску недостижимых чудес, к мистике и к фокусам,— все это мне неприятно, поскольку я вижу в этом потенциальную опасность. Такие мысли не приносят добра, такие вещи болезненны для ума, они ослабляют ум, ослабляют до такой степени, что со временем человек утрачивает способность к восприятию Истины и к жизни в соответствии с ней. Человеку необходимо быть сильным. Сила — лекарство от недугов мира. Сила — лекарство, необходимое бедным, когда они угнетены богатыми; лекарство, необходимое невежественным, когда их подавляют образованные; лекарство, необходимое грешникам, когда их терзают другие грешники. Ничто не придает человеку больше силы, чем идея монизма. Ничто не делает человека таким моральным существом, как идея монизма. Человек лучше всего трудится и полностью раскрывает свои возможности, когда вся мера ответственности лежит на нем. Я спрашиваю вас: как вы себя поведете, если я дам вам в руки младенца? Вся ваша жизнь мгновенно изменится, кем бы вы ни были, вы не будете думать о себе, пока у вас младенец на руках. Вы отринете все преступные мысли, пока с вас не снята ответственность, вы будете в это время другим человеком. Итак, если мы знаем, что сами отвечаем за себя, и никто другой, мы проявляем свои наилучшие качества, раскрываемся в наилучшем виде, пока нам не к кому тянуться, пока нет никакого дьявола, на которого можно возложить вину, нет доброго бога, на которого можно сложить нашу ношу. Человек один, он сам отвечает за себя, и он раскрывает весь свой потенциал. Я отвечаю за свою судьбу, за все доброе, что я сделаю, за все дурное тоже. Я чист, и я благословен. Мы должны отказаться от всех мыслей, которые заставляют нас усомниться в этом. «Нет для меня ни смерти, ни страха, нет для меня ни касты, ни веры, нет для меня ни отца, ни матери, ни брата, ни друга, ни врага, ибо я есмь абсолютная Жизнь, Знание, Блаженство, я — Блажен, я — Блажен. Я не связан ни добродетелью, ни пороком, ни радостью, ни скорбью. Паломничества, книги и обряды не связывают меня. Я не знаю ни голода, ни жажды, это тело принадлежит не мне, я не подчинен ни суевериям, ни распаду, от которых оно страдает, я есмь Существование, Знание, Блаженство, я — Блажен, я — Блажен»⁹².

Веданта говорит: это единственная молитва, в которой мы нуждаемся. Это единственный путь, который ведет к цели — напоминание себе и другим о нашей божественной природе. С повторением этих слов к человеку приходит сила. Кто спотыкался вначале, становится все сильнее и сильнее, его голос исполняется мощи, Истина завладевает сердцем, пульсирует в крови, укрепляет тело. Все ярче делается свет и разгоняет заблуждения, невежество тает слой за слоем, и наступает время, когда все исчезает, кроме сияющего Солнца.

⁹² Приведенный текст в самом общем виде можно соотнести с Вивекачудамани Шанкары (220—222). Однако вводятся уточняющие слова, соотносимые с мировоззрением самого Вивекананды. «Касты», «суеверия» — с таким смыслом эти слова не могли употребляться Шанкарой по самому духу его учения.

КОСМОС

Макрокосм

Прекрасны цветы, которые мы видим вокруг себя, прекрасен восход солнца, прекрасны краски природы. Вселенная прекрасна, и человек любовался ею с того времени, как появился на земле. Горные вершины внушают благоговение и возвышенные мысли, как и красота рек, сбегаящих по их склонам к океану, как красота просторной пустыни, безбрежность океанских вод, безмерность звездного неба. Масса жизни, называемая нами природой, с незапамятных времен оказывала свое воздействие на человеческую душу. Она заставляла человека думать, а в результате у него возник вопрос — что все это такое? Откуда все это? Уже в те времена, когда создавались древнейшие книги человечества, Веды, звучал этот вопрос: «Откуда все это? Когда не существовало ни нечего, ни ничто, когда тьма скрывала в себе тьму, кто сотворил вселенную и как? Кому ведома эта тайна?»⁹³ И мы, сегодняшние, по-прежнему задаемся этим вопросом. Миллионы попыток были сделаны, чтобы найти ответ, но они вызвали миллион новых вопросов. Дело не в том, что все ответы были ошибочны, каждый из ответов содержал в себе частицу Истины, и объем Истины все увеличивается по мере того, как течет время. Я попытаюсь изложить вам в общих чертах ответ, который я почерпнул из древней индийской философии в сочетании с находками современной науки.

В какой-то степени на этот древнейший из вопросов уже дан ответ. Было время, «когда не существовало ни нечего, ни ничто», когда не существовала эта земля с ее реками и морями, с горами и долинами, с городами, деревнями, с людьми, животными, растениями, птицами, когда не существовали другие планеты и светящиеся туманности, когда не было бесконечного разнообразия творения. Уверены ли мы в том, что так было? Давайте проследим, что же привело к этому заключению? Что видит человек вокруг себя? Возьмем растение: человек зарыл семя в почву, потом увидел, как на свет проклюнулся крохотный росток, который поднялся над землей и все рос и рос, пока не стал громадным деревом. А потом дерево умирает и от него остается только семя. Закончен цикл — от семени через дерево обратно к семени. Посмотрите на птицу — она появляется из яйца, она живет, она умирает, оставляя после себя яйца, семя грядущих птиц. И так же человек. Все в природе начинается с семени, с рудимента, с тонкой формы, которая потом огрубевает, развивается, сохраняется в этом виде на некоторое время, чтобы потом опять вернуться к тонкой форме. Капелька дождя, в которой играет солнечный луч, паром поднялась из океана, вознеслась высоко в воздух, превратилась в воду и упала каплей, чтобы снова испариться. Так происходит все в наблюдаемой нами природе. Мы знаем, что ледники стирают громадные горы, реки размывают их, медленно, но неизбежно превращая в песок. Песок постепенно уносится в океан, где слой за слоем оседает на дне, затвердевает, чтобы со временем стать горой. А гора — тоже со временем — вновь рассыплется в песок. Из песка возникают горы, и в песок они обращаются.

Если природа в принципе единообразна, если это так, а пока что человеческий опыт не знает ничего противоречащего этому предположению, то гигантские солнца и звезды создаются так же, как песчинки; если действительно огромная вселенная повторяет своим строением атом, если и этот принцип един для всего сущего, то, значит, как сказано в Ведах: «Зная комок глины, знаешь всю глину во вселенной»⁹⁴. Изучив жизнь маленького растения, познаешь реальность вселенной. Изучив песчинку, открываешь тайну вселенной. Мы приходим к логическому выводу о том, что все во вселенной сходно в начале и в конце. Гора возникает из песка и обращается в песок, река возникает из испарений и обращается в испарения, растение рождается из семени и в семя же уходит, из человеческого семени рождается человек и в человеческое семя уходит. Вселенная — планеты и звезды — вышла из туманности, и в туманность ей предстоит обратиться. Какой урок мы из этого извлекаем? Что проявленное состояние, грубое состояние есть следствие, а тонкое состояние — причина. Тысячи лет назад это положение продемонстрировал Капила, отец философии:⁹⁵ разрушение есть возвращение к началу, к причине. Если разрушится вот этот стол, стоящий здесь, он возвратится к своей причине, к тонким формам и частицам, сочетание которых составило форму, называемую нами столом. Когда умирает человек, он возвращается к тем элементам, из которых состояло его тело, когда разрушится земля, она снова станет элементами, образовавшими ее. Это — разрушение, то есть возврат к причине. Таким образом, следствие идентично причине, а не отлично от нее. Разница только в форме. Стакан есть следствие, причина которого наличествует в «стаканной» форме. Определенное количество материала под названием «стекло» плюс энергия рук мастера являются причинами — инструмен-

⁹³ Пересказ Ригведы, X, 129, 1-3.

⁹⁴ Пересказ Чхандогья-упанишады, VI, 1, 4—6.

⁹⁵ Индийская традиция связывает санкхью с именем мудреца Капилы, о котором много говорится в эпосе (в Махабхарате, к примеру, он так и назван: «возвеститель санкхьи», Махабхарата, XI, 67). Однако в последнее время индологи склоняются к тому, что суждение о санкхье как учении, восходящем к одному учителю, ошибочно. Более вероятно, что санкхья всегда представляла собой многие параллельно развивающиеся школы.

тальной и материальной, — сочетание которых дало форму под названием «стакан». Энергия рук мастера присутствует в стакане в виде силы сопряжения, без которой распались бы частицы, материал присутствует в виде стекла. Стакан — только проявление тонких причин в новой форме, если он разобьется, то сила, державшая его форму, возвратится в элементарное состояние, а частицы стекла останутся частицами, пока не примут новые формы.

Таким образом, следствие никогда не отличается от причины — следствие есть воспроизведение причины в огрубленной форме. Нам известно, что формы, которые мы зовем растениями, животными или людьми, повторяются *до бесконечности*, разрушаясь и возрождаясь. Семя порождает дерево. Дерево порождает семя, которое снова становится другим деревом, и так далее, и так далее. Капли стекают по горным склонам в моря, поднимаются с поверхности в виде испарений, падают на горные склоны и вновь стекают в моря. Распад и возрождение — циклы, по которым живет вся жизнь, которую мы видим, чувствуем, слышим или воображаем. Так живет все в рамках нашего знания, подобно дыханию — вдох и выдох. Одна волна вздымается, другая опадает, за каждым гребнем — впадина, за каждой впадиной — гребень. Этот закон применим ко всей вселенной, ибо она устроена единообразно. Она тоже должна возвратиться к своим причинам — Солнце, Луна, звезды и Земля, тело и ум, все сущее вернется к своим тонким причинам, то есть исчезнет, разрушится, если угодно. И тонкие причины создадут их вновь — новые земли, солнца, луны и звезды.

Следует усвоить еще один факт. Семя рождается из дерева, но оно не становится новым деревом сразу, а переживает период неактивности, точнее — весьма тонкой непроявленной активности. Семени предстоит некоторое время работать под землей, оно разламывается, распадается, и из распада начинается возрождение. Вселенная тоже вначале действует в такой же форме, тонкой, скрытой и непроявленной, которая называется хаосом. Затем из нее рождается новое. Период, занимаемый полным проявлением нашей вселенной, возвращение в тонкую форму, пребывание в этой форме и переход в форму огрубленную составляет цикл, именуемый на санскрите *кальпа*⁹⁶.

Следующий факт чрезвычайно важен, особенно для нашего времени. Мы видим, что процесс развития тонких форм проходит медленно и медленно проходит процесс постепенного их огрубления. Мы уже установили, что причина есть то же, что следствие, а следствие есть причина в видоизмененной форме. Значит, вселенная не могла появиться из ничего. Ничто не появляется без причины, а следствие и есть причина, только в другой форме.

Из чего в таком случае появилась вселенная? Из предшествовавшей ей более тонкой вселенной. Из чего появился человек? Из предшествовавшей ему тонкой формы. Из чего появилось дерево? Из семени, оно все, целиком, было в семени. Дерево вышло из семени и проявило себя. Следовательно, вся вселенная возникла из той же вселенной в миниатюрном виде. Вселенная проявила себя. Она опять возвратится в миниатюрную форму и опять раскроется. Но тонкие формы раскрываются медленно, постепенно огрубляются и, достигнув предела развития, начинают снова возвращаться к былому. Это и есть процесс, который современная наука именуется эволюцией. Как идет этот процесс, каждый может подтвердить примерами из жизни, и доводы сторонников эволюции неопровержимы. Однако нам следует обратить внимание еще на один факт, сделать еще один шаг в наших размышлениях, в чем этот шаг? Всякому процессу эволюции предшествует процесс инволюции. Семя можно считать отцом дерева, но другое дерево было отцом семени. Семя — тонкая форма, из которой вырастает большое дерево, а другое большое дерево есть форма, заключенная в семени. Вся нынешняя вселенная существовала в тонкой космической вселенной. Половая клетка, из которой потом вырастает человек, была человеком инволюционировавшим, а затем становится человеком эволюционирующим. Если это ясно, то у нас нет претензий к сторонникам теории эволюции, ибо, принимая это положение, они из погубителей религии превращаются в ее опору.

Ничто не может возникнуть из ничего. Все существует вечно и будет существовать вечно, но движение идет циклично, как волны, перемежающиеся впадинами, через возврат к тонким формам и новое проявление в огрубленном виде. Вся природа проходит через процессы инволюции и эволюции. Цикл эволюции начинается с примитивного проявления жизни, постепенно достигая вершин, проявляясь в образе совершеннейшего человека, и все это должно быть инволюцией чего-то еще. Спрашивается: инволюцией чего? Что именно инволюционировало? Бог. Последователь теории эволюции возразит, что мысль о Боге в данном контексте ошибочна. Почему? Потому что, с вашей точки зрения, Бог есть существо мыслящее, а мышление развивается на более поздних стадиях процесса эволюции. Мы обнаруживаем способность к мышлению в человеке и в высших животных, но должны были пройти миллионы лет до возникновения этого феномена. Возражение это несостоятельно, в чем мы можем убедиться, пользуясь нашей теорией. Дерево возникает из семени, дерево возвращается в семя, начало и конец идентичны. Землю порождает ее причина, и земля возвращается к этой причине. Нам известно, что, обнаружив начало, мы обнаруживаем и конец, как и наоборот, обнаружив конец, мы обнаруживаем и начало. В таком случае весь эволюционный цикл, от протоплазмы на одном конце до совершенного человека на другом, есть одна жизнь. Раз в конечном счете появляется совершенный человек, значит, он должен был быть и в самом начале. Следова-

⁹⁶ См. примеч. 14 к «Джняна-йоге».

тельно, протоплазма — это результат инволюции совершенного человека, совершеннейшего разума. Разум может и не проявлять себя, но именно он, инволюционировавший разум, раскрывает себя до тех пор, пока окончательно не проявится в совершенном человеке. Положение это может быть и математически доказано. Если верен закон сохранения энергии, то ни Один механизм не способен произвести ничего, что не было в него заложено первоначально. Сколько работы вложено в виде угля, пара или прочего, столько вы можете и получить, не больше. Работа, которую я сейчас произвожу, равняется тому, что я в себя вложил в виде воздуха, пищи и прочего. Все дело в изменениях и проявлениях. Ко вселенной нельзя добавить ни частицы вещества или энергии, как нельзя их и убавить. Что же такое разум, если это так? Раз он не присутствует в протоплазме, то он должен был откуда-то неожиданно появиться, быть чем-то, взявшимся из ничего, а это уже абсурд. Следовательно, совершенный человек, свободный человек, Богочеловек, вышедший из подчинения законам природы, превзошедший их, человек, которому дальше некуда развиваться в процессе эволюции, через череду рождений и смертей, тот, кого христиане называют Христочеловеком, буддисты — Буддочеловеком, а йоги — Освобожденным, это совершенное существо, находящееся на одном конце эволюции, присутствовало в клетке протоплазмы на другом ее конце.

Распространяя этот принцип на всю вселенную, мы приходим к пониманию того, что причиной вселенной, которая ею управляет, должен быть разум. Каково самое возвышенное ощущение человека от вселенной? Ее разумность, соответствие всех ее частей, выявление разума. Попыткой выразить все это была древняя теория целесообразности. Итак, вначале был разум, который на первой стадии проходит процесс инволюции, а затем эволюционирует. Отсюда вывод: сумма разума, проявляющаяся во вселенной, — это инволюционированный универсальный разум, раскрывающий себя. Универсальный разум мы и называем Богом. Но каким именем его ни называть, совершенно ясно, что началом всего был Бесконечный космический разум. Космический разум инволюционирует, затем эволюционирует, пока не находит свое выражение в Христочеловеке, в Буддочеловеке, в совершенном человеке. После этого он возвращается к своему истоку. Вот почему священные книги всех религий сходятся на одном: «В Нем мы живем, действуем, в Нем мы есть»⁹⁷. Вот почему священные книги всех религий учат, что мы вышли из Бога и к Богу мы возвращаемся. Не пугайтесь теологической терминологии, ибо, если вас пугают термины, то какие же вы философы? Теологи называют Богом космический разум.

Мне много раз задавали вопрос: зачем вы пользуетесь этим старым словом «Бог»? Я пользуюсь им потому, что оно наилучшим образом соответствует цели, потому что нет лучшего слова, потому что оно вообрало в себя все надежды, чаяния, всю радость человечества. Его сейчас невозможно заменить. Такие слова рождались некогда на устах великих святых, осознавших их важность и понимавших их смысл. Но потом они делались расхожими словами, все употребляемыми невеждами, и в результате утрачивали свой дух и величие. Слово «Бог» имеет хождение с незапамятных времен, и идея космического разума, всего великого и святого, срослась с ним. Неужели нужно отказаться от него из-за того, что оно не нравится какому-то дураку? Придет один и предложит свой вариант, потом придет другой со своим, и конца не будет глупым терминам. Лучше пользоваться этим словом, но помнить, что оно означает, освободить его от предрассудков и вкладывать в него полный смысл. Если вы знаете законы ассоциативного мышления, то вы понимаете, какие величественные и могучие ассоциации оно вызывает.

Итак, теперь мы видим, что различные формы космической энергии, вещество, мысль, взаимодействия, разум и все остальное, являются просто проявлением космического разума, или, как мы отныне будем говорить, Высшего существа. Все, что мы видим, ощущаем или слышим, вся вселенная, есть Его творение, а точнее — Его проявление, а еще точнее — это есть Он. Он сияет в солнце и в звездах, и Он в матери-земле. Он есть земля, и Он есть океан. Он проливается теплым дождем, Он есть нежный воздух, которым мы дышим, и Он есть живая сила нашего тела. Он есть речь, и Он есть тот, кто говорит, и Он есть те, кто слушает говорящего. Он — сцена, на которой я стою, Он — свет, который позволяет мне видеть ваши лица. Все есть Он. Он есть материальная и инструментальная причина нашей вселенной, Он инволюционирует в крохотную клетку, и Он же эволюционирует, становясь Богом. Он таится в каждом атоме и, постепенно раскрывая свою природу, возвращается к Себе. В этом тайна вселенной.

«Ты есть мужчина, Ты есть женщина, Ты полон сил горделивой юности, Ты — ковыляющая старость, Ты во всем, и Ты есть все, о Господи»⁹⁸.

Это — единственное объяснение Космоса, которое удовлетворяет человеческий интеллект. Одним словом, мы рождены от Него, мы живем в Нем, и к Нему мы возвращаемся.

⁹⁷ Соотносится с Деяниями святых апостолов, 17, 28 («...ибо мы Им живем и движемся и существуем...»). Вивекананда соотносил это мироощущение с теистической линией ведантизма (Чхандогья-упанишада, III, 13, 7; Мундака-упанишада, I, 1), ярко выраженного в вишишта-адвайте. В индийской литературе часто передается образно еще и так: личинка в плоде фигового дерева живет и умирает вместе с ним.

⁹⁸ Пересказ Шветашварата-упанишада, IV, 3.

Микрокосм

Человеческий ум так устроен, что он постоянно влечется к внешнему, как бы стараясь выглянуть из тела через органы чувств. Глаз должен видеть, ухо — слышать, все органы чувств должны воспринимать внешний мир, и, естественно, в первую очередь внимание человека обращается на красоту и возвышенность природы. Первые же вопросы, возникшие в человеческой душе, касались внешнего мира. В поисках ответа на них человек обращался к небу, к звездам, к другим небесным телам, к земле, к рекам, к горам, к океану; во всех древних религиях мы обнаруживаем следы этих исканий, направленных наружу. Божество реки, божество неба, божество тучи, божество дождя — все, что вне человека, что мы теперь зовем силами природы, преображалось, превращалось в волю, в божество, в небесного посланника. Однако вопросы становились все глубже, и ум человеческий уже не удовлетворялся ответами о явлениях природы, так что, наконец, человек обратился внутрь себя и задал вопросы собственной душе. Вопросы о макрокосме были повернуты в микрокосм, из внешнего мира во внутренний. Через анализ природы вне себя человек пришел к анализу своего внутреннего мира, и этот переход означал переход на более высокую ступень цивилизации, с более глубоким проникновением в суть природы, с более высоким уровнем развития.

Мы собираемся поговорить о внутреннем мире человека. Нет проблемы, более близкой и дорогой человеку, нежели эта. Сколько миллионов раз в скольких странах задавался один и тот же вопрос! Мудрецы и властители, святые и грешники, каждый мужчина и каждая женщина время от времени искали ответ на этот вопрос — есть ли нечто постоянное в быстротечности человеческой жизни? Неужели нет ничего не умирающего после смерти тела? Нет ли чего-то, что продолжает жить и после того, как телесная оболочка рассыпается прахом? Нет ли чего-то, что не сгорало бы в огне, обращаясь тело в пепел? А если есть, то как это существует? Куда уходит? И откуда берется? Эти вопросы задаются с незапамятных времен и будут задаваться снова и снова, пока не кончится сама Жизнь, пока будет мыслить хоть один мозг. Но дело тут не в том, что не находится ответ, ответ находится, и с течением времени ответы становятся все убедительней. Собственно, ответ был найден тысячи лет назад, но он все время заново формулируется, получает новые подтверждения, проясняется в нашем мозгу. Поэтому и нам предстоит только дать новую форму старому ответу. Мы не пытаемся пролить новый свет на всеохватные вопросы, мы просто хотим изложить современным языком древнюю истину, выразить мысли древних в форме, привычной для современников, выразить мысли философов языком народа, выразить мысли ангелов языком человека, выразить мысли Бога языком несчастного человечества, чтобы понял их человек, ибо божественный источник, откуда почерпнуты эти мысли, постоянно изливается в каждом из нас, а потому человек всегда может понять эти мысли.

Вот я на вас смотрю. Что же именно надо, чтобы вас видеть? Прежде всего глаза, ибо пусть я буду совершенен во всех отношениях, не имей я глаз, я вас увидеть не смогу. Еще мне нужен подлинный орган зрения, поскольку глаза таковым не являются. Глаза — инструменты зрения, а за ними в мозгу есть нервный центр, вот он есть орган зрения. Если этот центр поврежден, то и при полной сохранности глаз человек не видит. Аналогичным образом устроены все наши органы чувств. Внешнее ухо — тоже просто инструмент, предназначенный для передачи звуковых колебаний внутрь, в нервный центр. Но и это еще не все. Представьте себе, что вы в библиотеке, вы углубились в чтение и не слышите, как пробили часы, раздался звук, по воздуху побежали волны, ваши уши в порядке, нервный центр в порядке, но вы ничего не слышали. Что же отсутствовало? Отсутствовал ум. Следовательно, для восприятий необходим и ум. Необходим инструмент, выведенный во внешний мир, необходимый орган, которому инструмент передаст воспринятое, и, наконец, орган должен соединяться с умом. Если ум не соединен с органом, то и орган, и инструмент могут функционировать, мы же не будем этого осознавать. Но и ум играет роль только передающего устройства, оно должно донести воспринятое до интеллекта. Интеллект обладает способностью определять, и он решает, что именно было воспринято. Но и это тоже не все, интеллект должен представить все воспринятое владыке тела, правителю на троне, человеческой душе. Владыка отдает приказ, что делать и чего не делать; приказ, идя сверху вниз, поступает сначала интеллекту, затем уму, органам чувств, которые передают это инструментам, тем самым завершая процесс восприятия.

Инструменты помещаются во внешнем, грубом теле человека, а ум и интеллект — нет. Их местопребыванием является то, что индусы называют тонким телом, а в христианской теологии это известно под термином «духовное тело», оно структурно тоньше, значительно тоньше, чем наше физическое тело, но это еще не душа. Внешнее тело недолговечно, его функционирование легко нарушается, оно легко распадается. Тонкое тело отличается большей прочностью, оно может прийти в упадок, но может и окрепнуть. Мы наблюдаем, как у старых людей слабеет ум, однако он может и окрепнуть, если крепнет тело. Мы наблюдаем, как воздействуют на ум различные лекарства и препараты, как он воспринимает внешние влияния, как откликается на них. Но ум, как и физическое наше тело, проходит через стадии развития и распада, следовательно, он отличен от души, ибо душа нетленна. А откуда это нам известно? Откуда нам известно, что над умом есть нечто иное? Светоносное знание, которое является основой разума, не может быть свойством тупой и мертвой материи. Никто никогда не видел грубую мате-

рию, которая обладала бы собственным разумом. Тупая и мертвая материя не может просветить себя, разум просвещает ее. Этот зал существует только потому, что существует разум, его не было бы на свете, если бы не разум, который воздвиг его. Разум освещает собой всю материю. У нашего тела нет собственного света, будь это по-иному, свет сохранялся бы и в мертвом теле. Не могут обладать собственным светом ни ум, ни духовное тело, ибо они не созданы из разумной субстанции. То, что обладает собственным светом, не может умереть. Заимствованный свет может приходиться и уходить, чего не может произойти с тем, что само есть свет. Луна прибывает и убывает, ибо светит отраженным светом. Железо в огне, раскалившись, излучает свет, но с остыванием железа свет меркнет, он не есть свойство железа. Может померкнуть лишь заимствованный свет, свет, который не является свойством данного объекта.

Итак, мы видим, что наше тело, наша внешняя оболочка, не обладает собственным светом, оно не может осветить себя, оно не может познать себя. Не может и ум. Почему? Потому что ум прибывает и убывает, наподобие лунного света, потому что он в одно время силен, в другое — слаб, потому что он подвержен воздействию любого внешнего обстоятельства. Значит, ум светит не собственным светом. Что же это за свет в таком случае? Он должен быть светом по сути, и в качестве такового он не меркнет и не гаснет, не становится ни сильнее, ни слабее — он сам свет. Нельзя о душе сказать, что она знает, — она есть знание. Нельзя о душе сказать, что она существует, — она есть существование. Нельзя о душе сказать, что она радуется, — она и есть радость. Счастливое существо из-за чего-то сделалось счастливым, знающий человек получил свои познания, существо, чья жизнь относительна, живет отраженной жизнью. Для души же существование, знание, блаженство являются ее сущью.

Но ведь можно опять спросить меня, почему всему этому нужно верить? Почему мы должны согласиться с тем, что существование, знание и блаженство являются сущью души, а не ее качествами, не отраженным светом? Но тогда этому спору не будет конца. Отраженному откуда? Отражением чего являются эти качества? А что является источником? А источником того источника? Рано или поздно мы должны будем прийти к некоему первоисточнику, который сам является светом.

Таким образом, мы приходим к выводу, что человек — это его телесная оболочка, его тело, затем — его тонкое тело, куда входят ум, интеллект и ощущение себя центром, и только за всем этим подлинное «Я» человека. Мы видим, что качества грубого тела связаны с тонким телом, с умом, а ум, тонкое тело, в свою очередь, черпает свет и силы из души.

Возникает множество вопросов относительно души. Если мы исходим из того, что душа обладает собственным светом, что знание, существование и блаженство являются ее сущью, то из этого, естественно, следует, что душа не могла быть сотворена. Жизнь, обладающая собственным светом, не зависящая от какой бы то ни было иной жизни, не могла быть и результатом чего-то. Она существовала вечно, не было такого времени, когда бы не существовала душа, ибо если душа не существовала, то где было время? Время в самой душе. Когда душа приводит в действие ум и появляется мысль, тогда появляется и время. Если нет души, то, конечно, нет мысли, а вне мысли нет времени. Следовательно, нельзя сказать, что душа существует во времени, ибо само время существует в душе. Душа не рождается и не умирает, но проходит через различные фазы. Она постепенно проявляет себя, начиная с низших форм и продвигаясь ко все более высоким. Она выражает свое величие, воздействуя через ум на тело, а через тело входит в соприкосновение с внешним миром и познает его. Она берет себе тело и пользуется им, когда же оно изнашивается, выбирает себе новое и так далее.

И здесь мы подходим к очень интересной проблеме, известной как переселение душ. Эта мысль многих пугает, и даже умные люди с поразительной нелогичностью готовы предположить, что появились они из ничего, но тем не менее после смерти их ждет жизнь вечная. Что появилось из ничего, то, без сомнения, и превратится в ничто. Это не так: мы все существовали вечно и вечно будем существовать, и нет силы, которая обратила бы нас в ничто. В мысли о переселении душ не только нет ничего страшного, но она еще и чрезвычайно важна для морального здоровья человечества. Эта мысль является единственным логическим выводом, к которому только и может прийти думающий человек. Если после смерти вы будете существовать вечно, то это означает только одно, что вы и до рождения существовали вечно, по-другому не может быть. Я сейчас попробую опровергнуть ряд обыкновенно возникающих возражений по поводу теории переселения душ. Хотя многим из вас могут показаться нелепыми эти возражения, лучше все же опровергнуть их, ибо известно, что умные люди часто цепляются за глупые аргументы. Не зря ведь сказано, что нет на свете абсурда, который бы не отстаивал кто-то из философов.

Первый вопрос — почему же мы не помним о наших прошлых жизнях? А мы все помним из этой нашей жизни? Сколько среди вас помнит собственное младенчество? Первое время жизни не помнит никто, и если связывать факт нашего существования с памятью о нем, то получится, что никто из нас не существовал в первые месяцы жизни. Это же просто чушь — предположение о том, что наша жизнь зависит от нашей памяти. Почему мы должны помнить прошлые жизни? Того мозга больше нет, он распался, возник новый мозг. В него вошла общая сумма впечатлений от прошлых жизней, и с этим мозг начал жить в новом теле.

Вот я, стоящий перед вами, являюсь следствием, результатом бесконечного прошлого, которое несу в себе. И почему же я должен его помнить? Услышав слова великого мудреца, провидца или пророка древности, современ-

ный человек пожимает плечами, что за глупости, но если объявить, что это сказал Хаксли или Тиндаль⁹⁹, то это будет воспринято как истина, воспринято на веру. Древние предрассудки заменены предрассудками современными, святые отцы религии заменены святыми отцами науки. Итак, мы видим, как несерьезно предположение, что мы должны помнить прошлые жизни, раз прожили их, а между тем это самое серьезное возражение против теории переселения душ.

Хотя вопрос памяти несуществен для теории переселения душ, можно утверждать, что есть случаи, когда прошлые жизни вспоминаются. К тому же каждый из нас вспомнит прошлые жизни в той, в которой он достигнет освобождения. Только тогда вы осознаете, что наш мир есть просто сон, только тогда в душе вашей души вы почувствуете, что все мы — актеры на мировой сцене, только тогда, как удар грома, оглушит вас понимание свободы от привязанностей, исчезнет страсть к наслаждениям, привязанность к жизни и к земному миру, тогда ум ясно узреет, сколько раз все это уже существовало для вас, сколько миллионов раз были у вас родители и дети, мужья и жены, родные и друзья, власть и богатство. Все это приходило и уходило. Сколько раз поднимало вас на самую вершину волны, сколько раз вас низвергало в бездну отчаяния. Когда память вернет вам все былое, вы сможете улыбаться в ответ на брань мира, и только тогда вы сможете возгласить: о Смерть, что мне за дело до тебя, чем ты меня испугаешь? Так будет с каждым.

Существуют ли рациональные доказательства теории переселения душ? До сих пор мы обсуждали негативную сторону вопроса, доказывая несостоятельность аргументации против теории. Существуют ли позитивные доказательства? Существуют, и весьма весомые. Только теория переселения душ, и ничто другое, объясняет огромный разброс в способности людей к усвоению знания. Прежде всего рассмотрим сам процесс усвоения нового, обретения знания. Ну вот, я вышел на улицу и увидел собаку. Откуда мне известно, что это именно собака? Восприятие передается в сознание, в моем разуме сгруппированы, как разложены по полкам, различные впечатления от былого. Всякое новое впечатление сопоставляется с материалом на полках, пока не отыскивается группа сходных впечатлений. Теперь я знаю, что вижу собаку, ее образ совпал с ранее приобретенными образами. Если я не обнаруживаю ничего сходного с новым впечатлением, во мне возникает чувство неудовлетворенности. Это состояние ума и носит название «невежества», совпадение же означает «знание».

При виде падения одного яблока человек испытал неудовлетворенность. Затем была найдена сходная группа явлений — все яблоки падают, влекомые силой гравитации. Из этого явствует, что без запаса накопленного опыта новый опыт невозможно усвоить, его не с чем было бы связать. Если, как полагают иные европейские философы, ум ребенка при рождении представляет собой чистую таблицу, то такой ребенок никогда бы не смог подняться до интеллектуальных высот, поскольку ему не с чем было бы сопоставлять вновь обретаемый опыт. Мы все знаем, что люди различаются по своей способности усваивать новое, что говорит о различиях в ранее накопленном опыте, с которым мы рождаемся на свет. Знание приобретается лишь одним путем, через опыт, и не испытанное нами в этой жизни должно было быть испытано в другой. Откуда в нас страх смерти? Цыпленок едва вылупился из яйца, но при виде коршуна он ищет защиты у курицы. Существует классическое объяснение, впрочем, объяснением оно не имеет права именоваться: все дело в инстинктах. Что заставляет едва вылупившегося цыпленка страшиться смерти? Что заставляет едва вылупившегося утенка при виде воды устремляться к ней? Утенок еще никогда не плавал, не видел, как плавают другие. Все это именуется инстинктом. Это красивое слово оставляет нас в той точке, с которой мы начали. Давайте подумаем над этим явлением, над инстинктом. Ребенок начинает играть на пианино. Вначале ребенку нужно выбирать каждую клавишу, но проходят месяцы и годы упражнений, и игра приобретает автоматизм, ребенок играет уже инстинктивно. То, что на первых порах делалось с сознательным волевым усилием, теперь уже не требует этого усилия. Однако это еще не достаточное доказательство, а лишь половина его, поскольку почти любое инстинктивное действие может быть поставлено под контроль воли. Каждая мышца нашего тела поддается управлению, это известно. Из этого двойного метода аргументации следует, что инстинкт есть не что иное, как выродившееся волевое действие. Если это положение распространяется на всю вселенную, если природа единообразна, то инстинкт у животных и инстинктивные действия у человека надо считать вырождением воли.

Применяя к микрокосму закон макрокосма — всякий процесс инволюции предполагает и эволюцию, а всякий процесс эволюции — инволюцию, — мы приходим к выводу, что инстинкт — это инволюционировавший разум. То, что мы называем инстинктом в животных или человеке, — это результат инволюции, вырождения волевых действий, а волевые действия невозможны без опыта. Опыт дал знание, и это знание продолжает существовать. Страх смерти, утенок, устремляющийся к воде, все инстинктивные действия человека — это результат прошлого опыта. До сих пор все ясно, и до сих пор у нас нет расхождений с современной наукой. Но дальше возникает затруднение. Новейшая наука сближается с древним знанием, и в этом сближении нет противоречия. Наука признает, что и человек, и животное рождаются с неким фондом опыта и что ум действует на основе прошлого опыта. Но, вопрошают ученые, какие основания приписывать прошлый опыт душе? Почему не согласиться, что этот опыт связан с

⁹⁹ См. примеч. 17 к «Джняна-йоге».

телом, и только с телом? Почему не объяснить это наследственностью?

Действительно, почему не предположить, что весь опыт, с которым я родился на свет, есть суммарное следствие опыта, накопленного моими предками? Я несу в себе сумму опыта от комочка протоплазмы до высокоорганизованного человека, но этот опыт передавался от тела к телу путем наследования. В чем тут затруднение? Резонный вопрос, и мы согласны признать за наследственностью определенную роль. Но в чем ее роль? В поставках материала. Мы сами своими прошлыми действиями предопределяем свое рождение в определенной телесной оболочке, материал которой поступил от родителей, заслуживших рождение данной души в качестве их ребенка.

Простая теория наследственности исходит из само собой разумеющегося поразительного предположения, что ментальный опыт может быть зафиксирован в материи, что ментальный опыт может инволюционировать в материю. Когда я смотрю на вас, в озере моего ума поднимается волна. Она потом уляжется, но оставит после себя тончайшее возмущение — впечатление. Мы понимаем, что такое физический отпечаток на теле. Но есть ли доказательство тому, что тело, смертное тело, способно сохранить отпечаток умственной деятельности? Что именно сохраняет его? Если даже предположить, что тело сохраняет все ментальные отпечатки, начиная от первого человека и вплоть до моего отца, и в теле моего отца все это было, то спрашивается, каким образом это перешло ко мне? Через биоплазменную клетку? Возможно ли это? Ведь телесный состав отца не переходит целиком к ребенку. У пары может быть несколько детей, и, согласно этой теории наследственности, которая отождествляет отпечаток и материал, запечатлевший его, при рождении каждого ребенка родители должны утрачивать часть собственных отпечатков, или если родители передают по наследству весь фонд отпечатков, то с рождением первого же ребенка их ум опустошается.

Если биоплазменная клетка заключает в себе бесконечное множество отпечатков с начала времен, то как это происходит? Это кажется невысказанным, и до тех пор, пока физиологи не покажут, как и где живут в клетке эти отпечатки, как они себе представляют ментальные впечатления, дремлющие в физической клетке, их теории нельзя принимать на веру. Пока что ясно следующее — отпечатки остаются в уме, ум рождается, умирает и рождается снова, используя соответствующий ему телесный материал, то есть ум, подготовивший себя для определенной телесной оболочки, вынужден будет ждать воплощения именно в эту оболочку. Это мы понимаем. Затем теоретически роль наследственности заключается в поставках материала, в который может воплотиться душа. Но душа кочует и создает себе тело за телом, каждая наша мысль и каждое наше деяние сохраняются в форме едва приметного отпечатка, готового снова проявить себя в новой оболочке. Вот я на вас смотрю, и в моем уме возникает волна, потом она спадает, становится все меньше, все незаметней, но не исчезает совсем. Она готова снова возникнуть, но уже в моей памяти. Отпечатки скапливаются в моем уме, и когда я умираю, со мною остается их сумма. Представьте себе, что у нас тут есть мяч, каждый из нас берет в руки ракетку, мы начинаем гонять мяч, он прыгает из стороны в сторону и, наконец, выскакивает в открытую дверь. Что остается с мячом? Сумма наших ударов. Она придала ему направление движения. А что направляет душу после смерти тела? Сумма поступков и мыслей. Если их результат таков, что душа нуждается в новом теле для дальнейшей жизни, она направится к тем родителям, которые подготовлены для предоставления ей подходящей телесной оболочки. И так она будет кочевать от тела к телу, то поднимаясь на небеса, то спускаясь на землю, то в облике человека, то — низшего животного. Это будет продолжаться до тех пор, пока она не завершит накопление опыта и цикл своего существования. К тому времени душа уже познает свою природу, познает себя, освободится от невежества, ее сила проявится, и она достигнет совершенства, больше ей нет нужды действовать через физические оболочки и даже через более тонкие, духовные тела. Душа сияет собственным светом, она свободна от рождений и смертей.

Мы не станем углубляться в подробности всего этого, но я хотел бы обратить ваше внимание еще на один аспект теории переселения душ. Эта теория отстаивает свободу души. Это единственная теория, которая не возлагает на кого бы то ни было вину за наши слабости, что так свойственно человеку. Собственных недостатков мы не замечаем, себя глаза не видят, они видят глаза всех остальных. Мы, люди, неохотно признаем свои слабости, свои недочеты, стараясь найти виноватого в них. Как правило, люди возлагают вину за все беды жизни на других людей или, если уж на то пошло, на Бога, в крайнем случае на выдуманный ими призрак по имени судьба. Где эта судьба, что есть судьба? Мы пожинаем то, что сеем. Мы творим собственную судьбу. Не на кого возлагать вину и некому возносить хвалу. Дует ветер, и корабль, чьи паруса натянуты, наполняет их ветром и идет по курсу. Корабль, спустивший паруса, ветер не поймает. Ветер ли в этом повинен? Или в этом повинен милосердный Отец, чей благодатный ветер веет не затихая день и ночь, чье милосердие не убывает, Он ли повинен в том, что иные из нас счастливы, другие же несчастны? Мы сами творим свою судьбу, а Его солнце светит и слабым, и сильным, Его ветер равно овеивает и святого, и грешника. Он владыка всего, Отец всего живого, милосердный и беспристрастный. Не хотели ли вы сказать, будто он, Царь творения, видит ничтожные вещи, наполняющие наши жизни, в том же свете, что и мы сами? Что за нелепое представление о Боге было бы это! Мы, как щенята, мечемся здесь между жизнью и смертью и по глупости думаем, будто сам Бог отнесется ко всему этому с той же серьезностью, что и мы. Он знает, что такое щенячья возня. Как глупы наши старания возложить на Него вину, заставить Его карать и награждать. Он никого не карает и никого не награждает. Его беспредельное милосердие открыто всем,

всюду и всегда. От нас самих зависит, как мы им воспользуемся. Никого не вините, ни человека, ни Бога. Вините себя в собственных бедах и старайтесь жить получше.

Это — единственный выход. Кто возлагает вину на других — увы, с каждым днем растет их число! — несчастные люди, чей ум беспомощен, они собственными ошибками сделали себя несчастными, и, хоть обвиняют в этом других, их положение не меняется. Это бессмысленно. Попытка переложить вину на другого только делает нас еще слабее. А потому не вините никого в своих бедах, стойте на собственных ногах и отвечайте сами за свои поступки. Скажите себе: я сам виноват в своих бедах и страданиях, а значит, и выйти из создавшегося положения я могу только собственными силами. Я могу разрушить то, что сам воздвиг, но мне не разрушить сделанное другими. А потому — поднимайтесь на ноги, будьте смелыми, будьте сильными. Возьмите на себя ответственность за все и помните, что свою судьбу вы творите сами. В вас и сила, и выносливость, в которых вы нуждаетесь. Сами стройте свое будущее, и пусть «мертвое прошлое хоронит своих мертвецов»¹⁰⁰. Перед вами — бесконечное будущее, и вы должны постоянно помнить, что всякое ваше слово, помысел и поступок закладывают его основу для вас. И если дурные слова и дела готовы тиграми наброситься на вас, то есть и придающая уверенность надежда на то, что ваши добрые слова и поступки с силой ста тысяч ангелов готовы помочь вам и ныне, и во все последующие времена.

¹⁰⁰ Соотносится с Евангелием от Матфея, 8, 22 или Евангелием от Луки, 9, 60 («Предоставь мертвым погребать своих мертвецов»).

БЕССМЕРТИЕ

Бессмертна ли душа человека? Какой вопрос задавался чаще, чем этот, какая мысль сильнее побуждала человека на поиски ответа, какая тайна ближе и дороже нашему сердцу, какая проблема теснее связана с самим нашим существованием, чем бессмертие души? Тема для раздумий поэтов и мудрецов, священнослужителей и пророков, правителей на тронах и нищих на улицах. Эту загадку стремились разгадать лучшие из людей, на ее разгадку надеялись наихудшие из людей. Интерес к ней не угас и по сей день и не угаснет, пока жив человек. Человечество получало различные ответы. На каждом историческом этапе тысячи людей отказывались от мысли понять эту тайну, а тысячи других вновь брались за нее. Мы будто и забываем о ней в повседневной суете, но вдруг кто-то умер, кто-то из наших близких, и на миг затихает шум и грохот мира, и душа вопрошает — а что же потом? Что дальше?

Все человеческое знание строится на опыте, иного пути для познания у нас нет. Все наши рассуждения строятся на обобщенном опыте, все наше знание есть не что иное, как гармонизированный опыт. Что, мы видим, оглядевшись по сторонам? Непрестанные перемены. Семя дает росток, росток превращается в дерево, дерево проходит свой жизненный цикл и вновь возвращается к семени. Животное рождается, живет и умирает, завершив свой жизненный цикл. Так же и человек. Горы неприметно, но неизбежно рассыпаются в песок, реки медленно, но неизбежно пересыхают, дожди поднимаются из водоемов и в них же стекают. Все идет циклично, рождение, рост, развитие и распад следуют друг за другом с математической точностью. Мы наблюдаем это на каждом шагу. Но внутри всего этого, за огромной массой того, что мы зовем жизнью, за миллионами форм и обликов, за бесконечным многообразием форм жизни, от атома до одухотворенного человека, существует единство. Мы чуть не каждый день видим, как разрушается стена, которая предположительно разделяла формы жизни, и современная наука начинает признавать всю материю единой сущностью, проявляющей себя по-разному, в различных формах, соединенных единой жизнью, как цепью, звеньями которой являются эти формы. Это носит название эволюции. Мысль об эволюции зародилась в глубокой древности, почти тогда же, когда появилось человеческое сообщество, но по мере того, как человечество накапливает знания, она кажется все более современной. Однако древние понимали и другую сторону эволюции, еще не вполне осознанную в наши дни, — инволюцию. Семя становится деревом, но песчинка деревом никогда не станет. Отец становится ребенком, но комок глины — нет. Возникает вопрос — с чего началась эволюция? Откуда взялось первое семя? Оно было идентично дереву. В семени заложен весь потенциал будущего дерева, в младенце — потенциал будущего человека, в зародыше таятся потенциальные возможности всей будущей жизни. Что же это такое? Философы Древней Индии отвечали — инволюция. Иными словами: процесс эволюции предполагает также и процесс инволюции. Ничто не может появиться, чего уже не было раньше. И в этом вопросе снова нам на помощь приходит современная наука. Нам известен закон сохранения энергии. Из вселенной нельзя ничего убавить, и прибавить к ней тоже нельзя ничего. Следовательно, эволюция не может начаться с нуля, но в таком случае с чего она началась? Эволюции предшествовала инволюция. Младенец — это инволюция взрослого, взрослый — эволюция младенца. Семя есть инволюция дерева, а дерево есть эволюция семени. В зародыше таятся весь потенциал жизни. Добавим к этому первоначальную мысль о преемственности жизни, она едина, от протоплазмы до совершеннейшего из людей. Точно так же, как на протяжении одной жизни мы проходим через несколько фаз — эмбрион развивается в ребенка, ребенок становится юношей, юноша доживает до старости, — единая цепь жизни тянется от протоплазмы до совершеннейшего из людей. Это — эволюция, но эволюция предполагает и инволюцию. Вся жизнь, которая постепенно проявляет себя, эволюционируя от протоплазмы до совершенного человека, до воплощения Бога на земле, все эти превращения есть единая жизнь, и вся она должна была находиться в инволюционированной форме в той самой протоплазме. В ней таилась вся жизнь, включая даже Бога на земле, и медленно, медленно, медленно проявлялась. Наивысшее проявление жизни таилось там в зародыше, следовательно, эта единая цепь является инволюцией космической жизни, находящейся везде. Это единое космическое сознание, которое медленно раскрывается во всем, от протоплазмы до совершенного человека. Но оно не растет, мысль о росте нужно просто выбросить из головы. Идея роста ассоциируется с чем-то поступающим извне, с чем-то внешним, а это искажает истину — Бесконечное, таящееся во всякой форме жизни, не зависит ни от каких внешних обстоятельств. Бесконечное не может возрастать, Оно всегда наличествует, Оно только проявляется.

Следствие есть проявленная причина. Существенного различия между причиной и следствием нет. Причина, измененная и ограниченная во времени, становится следствием. Это нужно запомнить. Значит, жизнь во всех ее проявлениях, от протоплазмы до совершенного человека, должна быть идентична космической жизни. Вначале она инволюционировала и приобрела тонкую форму, затем из этой тонкости, из этой причины, она эволюционировала, проявляя себя в направлении более грубых форм.

Но вопроса о бессмертии это еще не решает. Мы видим: ничто во вселенной не исчезает. Нет ничего нового, никогда не будет ничего нового. Вращается колесо жизни, идут циклы проявлений. Движение всегда волнообразно, нарастание чередуется со спадом. Система за системой развивается из тонких форм, приобретает формы

огрубленные и снова будто тает, возвращаясь к тонким формам. Из тонких форм системы возникают снова, развиваются в течение определенного периода и медленно возвращаются к причине. Это касается любого проявления жизни, которое возникает и возвращается к своим началам. Что именно возвращается? Форма. Форма распадается, но потом снова возникает. В известном смысле можно сказать, что форма вечна. Каким образом? Если достаточно долго бросать кости, то комбинация чисел рано или поздно повторится. Перенесем эту аналогию на частицы материи, комбинации которых составляют вновь и вновь. стакан, стол, графин с водой — все это комбинации, и со временем они распадутся. Но должно наступить время, когда они повторятся в точности — снова вы будете здесь, и все эти формы будут здесь, и мы будем обсуждать эту же тему, и графин с водой будет стоять на том же месте. Это уже было бесчисленное множество раз, и это повторится бесчисленное множество раз. Иными словами, даже физические формы повторяются до бесконечности.

Интересно, что эта теория дает объяснение фактам такого рода: может быть, кому-то из вас случалось видеть людей, способных рассказывать о прошлом других и предсказывать будущее. Мыслимы ли предсказания будущего, если это будущее не регулируется? Следствия прошлого повторяются в будущем, и мы видим, что это так. Вы видели «чертовое колесо» в Чикаго? Колесо вращается, люди садятся в кабинки, прикрепленные к нему; покатавшись, они выходят, и их места занимают другие. Каждая группа пассажиров подобна одному проявлению — от неприметнейших тварей до высочайшего человека. Природу можно сравнить с этим колесом, у которого нет ни начала, ни конца, которое находится в вечном вращении, а кабинки — с телами или формами, заполняемыми все новыми и новыми душами. Души поднимаются все выше и выше, пока не достигают совершенства и не покидают колесо. Но колесо продолжает свое вращение, и можно с математической точностью предсказать, где окажется какая из кабинок, но не душ. Точно рассказать о прошлом и будущем природы возможно, мы это видим. Одни и те же физические явления повторяются через определенные промежутки времени, одни и те же комбинации повторяются до бесконечности. Но к бессмертию души это не имеет отношения.

Энергия не исчезает, материя не разрушается. А что происходит? Происходит трансформация, движение осуществляется назад и вперед, пока не возвратится к источнику. Нет движения по прямой, все движется кругообразно, прямая, продолженная в бесконечность, становится окружностью. В таком случае для души невозможен вечный распад, просто невозможен. Все циклично, все возвращается к своему началу, к источнику. Что мы собой представляем — вы, я, все эти души? Обсуждая вопросы эволюции и инволюции, мы убедились, что мы с вами должны быть частью космического сознания, космической жизни, космического ума, который инволюционировал, так что нам предстоит завершить цикл и возвратиться к космическому сознанию, а оно и есть Бог. Космическое сознание и есть то, что люди зовут Богом, или Христом, или Буддой, или *Брахманом*, то, что материалисты рассматривают как энергию, что агностики считают невыразимой бесконечностью, — мы с вами часть этого.

Это и есть вторая мысль, но и она не рассеивает все сомнения. Очень просто сказать, что энергия не исчезает. Однако все окружающее нас — комбинации. Форма, находящаяся перед нами, состоит из ряда компонентов, такой же следует считать и энергию. Но все, что составлено из частей, должно рано или поздно распасться на части. Все, что является результатом какой-то причины, должно разрушиться, умереть, все это распадается на начальные компоненты. Душа не есть энергия, и она не есть мысль. Душа — творец мысли, но не мысль. Почему? Мы уже убедились, что тело душой быть не может. Почему? Потому что в нем отсутствует сознание. Сознание отсутствует в трупe, сознание отсутствует в куске мяса. А что мы имеем в виду под сознанием? Реактивную силу. Это следует пояснить. Вот графин с водой, я его вижу. Каким образом это происходит? Луч света от графина касается моих глаз и оставляет отпечаток на сетчатке, который передается в мозг. Но это еще не видение. Сенсорные нервы, как их называют физиологи, передают отпечаток внутрь, однако пока это еще не вызывает ответного действия. Соответствующий нервный центр мозга должен передать отпечаток дальше, донести его до ума, и, как только это произойдет, в разуме вспыхнет картина графина. Возьмем более простой пример. Вот вы внимательно меня слушаете, а на кончик вашего носа уселся комар. Однако вы так поглощены тем, что я говорю, что совершенно не чувствуете комара. Что произошло в этом случае? Ведь комар проколол хоботком вашу кожу в определенной точке, которая, конечно, имеет чувствительные нервные окончания. Нервы донесли ощущение укуса до мозга, мозг получил информацию об укусе, но ум, поглощенный другим, не отреагировал, и вы не замечаете комариный укус. Когда ум не реагирует, мы не осознаем наличия новых восприятий, а при реакции ума мы видим, слышим и так далее. С реакцией ума наступает то, что философы *санкхьи* называют просветлением. Мы видим, что само тело просветлять не может, ибо в отсутствие внимания нет и восприятий. Известны случаи, когда в необычных условиях человек начинал говорить на иностранном языке, о знании которого и сам не подозревал. Впоследствии выяснялось, что ребенком этот человек жил среди людей, говоривших на данном языке, и неосознанно запомнил его. Мозг ребенка запечатлел в себе иностранный язык, отпечатки хранились до того времени, когда под влиянием обстоятельств ум отреагировал, настало просветление и человек заговорил на этом языке. Но эти факты доказывают, что и ум не самодостаточен, что и он есть инструмент, управляет которым нечто еще. Вернемся к случаю с мальчиком, ум которого содержал в себе иностранный язык, хотя сам мальчик не знал этого, пока не наступил час, когда знание проявилось. Значит, есть нечто иное, помимо ума. Пока ребенок был

маленьким, он не использовал имеющуюся у него возможность, а воспользовался ею, когда стал взрослым. Итак, прежде всего существует тело, затем ум, или инструмент мысли, а за умом стоит Душа человека. На санскрите она называется *Атман*. Современные философы, отождествляющие мысль с молекулярными изменениями в мозгу, не могут предложить объяснение случаям, подобным вышеописанному, поэтому они попросту отрицают их. Ум находится в состоянии сложнейшего взаимодействия с мозгом, который умирает всякий раз, когда меняется телесная оболочка. Свет исходит от Души, инструментом которой является ум, через него Душа связывается с внешними инструментами, и так возникает восприятие. Внешние инструменты улавливают впечатления и передают их соответствующим органам, ибо нельзя забывать, что наши глаза или уши не являются органами, они простые приемники, действуют же органы, то есть нервные центры нашего мозга. На санскрите эти центры носят название *индрии*, они доставляют воспринятое ими уму, ум передает их на тот свой уровень, который на санскрите называется *читта*, там они преобразуются в волю и в таком виде предстают перед Царем царей внутри нас, перед Властителем на троне, перед Душой. И Душа отдает распоряжения. После этого ум сразу воздействует на органы, а органы — на тело. Истинный же Повелитель всего — это Душа.

Итак, мы видим, что Душа человеческая не есть ни тело человека, ни его мысль. Душа не может быть составлена из частей. Почему? Потому, что все составленное из частей можно увидеть или вообразить. Что нельзя увидеть, вообразить или воспринять, что мы не в состоянии сложить вместе, то не является энергией или материей, причиной или следствием и не состоит из частей. Душа не подчинена закону причинности, следовательно, она не состоит из частей. Душа вечно свободна и подчиняет себе все, находящееся в рамках закона причинности. Она бессмертна, ибо смерть означает распад и возвращение к составным частям, а то, что не имеет составных частей, не может и распасться на них.

Мы приближаемся ко всем более сложным и тонким материям, которые могут кое-кого даже испугать. Теперь мы знаем, что Душа, будучи вне ограниченного мирка материи, энергии и мысли, однородна, а как однородная — она бессмертна. Но что не может умереть, не может и жить. Жизнь и смерть есть две стороны медали. Жизнь — это иное наименование смерти, а смерть — иное наименование жизни. Одно проявление бытия именуется жизнью, другое проявление того же — смертью. Поднимающаяся волна — жизнь, она же опадающая — смерть. Следовательно, находящееся вне смерти находится и вне жизни. Здесь я должен напомнить вам о том, что человеческая душа составляет часть существующей космической энергии, которая и есть Бог. Сейчас мы пришли к заключению, что она находится вне жизни и вне смерти. Вы никогда не рождались на свет, и вы никогда не умрете. Но в таком случае что представляет собою жизнь и смерть, которые мы постоянно наблюдаем вокруг? Рождаются и умирают только плотские оболочки, душа же существует во всем. Вы можете спросить меня: как же так? В этом зале сидит множество людей, а вы толкуете о душе, которая присутствует во всем? На это я могу ответить встречным вопросом: чем можно ограничить то, что неподвластно законам причинности? Вот стакан ограничен, он не может присутствовать во всем, поскольку материя вокруг стакана понуждает его принять заданную форму и не дает ему распространиться. Стакан подчинен своему окружению, а потому ограничен. А что способно ограничить находящееся вне законов природы, вне воздействий? Оно должно присутствовать во всем. Вы присутствуете во вселенной. Но как быть с тем, что я был рожден на свет, что я неизбежно должен покинуть этот свет? Это — иллюзия мозга, это результат невежества. Вы не умрете, потому что вы не рождались. Ваша душа не знала рождения, не будет у нее возрождения, не будет переселения души, жизни, ничего не будет. Мы являемся на этот свет и покидаем его? Какая чепуха! Это лишь галлюцинация, вызванная изменениями в тонком теле, которое мы именуем умом. Изменения и будут происходить. Но похоже это на облачко, плывущее в небе. Оно плывет и плывет и может вызвать иллюзию движения неба. А иногда облако наплывает на луну, и тогда нам иной раз кажется, будто это луна плывет. В поезде нам мерещится, что не поезд движется, а пейзаж убегает назад, в лодке — что движется не лодка, а вода. На самом деле мы не появляемся на свет и не покидаем его, мы не рождаемся и не возрождаемся, мы бесконечны, мы вечны, мы свободны и не подчинены законам причинности. Разве может умереть то, что не родилось?

Нам предстоит сделать следующий шаг, чтобы прийти к логическому выводу. Нельзя останавливаться на полпути, если вы углубляетесь в метафизику. Раз человек не подчинен законам природы, мы все должны обладать всезнанием и испытывать постоянное блаженство. В нас должно быть все знание, вся власть и все блаженство. Именно так и есть. Мы и есть всезнающие, вездесущие, мы составляем суть вселенной. Но возможно ли такое великое множество носителей сути вселенной? Сотни миллионов вездесущих? Ясно, что нет. Каждый из нас единствен, ибо Душа — одна, но Она есть вы. За ограниченной природой, за ограниченным миром есть то, что мы зовем Душой. Она единая, вечно благословенная, вездесущая, всеведущая, не знающая ни рождения, ни смерти.

«Волей Того простирается небо, волей Того дышит воздух, волей Того сияет солнце, и волей Того все живет. Это — подлинное в природе. Душа вашей души, То и есть мы, мы едины с Тем»¹⁰¹.

¹⁰¹ Общее место в нескольких упанишадах. Частично соотносится Катха-упанишадой, II, 3, 3.; Тайттирия-упанишадой, II, 8, 1.

Где появляется два, там возникает страх, опасность, столкновение, борьба. Если же все — Одно, кого тогда ненавидеть, против кого бороться? С кем сражаться, если все есть То? Вот объяснение подлинной сути жизни, вот объяснение сути бытия. Оно в совершенстве, а совершенство есть Бог. Множество нам только мнится.

«Кто видит Единое в мире множеств, кто видит Неизменное в мире перемен, как Душу его собственной души, тот свободен, тот благословен, тот достиг цели»¹⁰².

А потому помните: ты есть Он, ты и есть Бог вселенной.

«Тат твам аси» — «То есть ты». Представления же о том, будто я мужчина или женщина, я болен или здоров, я силен или слаб, я люблю, или я ненавижу, или мне недостает власти, — все это иллюзии. Отбросим их! Что делает вас слабыми? Что внушает вам страхи? Вы же едины с Высшим существом! Чего вы боитесь? Встаньте на ноги и будьте свободными. Помните, единственное зло в мире — это мысли и слова, внушающие человеку ощущение его слабости. Что может пугать вас? Если гаснут солнца, если в пыль рассыпаются луны, если исчезают миры, уходя в небытие, — что вам до этого? Ведь вы несокрушимы. Вы и есть То, вы и есть Бог вселенной. Повторяйте себе: я емь абсолютное существование, я емь абсолютное блаженство, я емь абсолютное знание, я емь То. Как лев, вырывающийся на свободу из клетки, так и вы порвете свои цепи и обретете свободу навсегда. Что вас пугает? Что вас сковывает? Только невежество и заблуждение, больше ничего.

Глупцы вас уверяют, будто все вы грешники, и вы готовы сидеть в углу, оплакивая свои прегрешения. Глупо, зло и подло внушать человеку мысль о его греховности! Каждый из нас — Бог. Разве вы не видите, что Бога мы и называем человеком? Стройте свою жизнь на этом! Если человек перерезает вам горло, не противьтесь, потому что это вы перерезаете свое горло. Не гордитесь, помогая бедняку, гордиться нечем, это ваша молитва. Разве не в вас вся вселенная? Вы и есть Душа вселенной. Вы и Солнце, и Луна, и все звезды, это ваше сияние озаряет мир. Кого вам ненавидеть, с кем сражаться? Не забывайте — вы и есть То, и стройте свою жизнь, памятуя об этом, чтобы больше не пришлось вам ползать во мраке.

¹⁰² Общее место в нескольких упанишадах. Частично соотносится Катха-упанишадой, II, 2, 13-14; Шветашварата-упанишадой, III, I, 2; VI, 13-14.

АТМАН

Многие из присутствующих, вероятно, читали знаменитую книгу Макса Мюллера «Три лекции по философии веданты»¹⁰³, а кое-кто, возможно, и знаком с немецкой книгой профессора Дейссена¹⁰⁴ на ту же тему. На Западе религиозная мысль Индии, как правило, преподается по одной из ее школ, по *адвайтизму*, представляющему монистическое направление, поэтому подчас создается впечатление, будто монизм покрывает собой все учение Вед. Однако индийская религиозная мысль проходила в своем развитии через различные фазы, среди которых недуализм, возможно, оказывается в меньшинстве. В Индии с древнейших времен существовали разные философские школы, разные религиозные секты. Отсутствие организованной церкви или группы людей, которые формулировали бы доктрины, обязательные для всех, открыло большой простор для развития философской мысли в различных направлениях. Именно этим объясняется наличие в Древней Индии такого большого количества философских школ. Не могу сказать, сколько их насчитывается в настоящее время, так как их число увеличивается год от года. Кажется, будто Индия обладает неисчерпаемым запасом религиозной энергии.

Однако все это многообразие может быть разделено на две категории — на ортодоксальную и неортодоксальную философии. К ортодоксам относятся те, кто рассматривает Священное писание индусов, Веды, как вечное откровение истины; других же, кто отвергает Веды в этом качестве, признавая иные авторитеты, следует считать гетеродоксами. Крупнейшими неортодоксальными школами индуизма в новейшее время надо считать джайнизм и буддизм. Ортодоксальные школы делятся на те, что ставят Веды выше разума, и те, кто полагает, что следует использовать лишь рациональную часть Вед, откинув остальное.

Из трех ортодоксальных направлений, представленных сторонниками *санкхьи*, *ньяи* и *мимансы*, два первых хотя и существовали как философские школы, но не дали начала каким-либо сектам. Одна секта, которая действительно охватывает всю Индию, — это секта сторонников поздней мимансы, или ведантистов. Их философия называется *ведантизмом*.

Все школы индийской философии основываются на *веданте*, на Упанишадах, но монасты считают, что название «*ведантизм*» принадлежит только им, поскольку их теология целиком строится на *веданте*, и больше ни на чем. Однако с течением времени *веданта* получила такое распространение в Индии, что сегодня все существующие там философские школы могут быть сочтены связанными с ней. Тем не менее между школами сохраняется ряд различий.

В современной *веданте* есть три основных направления. Сходятся все они на вере в Бога. Все они рассматривают Веды как откровенное слово Бога, хотя и не вполне в том смысле, как рассматривают откровение христиане и мусульмане. Они рассматривают Веды как выражение знания Бога, а поскольку Бог вечен, то знание его вечно с ним, следовательно, Веды — вечны. Существует и еще одно общее основание веры: вера в цикличность бытия, в то, что творение исчезает и затем проявляется вновь, что после сотворения все сущее идет вначале путем огрубления, затем приобретает все большую тонкость, после чего наступает период покоя. Этот процесс бесконечно повторяется. Ведантисты постулируют существование вещества, именуемого *акаша*, сопоставимого с тем, что ученые называют эфиром, и энергии, носящей имя *прана*. С точки зрения *веданты*, вселенная возникает из колебаний *праны*. К концу каждого цикла проявления природы становятся все тоньше и растворяются в акаше, субстанции невидимой и неосязаемой, являющейся, однако, материалом для всего, что существует. Силы, наблюдаемые нами в природе, такие, как сила тяготения, силы притяжения и отталкивания, равно как и мысль, ощущение и нервная энергия, — все они растворяются в *пране*, а колебания *праны* затухают. В состоянии покоя и пребывает она до начала следующего цикла. Затем вновь возникают колебания *праны*, которые воздействием на *акашу* начинают новый цикл.

Первое направление, о котором я намереваюсь рассказать вам, считается дуалистическим. Дуалисты утверждают, что Бог — создатель вселенной и ее владыка — вечно отделен от природы и вечно отделен от человеческой души. Бог вечен, природа вечна, как и все души. Но природа и души проявляются и изменяются, а Бог остается неизменен. Дуалисты рассматривают Бога в личностном плане, он наделен качествами, но, разумеется, не телесной оболочкой. Бог обладает человеческими атрибутами: Он милосерд, Он справедлив, Он всемогущ, к Нему можно обратиться, Ему можно возносить молитвы, Его можно любить, и Он может ответить любовью на любовь. Иными словами, речь идет о Боге, представляемом в виде человека, с той лишь разницей, что Он несопоставимо больше человека и свободен от дурных человеческих качеств. По определению, «Он есть вместилище

¹⁰³ См. примеч. 2 к «Джняна-йоге».

¹⁰⁴ П. Дейссен (1845—1919) — профессор Кёльнского университета, один из ведущих представителей европейского обществознания XIX в. Ученик А. Шопенгауэра, П. Дейссен высоко ценил ведантистскую мысль, находя много общего в учении веданты и философии И. Канта. Автор принесшей ему мировую известность шеститомной «Всемирной истории философии», три тома которой были посвящены индийской философии.

бесчисленного множества благословенных свойств»¹⁰⁵.

Богу нужен материал для творения, этим материалом является природа, из которой Он созидает вселенную. В Индии есть школа дуализма, не связанного с *веданта*, так называемая школа атомизма¹⁰⁶, приверженцы которой смотрят на природу как на бесконечное скопление атомов. Воля Бога, воздействуя на эти атомы, приводит к акту творения. Сторонники *веданты* отвергают атомную теорию как совершенно нелогичную: неделимые атомы подобны геометрическим точкам, лишены объема, но от бесконечного умножения чего-то, не обладающего объемом, ничего не произойдет. Сложением любого количества нулей невозможно получить число. Следовательно, поскольку атомы неделимы и не обладают объемом, из них невозможно сотворить вселенную. Дуалисты ведантского толка утверждают, что Бог творит вселенную из того, что они называют недискретной, или нерасчлененной, природой. Индийцы в большинстве своем придерживаются дуалистических взглядов. Человеку обыкновенно бывает трудно постичь более высокие структуры. Процентом девяносто верующих на земле, какую бы они ни исповедовали религию, тоже стоят на позициях дуализма. Дуалистичны все религии Европы и Западной Азии, они и не могут быть иными. Простому человеку с трудом дается восприятие неконкретного, он, естественно, тянется к тому, что доступно его интеллекту, то есть он воспринимает высокие духовные идеи, низводя их до собственного уровня, внося конкретность в абстрактные представления. Другой религии на массовом уровне быть не может. Массы верят в такого Бога, который достаточно удален от них, в некое подобие великого царя или могущественного монарха, но они наделяют Его большей чистотой, чем та, которой способен обладать земной властитель, они наделяют Его всеми добрыми качествами и освобождают от дурных. Как будто добро может существовать в отсутствие зла, как будто концепция света возможна без концепции тьмы!

Первейшая трудность любой дуалистической теории заключается в следующем: откуда столько зла в мире, которым правит милосердный и справедливый Бог, вместилище бесчисленных добрых качеств? Этот вопрос возникает во всех дуалистических религиях, но, в отличие от всех других, индусы так и не изобрели Сатану в качестве ответа на него. Индусы единодушно возлагают вину на самого человека, что сделать весьма легко. Почему? Да потому, что, как я вам только что сказал, они не верят, будто души сотворены из ничего. Жизнь учит нас тому, что человек может формировать свое будущее, каждый из нас сегодня планирует завтрашний день, завтра мы будем планировать послезавтрашний и так далее. Логично было бы обратить этот процесс и в прошлое. Если мы своими действиями определяем свое будущее, то почему бы и не прошлое? Если в бесконечной цепи попеременно повторяются схожие звенья, то, объяснив себе одну группу звеньев, не получаем ли мы объяснение всей цепи? Рассматривая бесконечно продолженное время, мы можем выделить, объяснить и понять его отрезок, и если природа действительно единообразна, то наше объяснение пригодно для всей цепи времени. Если верно, что мы определяем собственную судьбу на короткое время, если верно, что у всего есть причина, то наше настоящее должно быть следствием всего нашего прошлого, а посему человек сам определяет судьбу человечества, и нет нужды вводить еще одно действующее лицо. Зло в мире сотворили мы сами, никто иной. Мы и есть причина всего зла, мы постоянно наблюдаем, как дурные поступки приводят к страданиям, значит, беды мира в значительной степени являются последствиями дурных поступков человечества в прошлом. Соответственно человек сам во всем повинен. На Боге нет вины. Он, извечно милосердный отец, ни в чем не виноват. Мы пожинаем то, что сами посеяли.

Любопытным аспектом дуалистической доктрины является положение о том, что каждая из душ рано или поздно придет к спасению. Никто не останется обделенным. Через препятствия, через муки и радости — все придет к концу, к освобождению. К освобождению от чего? Все индусы верят, что любая душа должна освободиться от вселенной, выйти из нее. Ни та вселенная, которую мы воспринимаем органами наших чувств, ни та, которую мы воображаем, не может быть подлинной, ибо является смешением добра и зла. Дуалисты утверждают, что за пределами вселенной есть обитель, где существует лишь добро и счастье. По достижении этого места исчезает необходимость снова и снова рождаться на свет и умирать снова и снова — идея весьма привлекательная. Там нет ни болезни, ни смерти. Там царит вечное блаженство, и попавшие туда будут жить вечно в присутствии Бога. Дуалисты верят, что все живое — от неприметнейшего червяка до ангелов и богов — рано или поздно окажется в этом мире, где нет места страданию. Но ведь наш мир никогда не прекратит существование, он вечен в своей цикличности. Бесчисленно количество душ, которым предстоит усовершенствоваться до освобождения: души растений, души животных, души людей, души богов, — но все они, даже души богов, несовершенны, а потому поработаны. В чем их поработанность? В необходимости снова рождаться и снова умирать. Даже боги умирают.

¹⁰⁵ Имеются в виду тексты двайта-веданты.

¹⁰⁶ Вайшешика (одна из шести систем классической индийской философии) обстоятельно исследовала проблему атомистического строения мира. Текст Вайшешика сутр (II — I вв. до н. э.) приписывается легендарному мудрецу Канаде. Мир в вайшешике понимается как реально существующий и состоящий из бесконечно малых частиц (ану) — атомов. Значение атомистической теории вайшешики в индийской философской культуре сопоставимо с тем значением, которое имела атомистическая теория Демокрита для развития греческой философии.

Что такое боги? Это определенные состояния души, наделенные определенными функциями. Например, Индра, царь богов, — это его функция: некоторая душа достаточно высока, чтобы занять такое место в данном цикле, после же завершения цикла она родится снова на земле в человеческом облике, а человек, достигший высокой степени совершенства, в следующем цикле займет ее место на небесах. Кто творит добро в этом мире и помогает другим, но в надежде на вознаграждение либо на небесах, либо на земле, тот после смерти пожинает плоды своих добрых дел, такие люди и становятся богами. Но это еще не освобождение, ибо нельзя освободиться, пока ждешь награду. Бог дает человеку все, чего тот желает. Люди желают власти, люди желают славы, люди желают наслаждаться, как боги, — и исполняют свои желания, но следствия этого не вечны. Через некоторый промежуток времени они исчерпают себя, это время может измеряться эрами, но оно все равно кончится, боги опять родятся людьми, получая новую возможность достичь освобождения. Животные, поднимаясь все выше, станут людьми, а возможно, и богами, потом снова станут людьми, а может быть, и животными, и так будет продолжаться до тех пор, пока они не избавятся от всех желаний, от жажды жизни, от привязанности к «я и мое». Вот это «я и мое» — самый настоящий корень мирового зла. Если спросить у дуалиста: «Это ваш ребенок?» — он ответит: «Ребенок Божий! Все, что у меня есть, принадлежит Богу!» Все должно считаться Божьим.

Индийские дуалисты — ярые приверженцы вегетарианства, страстные проповедники неубиения животных. Но их мотивация в корне отлична от буддийской. Если спросить буддиста, почему он против убиения животных, то он скажет, что ни у кого нет права отнимать жизнь. Если этот же вопрос задать дуалисту, то его ответ будет другим: животные принадлежат Богу. Иными словами, для дуалиста «я и мое» возможно только для Бога. Когда у человека не остается ничего своего, когда он все отдает Богу, когда он полон любви ко всему и готов пожертвовать жизнью ради животного, когда он не ждет никакой награды, тогда сердце его исполняется чистоты и в чистое сердце входит любовь к Богу. Всякая душа тянется к Богу, и дуалист говорит: иглу, покрытую глиной, не притягивает магнит, но стоит лишь отмыть ее, и она потянется к магниту. Бог — это магнит, а человеческая душа — иголка, но она покрыта пылью и грязью дурных поступков. Очистившись, иголка проявит естественное тяготение к Богу и пребудет с ним вечно, вечно оставаясь отличной от Него. Душа, достигшая совершенства, может занять любую оболочку по своему выбору, может занять хоть сотню тел или вообще отказаться от тела, если пожелает. Такая душа почти всемогуща, но она не способна творить, это прерогатива одного только Бога. Сколь бы совершенна ни была душа, она не может управлять вселенной, это дело Бога, но совершенная душа пребывает в вечном блаженстве и в вечном общении с Богом. Так считают дуалисты.

У них есть еще одна интересная идея — они считают невозможным просить Бога о милостях разного рода. С их точки зрения, это непозволительно. Если человек желает просить о материальных благах, ему следует обращаться с такими просьбами к существам не столь высокого порядка — к богам, или к ангелам, или к совершенным душам. Бога можно только любить. Молиться Ему — почти святотатство, особенно молиться о чем-то. Если человек устремлен к освобождению, он должен почитать Бога. Такова религия индийских масс.

Подлинная философия *веданты* начинается с ограниченного недуализма. Последователи этой школы утверждают, что следствие никогда не отличается от причины, следствие и есть причина в другой форме. Если вселенная есть следствие, а Бог — причина, то вселенная не может быть не чем иным, как самим Богом. Они начинают с того, что Бог является как действующей, так и материальной причиной вселенной, Он и ее Творец, Он же и материал, из которого возникла вся вселенная. Строго говоря, слова «сотворение» в санскрите просто нет, ибо ни одна из индийских школ духовной философии не признает акта творения в том смысле, который вкладывает в это Запад, — нечто, возникающее из ничего-Возможно, что такая идея и выдвигалась когда-то, однако она быстро ушла в небытие. В настоящее время я не знаю школы, которая признавала бы акт сотворения мира. Когда индусы говорят о сотворении, они имеют в виду проявление того, что существовало ранее. Итак, вселенная есть Бог. Он является и ее материалом. Мы читаем в Ведах: «Как *урнанабхи*, паук, тклет нить из собственного тела, так вся вселенная вышла из Него»¹⁰⁷.

Если следствие есть модифицированная причина, то возникает вопрос: как можно считать, будто материальная, тупая, бессознательная вселенная появилась из Бога, который сам нематериален, но являет Собой вечное сознание? Если причина столь чиста и совершенна, может ли следствие так разительно отличаться от нее?

В ответ ведантисты выдвигают довольно своеобразную теорию. Они говорят, что все три формы существования: Бог, природа и Душа — едины по сути. Бог и есть Душа, а природа и души являются Его телесным воплощением. Точно так же, как я обладаю и телом, и душой, так и вся вселенная, и все души являются телом Бога. Бог же есть Душа всех душ. Таким образом, Бог есть материальная причина вселенной. Тело подвержено изменениям, оно может быть юным или старым, сильным или слабым, однако души это не касается. Ее существование вечно, а через тело она проявляет себя. Тела рождаются и умирают, душа же остается неизменной. Природа есть тело Бога, в этом смысле природа есть Бог, но никакие изменения во вселенной не затрагивают Бога. Он из себя творит

¹⁰⁷ Пересказ Мундака-упанишады, I, 1, 7.

вселенную, и в конце цикла Его тело становится все тоньше, оно стягивается, в начале же цикла тело вновь расширяется, проявляясь в виде различных форм жизни.

И дуалисты, и представители ограниченного недуализма сходятся на том, что душа по натуре чиста, однако загрязняется собственными поступками. Недуалисты выражают это красивее, чем дуалисты. Они говорят, что чистота и совершенство души сокращаются, чтобы потом снова проявить себя, поэтому задача человека — способствовать проявлению сознания, чистоты и силы, природно присущих душе. Души обладают множеством свойств, но всемогущество и всеведение не входят в их число. Всякий дурной поступок ущемляет природу души, всякий добрый — развивает ее, и все души являются частицами Бога. «Как мириады искр летят из пылающего огня, храня в себе все его свойства, так и души связаны с Бесконечностью, с Богом»¹⁰⁸.

Бог сторонников ограниченного недуализма тоже является Личностным Богом, вместилищем бесчисленного множества благословенных качеств, но Он проникает собой все сущее во вселенной. Он имманентен, Он во всем. И когда в священных книгах говорится, что Бог есть все, то имеется в виду, что Бог проникает собою все, речь ведь не о том, что Бог может стать стеной, но и в стене тоже есть Он. Нет во всей вселенной ни единого атома, в котором не было бы Бога. Души ограничены, ибо не являются вездесущими. Когда души развиваются и достигают совершенства, они выходят за пределы рождений и смертей, они вечно живут с Богом.

Так мы приближаемся к *адвайтизму*, к тому, что мы считаем прекраснейшим цветком философии и религии всех времен и народов. Здесь человеческая мысль раскрывается в предельной полноте, освещая собой даже тайну, которая кажется непостижимой. Речь идет о недуалистической *веданте*, а не о религии для масс, ибо то, о чем я говорю, чересчур умозрительно и возвышенно для этого. Даже в Индии, где зародился *адвайтизм*, где он царит уже в течение трех тысячелетий, он не смог увлечь массы. Скоро мы с вами обнаружим, насколько труден *адвайтизм* для понимания, как бы вдумчив ни был человек и где бы он ни жил. Мы сами ослабили себя, мы сами принизили себя, и какие бы великолепные позы мы ни принимали, мы, естественно, ищем в чем-то опору. Мы похожи на слабенькие, хрупкие растения, которые нуждаются в поддержке. Сколько раз в жизни я слышал от разных людей, что им хочется найти «утешительную веру»! К истине стремятся очень немногие, еще реже встречаются те, кто осмеливается познать истину, и уж совсем редко — те, кто решается вынести практические последствия из приближения к истине. Это не порок людей, это их слабость, вялость их мозга. Всякая новая мысль, особенно мысль духовная, вызывает возмущение в мозгу, когда она, так сказать, пролагает себе канал через серое вещество, а это нарушает равновесие системы, сбивает человека с привычного пути. Человек привык к определенным представлениям, а тут требуется преодолеть массу укоренившихся предрассудков, освященных традицией, классовых предубеждений, предубеждений, связанных со страной и культурой, да и просто косность, присущую нам всем. Находятся, однако, отважные сердца, которые осмеливаются взглянуть в лицо истине, приобщиться к ней и до конца следовать путем истины.

В чем же суть *адвайты*? Последователь этого учения говорит, что если Бог есть, то Он должен быть как действующей, так и материальной причиной вселенной. Он и Творец, и творение. Бог и есть вселенная. Как это может быть? Как может стать вселенной чистый дух? Видимо, может. То, что видят во вселенной невежды, на самом деле просто не существует. Но что есть в таком случае видимое нами? Самовнушение, ибо бытие Едино, Бесконечно, Вечно благословенно. А нам снятся сны. Все есть *Атман*, он за всем, он есть Бесконечность, он за познанным, он за познаваемым, в Нем и через Него видим мы вселенную. Нет иной Реальности. *Атман* все — вот этот стол, люди, собравшиеся здесь, стены. Он — все, за исключением имени и формы. Отнимите у этого стола его имя и форму, то, что останется, и есть *Атман*. *Атман* не мужского и не женского рода, у души нет пола, ибо и эти различия иллюзорны и порождены в нашем мозгу. Человек, который живет в этом заблуждении, который уподобился животному, видит перед собой мужчин и женщин, но живые боги не различают людей по полу, какое дело до половых различий тем, кто вышел за предел? Различия — в именах, в формах, в телах, но не в сути. Если снять различия, то вселенная предстанет единым целым, без двойственности. Мы с вами едины. Нет природы, нет Бога, нет вселенной, есть лишь Бесконечное Бытие, из которого все сотворено посредством имен и форм. Как познать Знающего? Он непознаваем. Как увидеть собственное «Я»? В своем отражении. Вселенная и есть отражение *Атмана*, и это отражение воспринимается хорошими или плохими отражателями, отсюда и хорошие или плохие образы. Убийца — это не плохая Душа, а лишь плохой отражатель. Святой — хороший отражатель. Душа чиста по своей природе. Единое Бытие отражено и в червяке, и в совершеннейшем из людей. Вселенная представляет собой Единство в физическом, умственном, моральном и духовном смысле. Мы же видим это Единство в многообразии форм и создаем на их основе образы. Существу, ограниченному жизнью в человеческом облике, Оно представляется человеческим миром. Существу более высокого уровня Оно может казаться небом. Но Душа во вселенной — одна, Она не приходит и не уходит, Она не рождается, не умирает, не перевоплощается. Как может Она умереть? Куда может Она уйти? Все эти небеса, все эти другие миры — всего лишь плод воображения ума. Они не существуют, никогда не существовали, никогда не будут существовать.

¹⁰⁸ Пересказ Мундака-упанишады, II, 1, 1, или Шветашварата-упанишады, VI, 2, 10.

Я вездесущ, я вечен. Куда я могу уйти, если я и так повсюду. Я читаю книгу-природу, переворачиваю страницу за страницей, и передо мной проходят сны жизни. Перевернута еще одна страница, промелькнул и исчез еще один сон. Когда я кончу книгу, я просто отложу ее, и все на этом кончится. В чем же смысл адвайты? Ее последователи утверждают, что *адвайта* низвергает с тронов всех богов, которые были или будут, и возводит на трон Душу человека, *Атман*, превосходящий Солнце и Луну, превосходящий небеса, превосходящий своим величием великую вселенную. Никакие книги, никакое священное писание, никакая наука не могут даже вообразить величие Души, предстающей в облике человека, величайшего Бога, единственного Бога, который был и который будет. Следовательно, мне не нужно поклоняться никому, кроме самого себя. «Я поклоняюсь собственной Душе», — возглашает последователь *адвайты*. Перед кем мне склоняться? Я воздаю почести моей Душе. У кого мне искать поддержку? Кто может помочь мне, Бесконечности во вселенной? Кто, когда мог кому помочь? Все это заблуждения, глупые мечтания, галлюцинации. Когда вы встречаете глупого человека, дуалиста, вымалливающего помощь у небес, помните, он просто не знает, что небеса в нем самом. Он просит помощи небес, и помощь приходит. Мы знаем, что она приходит, но только изнутри самого человека, ему же кажется, что она пришла откуда-то извне. Иной раз больному в его постели может послышаться стук в дверь. Он встает, открывает дверь, но никого не видит. Больной снова ложится в постель и снова слышит стук. Он снова открывает дверь — никого. В конце концов он обнаруживает, что собственное сердцебиение принял за стук в дверь. Вот так и тот, кто после тщетных поисков богов вне себя завершает цикл и возвращается к исходной точке — к человеческой душе. Он обнаруживает, что Бог, которого искал он на вершинах и в долинах, в храмах, церквях и на небесах, Бог, которого он воображал властителем мира, царствующим в небесах, — это его собственная Душа. Я — это Он, а Он — это я. Я всегда был Богом, а жалкий человечек никогда не существовал.

Но разве может Бог в его совершенстве заблуждаться? Он никогда и не заблуждался. А разве может Бог в его совершенстве видеть сны? Он никогда их и не видел. Истина не видит снов. Нелеп даже сам вопрос о том, откуда взялась эта иллюзия. Иллюзия возникает только из иллюзии, она не опирается на Бога, на Истину, на *Атман*. Вы никогда не заблуждаетесь — заблуждение в вас, перед вами. Вот облако — набегают другие и покрывают его, а потом и третье покрывает то, что набежало раньше. Как на вечно голубом небе появляются облака разного цвета и вида, заволакивают его на время, чтобы исчезнуть, оставив после себя все ту же сияющую голубизну, так и вы вечно остаетесь чисты и совершенны. Ведь каждый из вас и есть Бог вселенной. Неверно даже говорить «вы и я», надо говорить — «я». Это я ем миллионами ртов, как же я могу быть голоден? Это я работаю миллионами рук, как же я могу бездействовать? Это я живу жизнью всей вселенной, где же моя смерть? Я превыше жизни и превыше смерти. Где я могу найти свободу? Я свободен по натуре. Кто может остановить меня, Бога вселенной? Все священные книги мира — примитивные карты, предназначенные для того, чтобы очертить мое величие, величие единственного бытия во вселенной. Так что значат эти книги для меня?

«Познай истину, и ты мгновенно освободишься»¹⁰⁹. Рассеется мрак. Когда человек увидит себя Бесконечностью вселенной, когда исчезнет отделенность, когда все — мужчины, женщины, боги, ангелы, животные и растения, вся вселенная — сольется в Одно, рассеется всякий страх. Разве я могу причинить себе вред? Разве я могу убить себя? Разве я могу изувечить себя? Кого мне бояться? Исчезнет и печаль. Что может опечалить меня? Я ведь Единственная жизнь вселенной. Исчезнут ревность и зависть. К кому мне ревновать? К самому себе? Исчезнут все дурные чувства. На кого мне злиться? На самого себя? Ведь во всей вселенной нет никого, кроме меня.

И это, как говорят последователи *веданты*, единственный путь к Знанию. Уберите все различия, уберите нелепое представление о множестве. «Кто в этом мире множеств видит Единое, кто в этой массе несознания видит единственное Сознание, кто в этом мире теней улавливает единственную Реальность — Ему, и никому иному, открыт вечный покой, Ему, и никому иному»¹¹⁰.

В этом и заключаются основные черты тех трех шагов, которые индийская религиозная мысль сделала по направлению к Богу. Мы видели, что она начинала с личного, сверхкосмического Бога. Затем от внешнего космоса она перешла к космосу внутреннему, к имманентности Бога во вселенной, и подошла к отождествлению самой Души с Богом, рассматривая единую Душу как единую суть многообразия вселенной. Это — последнее слово Вед. Веды начинаются с дуализма и через ограниченный монизм ведут к монизму совершенному. Мы знаем, сколь мало число людей в мире, способных целиком пройти этот путь или просто поверить в то, что он есть. Еще меньше число тех, кто смеет жить в соответствии с этим учением. И в то же время именно здесь мы находим объяснения всей этики, всей морали и всей духовности во вселенной. Почему мы постоянно требуем творить добро для ближнего? Почему все великие люди проповедовали всечеловеческое братство, а самые великие — братство всех форм жизни вообще? Потому что, сознавали они это или нет, но за всеми их иррациональными или личностными предубеждениями сиял им вечный свет Души, опровергающий многообразие и доказывающий единство всего сущего.

¹⁰⁹ Пересказ Катха-упанишад, II, 3, 8.

¹¹⁰ Пересказ Катха-упанишад, II, 1, 1-2.

Это последнее слово раскрыло перед нами единую вселенную, которую мы чувственно воспринимаем как материю, интеллектуально как душу и духовно как Бога. Для человека, окутанного покрывалами того, что мир зовет злом, вселенная меняется и принимает облик ада; для другого, устремленного к радостям жизни, та же вселенная переменится в рай; для совершенного же человека все исчезнет и превратится в его собственную Душу.

При общественном порядке, существующем в настоящее время, необходимы все три стадии развития религиозной мысли, тем более что ни одна из них не перечеркивает другую, а, напротив, как бы является ее продолжением. Последователи *адвайты* или ограниченной *адвайты* не опровергают дуализм — это правильный подход, но подход низшего типа. Дуализм тоже ведет к истине, а потому каждому следует выработать собственное представление о вселенной в соответствии с собственными идеями. Никого не надо обижать, ничью позицию не надо отвергать, лучше протянуть руку помощи, помочь подняться на более высокую ступень постижения, но не разрушая того, что человек уже сам постиг, В конечном счете к истине придут все.

«Когда будут покорены все желания сердца, тогда бессмертным станет все, что сейчас смертно»¹¹¹, и каждый станет Богом.

¹¹¹ Пересказ Катха-упанишад, II, 3, 14.

АТМАН: ЕГО НЕСВОБОДА И СВОБОДА

Философия *адвайты* учит, что лишь одно реально во вселенной, и это она называет *Брахманом*. Все остальное нереально, явлено и сотворено из *Брахмана* силой *майи*. Наша цель заключается в том, чтобы возвратиться к *Брахману*. Мы, каждый из нас, есть *Брахман*, Реальность плюс *майя*, незнание. Освободившись от *майи*, мы становимся тем, что мы по сути есть. В соответствии с учением *адвайты* человек состоит из трех компонентов — из тела, из его внутреннего органа, или ума, и из того, что называется *Атман*, Душа. Тело служит внешней оболочкой, а ум — внутренней оболочкой *Атмана*, который и есть наша суть, который управляет нами посредством ума.

Атман — единственный нематериальный компонент в человеческом теле. Будучи нематериален, он не имеет частей, а потому не подчинен причинно-следственным связям, а значит, бессмертен. Бессмертное не может иметь начала, ибо все, у чего есть начало, имеет и конец. Из сказанного вытекает и отсутствие у *Атмана* формы, поскольку формы нет без материи, а все, что обладает формой, не может не иметь начала и конца. Никто не видел форму без начала и без конца. Форма определяется взаимодействием материи и энергии. Вот этот стул имеет определенную форму — некое количество материи подверглось воздействию некоего количества энергии и была создана определенная форма. Стул — результат комбинации материи и энергии. Эта комбинация не может быть вечной, всякая комбинация со временем распадается. Поэтому мы говорим, что у любой формы есть начало и конец. Мы знаем, что наше тело умрет, у него было начало, значит, будет и конец. Но Душа, у которой формы нет, не подчинена закону начала и конца. Она существует бесконечно долго, как бесконечно время, так бесконечна и Душа. К тому же Душа вездесуща, только то, что имеет форму, обусловлено и ограничено пространством, лишнее формы не нуждается в пространстве. Следовательно, Душа, живущая во мне, в вас, в каждом, *Атман* является вездесущим. Вы находитесь на земле в той же мере, что и на солнце, в той же мере в Англии, что и в Америке. Но поскольку Душа действует через ум и тело, ее действие видно там, где они находятся.

Каждый наш поступок, каждая наша мысль оставляет впечатление в уме — *самскар*, как это именуется на санскрите; сумма всех впечатлений приобретает огромную силу, которую мы называем характером. Таким образом, человек сам творит свой характер — это суммарный результат его ментальных и физических действий. Человек умирает, его тело распадается на изначальные элементы, но *самскар*ы остаются и обуславливают его следующую жизнь; они остаются потому, что материал их необычайно тонок, а чем тоньше материал, тем дольше он не распадается. Но приходит время, когда распадается и он. Мне кажется, что лучше всего для иллюстрации этого процесса подойдет образ завихрения: воздушные течения с разных направлений сталкиваются, и воздух в точке столкновения завихряется. Вихрь захватывает пыль, клочки бумаги, соломинки, переносит их с одного места на другое, а сам мчится дальше, создавая новые столбы пыли. Точно так же силы, которые на санскрите называются *прана*, сталкиваясь, образуют из материи тело и ум и продолжают свое движение, пока тело не распадается. Тогда они подхватят другие материалы, образуют новое тело и так далее. Эти силы неспособны двигаться без материи. Тело распадается, а *самскар*ы временно остаются, и через них *прана* воздействует на ум; передвигаясь с места на место, она вздымает все новые вихри из новых материалов. Так она движется, пока не израсходует энергию, а затем замирает. Поэтому, когда закончится процесс и ум окончательно распадется вместе со всеми *самскар*ами, мы станем совершенно свободны. До этого вихри ума покрывают *Атман*, и ему кажется, будто его носит с места на место. Но вот вихри унимаются, и *Атман* обнаруживает свою вездесущность. Он совершенно свободен творить несчетное количество умов и тел, но до того времени его кружило вихрем. Свобода — вот цель, к которой мы все движемся.

Вообразим, что в комнате летает мяч, а у каждого из нас в руке ракетка, мы беспорядочно гоняем мяч, пока он не вылетит за дверь. С какой силой и в каком направлении полетит мяч? Это зависит от всех сил, которые воздействовали на него, — каждый удар по мячу дал свой результат. Всякое наше действие умственное или физическое, можно сравнить с ударом по мячу — по нашему уму. Все наши действия в этой жизни обуславят нашу следующую жизнь, а нынешняя жизнь соответственно является результатом нашего прошлого.

Возьмем такой пример: я даю вам бесконечную цепь, где перемежаются белые и черные звенья, и я вас спрашиваю о природе этой цепи. Вы не сразу определите, что это — цепь, в силу ее бесконечности, но постепенно разберетесь. Вы поймете, что она состоит из перемежающихся белых и черных звеньев, число которых бесконечно. Познав природу одного звена, вы познаете природу всей цепи, ибо звенья повторяются. Наши жизни — прошлые, нынешние и грядущие — образуют как бы бесконечную цепь, где каждое звено — это одна жизнь. от начала до конца. То, что мы есть, и то, что мы делаем, повторяется снова и снова, с незначительными отклонениями. Следовательно, зная два звена, мы знаем все, что с нами будет в этом мире. И мы знаем, что нынешняя жизнь строго обусловлена предыдущими. И еще одно знаем, что наши собственные действия привели нас в этот мир. Как мы покидаем его под воздействием суммы всех наших деяний, так и вступили мы в него под воздействием суммы наших прошлых деяний. Что нас приводит в этот мир? Наши прошлые деяния. Что нас уводит из него? Наши деяния в этой жизни. Мы похожи на шелковичного червя, который вытягивает из себя нить и оборачивает ею себя,

пока не оказывается внутри кокона, который сам сотворил. Мы тоже связываем себя собственными деяниями. Мы привели в действие закон причинности и выбраться из него не можем. Мы раскрутили колесо, и оно нас мотает. Мы все поработаны собственными действиями, хорошими или плохими.

Атман не появляется и не исчезает, он не рождается и не умирает. Природа движется перед *Атманом*, отбрасывая на *Атман* отражение, а ему, по невежеству, чудится, будто движется не природа, а он. Пока пребывает *Атман* в этом заблуждении, он не свободен, он освобождает себя пониманием того, что движется природа, а не он, что он — вездесущ. Несвободный *Атман* зовется *дживой*. Иными словами, говоря, что *Атман* появляется и исчезает, мы допускаем упрощение, как для упрощения при изучении астрономии мы предполагаем, будто Солнце обращается вокруг Земли, хоть это и не так. Итак, *джива*, душа, переходит то на высший, то на низший уровень — это и есть широко известный закон переселения душ, соединяющий все живое.

Нам кажется ужасной мысль о том, что человек происходит от животного. Почему? А что же должно произойти с миллионами животных? Если есть душа у нас, так она есть и у животных, а если у них нет души, значит, ее нет и у человека. Нелепо предполагать, будто человек один обладает душой, а животные нет. Мне случалось видеть людей, которые хуже животных.

Человеческая душа прошла через множество форм жизни, высоких и низких, переселяясь из одной в другую в зависимости от *самскар*, но свобода становится доступна ей только в высшей, человеческой форме. Человеческая форма выше даже ангельской, человек есть наивысшая из форм жизни, ибо только человек может достигнуть свободы.

Вся наша вселенная вышла из *Брахмана* и движется в направлении своего источника наподобие электрического тока, который создается динамомашинной и, пройдя через сеть, возвращается в динамо. Так же движется и душа. Выйдя из *Брахмана*, она проходит через различные формы растительной и животной жизни, пока не достигнет человека, который находится ближе всего к *Брахману*. Великое борение жизни имеет целью возвращение к *Брахману*. Осознают ли это люди или не осознают — роли не играет. Все движение, которое мы наблюдаем во вселенной — в минералах, в животных или в растениях, — есть стремление вернуться к центру и застыть в покое. Некогда существовавшее равновесие нарушено, и каждая частица материи стремится восстановить его. На это направлена борьба в растительном и животном мире, социальные столкновения и войны — это выражения вечной тяги к восстановлению равновесия.

Перемещения по череде рождений и смертей на санскрите называются *самсарой*. Все живое рано или поздно придет к свободе в результате этого круговращения. Однако возникает вопрос: если мы все в любом случае приддем к свободе, зачем бороться за приближение к ней? Верно, все живое рано или поздно достигнет освобождения, погибнуть не может ничто — к чему же тогда борьба? Во-первых, борьба есть единственное средство для приближения к центру, во-вторых, мы не знаем, почему боремся. Это в нас заложено.

«Из тысяч людей лишь немногие осознают, что стремятся к свободе»¹¹². Человечество в целом удовлетворяется материальными благами, но есть единицы, сознание которых пробуждено и влечет их обратно к истокам, прочь от земной жизни. Эти люди борются осознанно, остальные — не сознавая цели.

Альфой и омегой *веданты* является «отрешение от мира», отказ от нереального и приобщение к реальному. Люди, влюбленные в земные радости, могут спросить: к чему отказываться от них, к чему стремиться к центру? Ну допустим, что мы все вышли из Бога, но мир прекрасен, зачем же отказываться от того, что нам нравится, а не постараться продлить радость жизни? Посмотрите, говорят они, мир день ото дня становится все лучше, в нем появляется все больше приспособлений, облегчающих жизнь, доставляющих удовольствие человеку. Зачем нам стремиться уходить к чему-то другому?

Ответ здесь в том, что этот мир обречен на смерть и на распад, что мы уже много раз наслаждались его радостями. Все формы жизни, окружающие нас, уже по многу раз проявлялись, как много раз уже существовал наш мир. Я уже много раз здесь побывал и много раз беседовал с вами. Вы скоро поймете, что по-другому не могло и быть, что вы уже не раз выслушивали те слова, которые слышите сейчас. И еще не раз вы их услышите снова. Наши души никогда не менялись, тела же постоянно распадаются и составляются опять с известной периодичностью. Представим себе, что у нас в руках несколько игральных костей, которые мы бросаем. На одной выходит пять, на другой четыре, еще на одной три и, наконец, два. Если достаточно долго бросать кости, то числа непременно повторяются. Надо только бросать кости, и повторение неизбежно, сколько бы длительным ни был промежуток времени между одинаковыми комбинациями. Невозможно предсказать, как скоро выпадут снова одинаковые комбинации — это уже закон случайностей.

Но все это относится и к душам — сколь бы длителен ни был временной промежуток, повторы неизбежны. Снова и снова то же рождение, та же жизнь и та же смерть. Иные и не устремляются ни к чему, более возвышенному, чем мирские радости, но есть и те, которые понимают их мимолетность и тщету.

¹¹² Пересказ Бхагаватгиты, VII, 3; такая же мысль часто повторяется в эпических текстах.

Каждая из форм жизни, от червяка до человека, похожа на кабинку на гигантском ярмарочном колесе, которое все время вращается, но пассажиры в кабинках меняются. Человек забирается в кабинку, движется вместе с колесом, потом выходит, а колесо продолжает вращаться. Душа входит в какую-то форму, через некоторое время оставляет ее, переходя в другую, затем в третью и так далее. Круговорот будет продолжаться до тех пор, пока душа не оставит колесо и не освободится.

Во все времена и у разных народов наблюдались совершенно поразительные предсказания прошлого и будущего. Способность видеть прошлое и будущее объясняется вот чем: пока *Атман* выступает в сфере причинности, он, хотя и не утрачивает присущую ему свободу и готов проявить ее, даже вырвав душу из причинно-следственной цепи, — как и происходит с людьми, достигшими освобождения — его действия осуществляются, тем не менее, под сильным воздействием закона причинности, что позволяет прозорливому человеку, прослеживая причины и следствия, провидеть прошлое и будущее.

Желание или потребность всегда являются верным признаком несовершенства. Существо свободное и совершенное не может испытывать желания. Бог не может ничего желать, а если Он желает — Он не Бог. А потому все разговоры о том, что Богу угодно то или другое, что Его можно рассердить или умиловать, — просто детский лепет, ровно ничего не означающий. Именно поэтому все великие души учат нас: не желай ничего, откажись от желаний и будь совершенно удовлетворен.

Человек слаб и беззуб в младенчестве, как слаб и беззуб он в старости. Крайности схожи, но различие в том, что младенец не знает, что его ждет в жизни, а старик уже прожил жизнь. При низких колебаниях мы не воспринимаем свет — все темно, при чересчур высоких — то же самое. Крайности кажутся схожими, хотя полярно различаются по сути. Стена не испытывает желаний, не испытывает желаний и совершенный человек, но стена неспособна их испытывать, а совершенному человеку нечего желать. Нет желаний и у дебилов — их мозг несовершенен, но нет желаний и у того, кто достиг наивысшего уровня. Различие между этими крайностями в том, что одна близка к животному, другая — к Богу.

ПОДЛИННЫЙ И КАЖУЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК

Наши глаза устремлены вперед, подчас на целые мили дальше точки, в которой мы находимся. Человек смотрел вперед всегда, с того времени, как начал мыслить. Он хочет знать, что будет после распада его тела. На этот счет выдвигались различные теории, предлагались целые философские учения в попытке найти объяснения феномену жизни и смерти. Одни были впоследствии отвергнуты, другие — приняты, и этот процесс будет продолжаться, пока мыслит человек. В каждом объяснении есть доля истины, в каждом есть многое, что к истине не имеет отношения. Я постараюсь изложить вам суть, результаты поиска в этом направлении, как он велся в Индии. Я постараюсь гармонизировать взгляды различных индийских философов на эту тему. Я постараюсь гармонизировать теории психологов и метафизиков и сочетать их с достижениями современной науки.

Философия *веданты* вечно устремлена к поиску единства. Индуса мало волнует частное, он постоянно ищет обобщений или, скорее даже, универсальности.

«Что есть то, благодаря познанию чего можно познать все?»¹¹³ Это одна тема *веданты*.

«Как, познав комок глины, познаешь все, что можно знать о глине вообще, — что есть то, благодаря познанию чего познаешь все, что можно знать о вселенной?»¹¹⁴ Это постоянное направление поиска.

Индусские философы утверждают, что всю вселенную можно выразить через один материал, который они называют *акаша*. Все, что мы видим и воспринимаем другими органами чувств, есть не что иное, как проявление акаши в разных формах. *Акаша* — всепроникающий, тонкий материал, но из него состоит все: твердые тела, жидкости, газы, Земля, Солнце, Луна, звезды.

Какая же сила воздействует на *акашу*, понуждая этот материал преобразовываться во вселенную?

Вместе с *акашей* существует универсальная энергия: все силы во вселенной, от сил притяжения до мысли, являются ее различными проявлениями. Эту энергию индусы называют *прана*. *Прана*, воздействуя на *акашу*, производит на свет вселенную. В начале каждого цикла *прана* как бы дремлет в бесконечном океане *акаши*. Постепенно *прана* приходит в движение и приводит в движение океан *акаши*. *Прана* вибрирует, и океан начинает формировать галактики, солнца, различные формы жизни. Поэтому индусы рассматривают все формы энергии как проявление *праны*, а все материальные проявления — как *акашу*. В конце каждого цикла все, что мы называем твердыми телами, преобразуется в более тонкую, жидкую форму, затем в еще более тонкую форму газа, газ принимает тонкую и однообразную форму тепловых колебаний — и все возвращается в первоначальную *акашу*. То, что мы зовем силами притяжения, отталкивания и движением вообще, понемногу возвращается в первоначальную *прану*. После этого *прана* пребывает в состоянии покоя, пока снова не придет в движение и не начнет создавать формы, — и все повторится. Таким образом, процесс творения проходит через нарастания и спады, своего рода колебания. На языке современной науки статические периоды перемежаются периодами динамическими.

Но это лишь часть картины, часть, известная даже современной науке, за пределы которой она, однако, выйти не может. Наш поиск тут не ограничивается, поскольку мы еще не обнаружили то, благодаря познанию чего мы познали бы все. Мы свели многообразие вселенной к двум компонентам, сейчас их называют материей и энергией, а философы Древней Индии звали их *акаша* и *прана*. Теперь нам предстоит проследить *акашу* и *прану* вплоть до их истоков. Прежде всего мы должны отнести их к более высокому уровню — к уму. *Ум*, *Махат*, — это универсально существующая мыслительная энергия, которая дает жизнь *акаше* и *пране*, будучи сама более тонким проявлением бытия, нежели они.

Универсальная мысль существовала вначале, она проявилась, стала изменяться и эволюционировала в *акашу* и *прану*, из взаимодействия которых возникла вселенная,

Теперь мы переходим к психологии. Вот я смотрю на вас — внешние ощущения улавливаются глазами, а сенсорные нервы доносят их до мозга. Но глаза не являются органами зрения, это просто инструменты, расположенные на поверхности, поскольку при разрушении настоящего органа зрения, который передает воспринятое глазами в мозг, будь у меня хоть двадцать пар глаз, я все равно вас не увижу. Итак, орган отличен от соответствующего инструмента, и это относится ко всем органам чувств. Человек обладает рядом инструментов в своем физическом теле, и в том же физическом теле находятся и органы восприятия. Однако этого еще не достаточно. Представьте себе, что ваше внимание полностью поглощено тем, что я сейчас говорю, а в это время звонит звонок. Вы можете и не услышать звонок. Звуковые колебания коснутся ваших ушей, нервы передадут восприятие в мозг, но почему же вы не услышали звонок, если в этом и заключен весь процесс? Чего-то не хватило: мозг не был соединен с органом, а когда мозг отключается от органа, то орган по-прежнему несет восприятия, но мозг не реагирует на них. Но и это еще не все. Необходим следующий фактор — реакция изнутри, с которой начинается знание. Внешний раздражитель направляет в мой мозг поток сообщений. *Ум* принимает сообщения и передает их интеллекту, который группирует их в соответствии с ранее собранными впечатлениями и посылает поток реакций. Это

¹¹³ Пересказ Мундака-упанишады, I, 1, 3.

¹¹⁴ Пересказ Чхандогья-упанишады, VI, 1, 4.

и есть восприятие. Затем действует воля. Та часть мозга, которая реагирует, называется *буддхи*, интеллект. Однако и это тоже еще не все. Представим себе, что у меня есть камера и есть экран, на котором я намереваюсь показывать изображение. Что мне для этого требуется? Я должен направить лучи света через камеру на экран, где они сгруппируются. Экран должен быть статичен, ибо лучи света движутся, а они должны быть собраны и скоординированы. Примерно то же происходит с ощущениями, доставляемыми органами чувств в ум, который, в свою очередь, передает их интеллекту. Процесс восприятия не может быть завершен, если нет за всем этим чего-то статичного, на чем появится картина, соединившая в себе ряд ощущений. Что же это такое, что придает единство постоянно изменяющемуся существу? Что миг за мигом сохраняет тождество в постоянном движении? На чем собираются наши разнородные впечатления, на чем соединяются в единое целое наши множественные восприятия? Что бы это ни было, оно должно быть неподвижно относительно тела и ума. Экран неподвижен относительно световых лучей, иначе нам не получить изображение. То, на что проецирует свои картинку ум, то, на чем собираются воедино наши ощущения, — это душа человека.

Универсальный космический ум расщепляется на *акашу* и *прану*, а за человеческим умом мы обнаружили душу. Есть Душа и за универсальным умом, и это — Бог. В космическом плане, где универсальный ум эволюционирует в *акашу* и *прану*, сама Универсальная Душа выступает как ум. Так ли это с отдельной человеческой душой? Является ли ум человека творцом его тела, является ли душа человека творцом его ума? Иными словами, являются ли тело, ум и душа различными формами бытия, или они триедины, или они представляют собой три различных состояния одного и того же? Попробуем ответить на эти вопросы. Мы уже усвоили, что есть внешняя оболочка, внутри которой находятся органы, ум, интеллект, а за всем этим — душа. Мы обнаружили, что душа как бы обособлена от тела и обособлена даже от ума. В мире религии нет единого мнения на этот счет: те, кого в общем можно назвать дуалистами, считают, что душа ограничена, что она обладает определенными свойствами, что чувства наслаждения, радости или боли, по сути, испытываются душой. Недуалисты отрицают наличие свойств у души, они утверждают, что душа неограничена.

Позвольте мне сначала представить точку зрения дуалистов на душу и ее судьбу, затем — противоположную систему взглядов и, наконец, попытаться найти гармонию между ними, которую предлагает недуализм. Человеческая душа, будучи обособленной от тела и ума, будучи не составленной из *акаши* и *праны*, должна быть бессмертна. Почему? Что такое смерть? Распад. Но распаду подвержено лишь то, что имеет составные части, все, что состоит из двух или трех компонентов, рано или поздно распадается на них. Не может распасться только то, чему не на что распасться, оно бессмертно. Оно существует вечно, оно не сотворено. Все сотворенное состоит из компонентов, нельзя творить из ничего. Все, что известно нам как сотворенное, есть пересоставление в новые формы существовавшего ранее. В этом случае человеческая душа, не будучи составной, должна была существовать вечно и будет существовать вечно. Когда умирает тело, душа продолжает жить. Философия *веданты* утверждает, что, когда тело распадается, жизненные силы уходят в ум, когда ум растворяется в *пране*, он как бы сливается с *праной*, *прана* входит в душу человека, душа человека получает оболочку в виде того, что ведантисты называют тонким телом, или ментальным, или духовным телом, не имеет значения, как его называть. В этом теле запечатлеваются *самсары* человека. Что такое *самсары*? Ум подобен озеру, а каждая мысль — волне на его поверхности. Волны поднимаются и опадают, но волны ума не исчезают без следа. Они становятся все тоньше, но они есть и готовы в нужную минуту снова дать о себе знать. Воспоминание — это возвращение в виде волны какой-то мысли, которая перешла в тонкое состояние. Таким образом, всякая наша мысль и всякий наш поступок запечатлены в уме, и, когда человек умирает, сумма впечатлений сохраняется в уме, продолжающем жить в виде комочка чрезвычайно тонкой субстанции. Душа в оболочке из тонкого тела с этими отпечатками выходит наружу, и ее дальнейшая судьба зависит от того, что они в себе несут. Мы считаем, что у души есть три цели.

Души людей высокой духовности после их смерти следуют за солнечными лучами в солнечную сферу, оттуда они попадают в лунную сферу, через которую их путь лежит в сферу молний. Там их ожидают другие души, уже постигшие блаженство, которые сопровождают вновь прибывших в *брахмалоку*¹¹⁵, в сферу Брахмы, в наивысшую из сфер. Здесь души обретают всеведение и всемогущество, становясь почти равными Богу. Дуалисты считают, что тут души и живут вечно, в то время как недуалисты утверждают, что в конце цикла они соединяются с Универсальным.

Души людей, которые жили добродетельной жизнью, но из соображений собственной выгоды, силой добрых дел, совершенных ими при жизни, попадают в лунную сферу, где есть различные небеса. Там души обретают тонкие тела, становясь богами. Они долго живут на небесах, наслаждаясь райским блаженством, но приходит час, когда по закону *кармы* они возвращаются на землю, путешествуя через сферу воздуха, через сферу облаков и падая на землю с дождевыми каплями. Дождевые капли попадают на злаки, которые в конце концов становятся пищей человека, подходящего для того, чтобы дать такой душе материал для нового тела.

¹¹⁵ См. примеч. 31 к «Джняна-йоге».

Души дурных людей после их смерти становятся призраками или демонами, обреченными существовать между землей и лунной сферой. Иные из них пытаются вредить людям, другие дружелюбны. Через некоторое время такие души опять оказываются на земле в виде животных. Побывав в животном теле, они снова рождаются людьми, получая, таким образом, новую возможность добиться освобождения.

Итак, мы видим, что те, кто приблизился к совершенству, в ком почти не осталось нечистого, попадают в *брахмалоку* на солнечных лучах. Кто творил добро, но ради того, чтобы попасть на небеса, попадает на небеса в лунной сфере и обретает там божественное тело; однако им придется снова стать людьми и получить еще одну возможность совершенствовать себя. Плохие люди превращаются в призраков или демонов и могут родиться в животном теле. Им предстоит еще раз проделать путь до человека и совершенствовать себя. Земля имеет название *карма-бхуми*, то есть сфера кармы. Только здесь творит человек свою *карму*, делает добрые дела, он становится хорошим, свободным от плохой *кармы*. После смерти он пожинает плоды добрых дел, сделанных им при жизни, но со временем хорошая *карма* истощается, проявляется действие *кармы* плохой, которая не могла в нем не накопиться за предыдущие жизни, и он снова рождается на земле. Подобным же образом те, кто после смерти превратился в призрак, просто пожинают плоды прежних дурных поступков, не творя новую *карму*. Им предстоит провести некоторое время в животном теле — новую *карму* не творя. Потом они опять рождаются людьми. В периоды воздаяния за добрые или дурные дела новая *карма* не возникает. Если *карма* уж очень хороша или, напротив, уж очень плоха, она приносит плоды довольно скоро. Например, если человек, который всю жизнь совершал плохие поступки, однажды сделал доброе дело, плоды этого доброго дела немедленно дадут себя знать, но хорошая *карма* скоро истощится и начнут проявляться результаты прежних плохих поступков.

Путь в *брахмалоку*, откуда души уже не возвращаются, носит название *деваяна* — путь к Богу, дорога же на небеса называется *питрияна* — путь к отцам.

Философия *веданты* учит, что человек — величайшее из живых существ, земной же мир труда — наилучшее местопребывание для него, ибо только здесь он получает самые большие возможности для самосовершенствования. Ангелы или боги — как их ни называть — должны родиться людьми, чтобы достигнуть совершенства. Человеческая жизнь — это великий шанс.

Перейдем теперь к другой философской теме. Иные буддисты целиком отвергают теорию души, только что изложенную мной. Буддист такого толка скажет вам: к чему предполагать наличие еще какого-то субстрата, дополняющего тело и ум? Зачем допускать присутствие третьего компонента — души — в организме, состоящем из тела и ума? Какая в этом надобность? Разве самого организма недостаточно для объяснения всего, что связано с ним?

Аргумент сильный и очень убедительный. Что касается внешних исследований, то они доказывают, что сам организм все и объясняет, по крайней мере многие считают именно так. Зачем нужно вводить еще и душу как субстрат, как нечто, не являющееся ни телом, ни умом, однако составляющее фон для тела и ума? Достаточно двух компонентов: тела, которое представляет собой поток непрерывно изменяющейся материи, и ума, который представляет собой поток непрерывно изменяющегося сознания или мыслей. Что обеспечивает очевидное единство между ними? Ну, скажем, такого единства и не существует. Возьмем для примера зажженный факел и станем быстро вращать его перед собой. Мы увидим огненный круг. На самом деле никакого круга не существует, это факел находится в непрерывном движении, однако возникает впечатление круга. Итак, в жизни нет единства, есть только стремительно несущийся поток материи. Можно говорить о единстве материи — и все. Так же и ум: каждая мысль обособлена, и лишь стремительный бег мыслей производит впечатление некоего единства. Никакая третья субстанция не нужна.

Нам известно, что это положение буддизма используется определенными сектами и философскими школами нашего времени, хотя они и утверждают, будто это их собственное изобретение. Однако это положение находилось в центре большинства буддийских философских школ — наш мир самодостаточен и не нуждается ни в каких дополнениях; чувственный мир — это единственное, что существует, поэтому незачем придумывать подпорки для него. Все сущее есть сочетание свойств, зачем же нужна гипотетическая субстанция, в которой они изначально заложены? Впечатление субстанциальности возникает из стремительного взаимодействия свойств, а не из чего-то, существующего в неизменном виде. Аргументы эти чрезвычайно убедительны и превосходно сочетаются с практическим опытом человечества, ведь один человек из миллиона способен мыслить иначе. Большинству людей природа представляется массой стремительных круговоротных перемен. Редко кто прозревает за ними спокойное море, мы обыкновенно видим лишь вспененные волны, и вся вселенная нам кажется массой таких волн.

Итак, перед нами две противоположные теории: за телом и за умом стоит некая субстанция, неизменная и неподвижная; во вселенной не существует ничего, что было бы неподвижно и неизменно, все есть перемены и ничего, кроме перемен. Различие между двумя теориями объединяет недуализм — следующий шаг в философской мысли.

Недуалисты утверждают, что дуалисты правы, признавая наличие чего-то неизменного за всем, — мы не можем представить себе изменчивость вне ее соотношения с неизменностью. Изменчивость мы можем воспринять

только в сравнении с чем-то менее изменчивым, а менее изменчивое — в сравнении с еще менее изменчивым и так далее, пока мы не придем к признанию некоей неизменной субстанции. Все, что проявилось, должно было когда-то находиться в непроявленном состоянии, в состоянии покоя и безмолвия — результата равновесия противодействующих сил, когда ни одна из них, можно сказать, не приходила в действие, ибо действие начинается с нарушения равновесия. Вселенная постоянно спешит возвратиться к состоянию равновесия — это единственный факт, не вызывающий сомнения. Дуалисты совершенно правы, утверждая наличие чего-то неизменного, но не правы, полагая, будто оно не является ни телом, ни умом, а чем-то отличным от того и от другого. Буддисты совершенно правы, утверждая, что вселенная есть не что иное, как вечная изменчивость: если я вне вселенной, если я наблюдаю ее извне, если есть две вещи — наблюдатель и наблюдаемое, то вселенная представляется как вечная изменчивость, и ничего больше. На самом же деле во вселенной есть как изменения, так и неизменность. Душа, ум и тело не являются тремя отдельными сущностями, поскольку составляют единый организм. Одно и то же воспринимается нами как тело, ум и нечто за ними, но не все три компонента одновременно. Кто видит тело — не видит ума, кто видит ум — не видит того, что он зовет душой, а кто видит душу — для того исчезает и тело, и ум. Кто воспринимает только движение, не замечает абсолютного покоя, для того же, кто понял абсолютный покой, исчезает движение. Веревку можно принять за змею, но тот, кто увидел в веревке змею, больше не видит веревку. Когда же, осознав свое заблуждение, он понимает, что перед ним веревка, тогда исчезает змея.

Есть единое, всеохватывающее существование, но оно представляется многообразным. Единственное, что существует во вселенной, — это Душа, это то, что недуалисты именуют *Брахманом*, который представляется нам в многообразии, потому что мы воспринимаем мир через имена и формы. Взгляните на морские волны, ведь ни одна из них не отличается от моря, почему же мы видим их отдельными? Имя и форма: форма волны и слово «волна», которым мы называем эту форму. Если отрешиться от имени и от формы, перед нами будет простираться единое море. Кто может по-настоящему отличить волну от моря? Так и вселенная — неразделимое Бытие, в которое вносят многообразие имена и формы. Когда солнце освещает мириады капелек воды, каждая капелька несет на себе совершеннейшее отражение солнца, так и Душа, единственное Бытие вселенной, отражаясь в мириадах капелек различного наименования и формы, кажется многообразной. На деле же Она — одна. Нет «я», нет «вы» — есть единство. Идея дуализма, двойственности, ложна в своей основе, а вселенная, как мы обыкновенно воображаем ее себе, есть плод ложного знания. Когда человек начинает понимать, что двойственности нет, что есть только единство, он обнаруживает, что он сам и есть вселенная.

«Я и есмь вселенная, как она сейчас существует, поток неразделенных изменений. И я есмь вне изменений, вне свойств и качеств, я вечно совершенен и вечно благословен»¹¹⁶.

Существует один только *Атман*, одна Душа в ее вечной чистоте, совершенности, неизменности, неизменимости, а изменения во вселенной — это лишь разные облики единой Души.

Наше воображение питается только именами и формами, что, как не форма, отличает волну от моря? Вот упадет волна, что станет с формой? Она исчезнет. Существование волны полностью зависит от существования моря, но море существует независимо от волны. Форма сохраняется, пока катится волна, но волна разливается, и нет больше формы, у нее нет самостоятельного существования. Имя и форма — порождения того, что зовется *майей*. В *майе* причина обособленности человека, которому кажется, что он отличен от других. Но и у *майи* нет самостоятельного существования, даже нельзя сказать, будто она существует. Нельзя сказать, будто существует форма, поскольку она несамостоятельна. С другой стороны, то, что она не существует, тоже нельзя сказать, поскольку она заставляет нас ощущать различия. Вот почему философия *адвайты* признает *майю*, незнание, или имя и форму, или, как скажут европейцы, «время, пространство и причинность», *проявлением Бесконечного Бытия, показывающего нам множественность вселенной, единой по сути. Ошибочно думать, будто есть две конечные реальности, есть одна. Мы можем найти доказательства этому на каждом шагу в плане физическом, в плане ментальном и в плане духовном. Мы сегодня увидели, что вы и я, Солнце, Луна и звезды — всего лишь разные названия различных точек в едином океане вещества, постоянно изменяющего свои конфигурации. Частица энергии, которая несколько месяцев назад была в солнце, может сегодня быть в человеке, завтра она может быть в животном, а послезавтра — в растении. Круговращение постоянно. Едина и бесконечна масса материи, различающаяся только названиями и формами. Одна из ее точек зовется Солнцем, другие — Луной, звездами, людьми, животными, растениями и так далее. Но за этими названиями нет реальности, ибо все они — постоянно изменяющаяся масса материи. Если посмотреть с другой точки зрения, то эта же вселенная есть океан мысли, где каждая отдельная точка есть ум. Вы — ум, я — ум, ум — все остальные. И та, же вселенная, увиденная глазами, свободными от иллюзий, когда ум свободен и чист, предстанет в виде Абсолюта — неизменного и бессмертного.*

Что же тогда останется от тройственной эсхатологии дуалиста: один после смерти попадает на небеса, другой оказывается в той или иной сфере, а дурной человек превращается в призрака, рождается животным и все прочее? Ничто не приходит и ничто не уходит, утверждает недуалист. Как вы можете приходиться или уходить? Вы

¹¹⁶ Примерный пересказ Бхагаватгиты, IX, 4—5.

бесконечны — куда вы уйдете? В одной школе обследовали группу детей, и экзаменатор по глупости задавал трудные вопросы маленьким детям. В числе других был и такой вопрос: почему не падает Земля? Смысл заключался в том, чтобы напомнить детям о законе тяготения и прочих замысловатых научных истинах, но большинство детей просто ничего не поняло. Лишь одна девочка ответила вопросом на вопрос: а куда ей падать? Девочка своим вопросом посрамила вопрос экзаменатора: во вселенной нет верха или низа, это же относительные понятия. Точно так же и душа: нелеп сам вопрос о ее рождении или смерти. Кто приходит и кто уходит? Где то пространство, в котором вас нет? Где то небо, в котором вы еще не побывали? Душа человека вездесуща — куда идти, куда не идти? Она и так повсюду. Для человека, достигшего совершенства, мгновенно теряет смысл весь детский лепет по поводу жизни и смерти, более или менее высоких небес, преисподней и прочего. Для человека, приближающегося к совершенству, все это исчезнет по пути в *брахмалоку*. Для незнающего — будет существовать.

Но почему все же весь мир верит в загробную жизнь на небесах, в рождение и смерть? Я читаю книгу, прочитываю страницу за страницей, переворачиваю их. Перевернута еще одна страница. Что меняется? Кто приходит и уходит? Не я, книга. Природа — книга, читаемая душой. Прочитывается глава за главой, переворачивается страница за страницей. Вот открылась новая страница — но душа остается все той же, вечной. Изменчива природа, но не человеческая душа, которая остается неизменной. Жизнь и смерть относятся к природе, но не к вам. Однако незнающие могут заблуждаться: ведь можем же мы, заблуждаясь, думать, будто Солнце обращается вокруг Земли, а не наоборот. Так же думаем мы, будто умирает человек, а не природа. Это не более чем иллюзия, такая же иллюзия, как та, что создается, когда нам кажется, что движутся поля, а не поезд. Человек в определенном состоянии ума видит бытие как землю, как солнце, как луну, как звезды, и его видение разделяют другие, чей ум в том же состоянии. Между мной и вами есть мириады живых существ, находящихся на различных уровнях бытия. Но они никогда нас не увидят, и мы не увидим их, мы видим только то, что находится на нашем уровне бытия. Резонируют только музыкальные инструменты, настроенные одинаково. Если изменить колебания, в данном случае «человеко-колебания», то мы сразу перестанем видеть окружающее, данная вселенная исчезнет. Мы увидим иную, возможно, вместо вселенной человека — вселенную богов или, скажем, демонов, но в любом случае это будет все та же вселенная, увиденная под различными углами зрения. Вселенная, которая на человеческом уровне выглядит состоящей из Земли, Солнца, Луны, звезд и прочего, может выглядеть адом, если посмотреть на нее под углом зрения зла. Равно как для тех, кто желает увидеть ее раем, она раем и будет выглядеть. Люди, всю жизнь мечтающие предстать после смерти перед Богом на троне и вечно петь ему хвалу, увидят то, что хотели видеть, — райские куши, порхающих крылатых существ и Бога, восседающего на троне, рай, вымышленный человеком. Вот почему последователь *адвайты* признает справедливость того, о чем говорит дуалист, в качестве придуманного им. Все эти сферы, демоны, боги, воскрешение душ и переселение душ — все это мифология, как и земная жизнь человека тоже. Великое заблуждение в том, чтобы считать единственно подлинной эту жизнь. Но человек охотно принимает за мифы чужие выдумки, свои же — нет. Тем не менее кажущееся нам подлинным есть мифология, самая же большая ложь, будто наши тела — это и есть мы. Мы не просто люди, мы — боги вселенной. Поклоняясь Богу, мы всегда поклонялись собственной скрытой Душе. Самая большая ложь, которую вы можете внушить себе, заключается в том, что вы рождены грешным и злым. Грешен лишь тот, кто видит грешника в другом. Вообразим, что здесь ребенок, перед которым мы положили мешок золота. Врывается разбойник и уносит золото. Ребенку это безразлично: если нет разбойника внутри нас, его нет и вне нас. Внешнее зло существует для злых и дурных людей, для добрых его нет. Вот почему дурному человеку мир кажется адом, доброму человеку — раем, а достигший совершенства понимает, что мир — это Бог. Только тогда с глаз спадает завеса, и человек, очистившись, обнаруживает, как изменилось его видение. Дурные сны, терзавшие его миллионы лет, растаяли, и он, считавший себя человеком, демоном или богом, он, считавший себя униженным или возвышенным, он, считавший, что обитает на земле, или на небесах, или где-то еще, осознает, что он вездесущ, что не он живет во времени, а время — в нем, что не он на небесах, а небеса — в нем, что в нем самом все боги, перед которыми он склонялся. Он сам есть творец богов и демонов, людей и растений, животных и минералов. Теперь он понимает свою подлинную натуру: он выше небес, он совершеннее вселенной, он дольше бесконечного времени, он более всепроникающ, чем вездесущий эфир. И только тогда освобождается человек от страха и обретает свободу, для него нет больше заблуждений, нет страдания, нет страха. Нет больше ни рождения, ни смерти, нет больше ни боли, ни наслаждения, исчезает земля, и вместе с ней исчезает небо, исчезает тело, и вместе с ним исчезает ум. Даже вселенная как бы перестает существовать для такого человека, прекращается непрестанное противоборство сил, и то, что проявляло себя как энергия и материя, как борения природы, как сама природа, как небо и земля, как растения, животные, люди и ангелы, все трансформируется в одно бесконечное, неразрывное, неизменное бытие, и человек осознает себя его частицей.

«Как облака, различного вида и цвета, наплывают на небо, а потом тают в его глубинах»¹¹⁷, так проплывают перед этой душой видения планет, богов, страданий и удовольствий, но все они тают, оставляя бесконечную и неизмен-

¹¹⁷ Источник не установлен.

ную синеву. Небо неизменно, изменчивы лишь облака.

Но возникают два вопроса. Первый: возможно ли все это реализовать? Все это прекрасно как философская доктрина, но имеет ли она практическое применение? Да, имеет. Есть люди, и сейчас живущие среди нас, для которых заблуждения рассеялись навеки. Умирают ли они сразу после озарения? Они умирают не так скоро, как мы бы думали. Представьте себе два колеса на одной оси. Я разрубаю ось и останавливаю одно из колес, но другое еще будет некоторое время вращаться по инерции и только потом остановится. Одно из колес — это совершенная душа, другое — заблуждение тела и ума, а соединяющая их ось — это карма. Знание — топор, которым разрубается соединение между колесами, отчего останавливается колесо души, человек перестает думать, будто душа приходит и уходит, живет и умирает, перестает думать, что она есть часть природы, понимая, что, по сути, она совершенна и свободна от желаний. Однако колесо тела и ума по инерции продолжает вращение, поэтому душа окончательно освободится, когда инерция прошлого исчерпает себя. Теперь ей нет нужды возноситься в небеса и возвращаться на землю, даже отправляться в брахмалоку или в иную высокую сферу, ибо откуда ей возвращаться, куда двигаться? Человек, который при жизни достиг такой степени совершенства, который пусть хоть на миг увидел подлинность всего сущего, — такой человек называется «живущий свободным». Цель последователя *веданты* в том и заключается, чтобы освободиться при жизни.

Однажды я путешествовал по Западной Индии, по пустыне у Индийского океана. Я день за днем шел по пустыне пешком, но, к своему изумлению, каждый день мне встречались прекрасные озера, окруженные тенистыми деревьями. Какая красивая местность, думал я, не понимая, почему она считается пустыней. Мое путешествие длилось целый месяц, и все время я восторгался прелестью пейзажа. Однажды мне захотелось пить, я направился к одному из озер, манившему меня прозрачной водой, но стоило мне к нему приблизиться, как оно растаяло. Вот в чем дело, сообразил я, это и есть мираж, о котором я столько раз читал! И другая мысль сразу пришла мне на ум: каждый день в течение месяца я наблюдал миражи, не подозревая о том, что я вижу. Наутро я продолжил путешествие и опять увидел озеро, однако теперь я уже знал, что вижу мираж. Так и наша вселенная. Мы путешествуем через миражи день за днем, месяц за месяцем, год за годом, не подозревая, какова природа того, что видим. Если в какой-то день мы и почувствуем неладное, то ненадолго, тело должно оставаться во власти прошлой кармы, поэтому мираж опять возникнет перед нашими глазами, однако чуть менее правдоподобный. Прозрение немного ослабит действие кармы, она трансформируется, ибо различие между миражем и реальностью уже замечено.

Мир станет не тем, что раньше. Однако это таит в себе опасность. В любой стране найдутся люди, которые приобщаются к этой философии, чтобы сказать себе: я по ту сторону добра и зла, я не подчинен никаким законам морали, для меня все возможно. Множество глупцов на свете утверждают: раз я есмь Бог, мне все позволено. Это в корне неверно, хотя душа действительно не подчинена никаким законам, ни физическим, ни ментальным, ни моральным. Свобода не знает законов, к тому же свобода — природное качество души, и эта подлинная свобода сияет сквозь все материальные завесы кажущихся человеческих свобод. Вы на каждом шагу ощущаете свою свободу, но стоит нам вдуматься, и мы начинаем сознавать, что мы скорее машины, нежели свободные существа. В чем же истина? Является ли чувство свободы иллюзией? Одни полагают, что это именно так, другие, напротив, считают иллюзией человеческую подчиненность. Так как же? Человек действительно свободен, подлинный человек не может не быть свободным, Однако, вступая в мир *майи*, в мир имен и форм, он попадает в рабство. Свободная воля — это терминологическая нелепость. Воля не может быть свободной. У человека появляется воля, только когда он оказывается в рабстве — не ранее. Воля человека несвободна, но вечно свободно то, на чем эта воля основывается. Итак, даже в рабстве, которое мы зовем человеческой или божеской жизнью, проводя ее на земле или в небесах, даже в этом рабстве мы сохраняем память о свободе, исконно присущей нам. Неосознанно или сознательно, но именно к ней мы и стремимся. Когда же человек достиг освобождения, какие законы могут сковывать его? Нет таких законов во вселенной, ибо сама вселенная — в нем.

Он — вся вселенная. Можно сказать либо что он является вселенной, либо что для него вселенной нет. Понятно, что для него не имеют смысла такие неприметные различия, как пол или национальная принадлежность. Возможно ли для него рассматривать себя как мужчину, женщину или ребенка? Не ложь ли эти различия? Он знает им цену. Какой смысл рассуждать о правах мужчин или о правах женщин, ни у кого нет прав, ибо ни у кого нет обособленного существования, Нет ни мужчин, ни женщин, душа бесполо и изначально чиста. Какое заблуждение — думать, будто я мужчина или я женщина или будто я принадлежу к определенному роду. Весь мир — моя страна, мне принадлежит вся вселенная, потому что она одета в мое тело. Однако мы знаем, что есть на свете люди, которые готовы и проповедовать такие взгляды, и заниматься делами поистине грязными. Если же их спросить, что они делают, в ответ можно услышать — нам просто чудится, будто они поступают дурно, они не могут дурно поступать. С помощью какого критерия можно судить об этих людях? Вот с помощью какого.

Хотя и добро, и зло есть условные проявления души, однако зло лежит на поверхности, в то время как добро ближе к подлинной сути человека, к Душе. Пока человек не пройдет сквозь слой зла, он не доберется до слоя добра, а не пройдя сквозь оба слоя, он не достигнет Души. Что остается у того, кто Души достиг? Остатки кармы,

незначительная инерция прошлого, но инерция добрых дел в прошлом. Пока инерция дурных поступков не истощится полностью, пока не будет выжжена вся скверна, ни один человек не может прозреть и реализовать истину. Следовательно, у человека, достигшего Души и прозревшего истину, остаются только хорошие отпечатки прошедшего, их добрая инерция. Если даже такой человек продолжает жить в своем теле и трудиться не покладая рук, все его деяния несут добро, его уста произносят только благословения, его руки творят добро, все его мысли исполнены добра, и, куда бы он ни отправился, повсюду его присутствие благодатно. Он живая благодать. Такой человек простым фактом своего присутствия способен обращать в святых самых отъявленных негодяев. Ему нет нужды говорить, его присутствие благодатно для окружающих. Способен ли такой человек на зло? Нельзя забывать, что простая болтовня и деяние полярно противоположны. Болтать может всякий дурак. Болтают даже попугаи. Деяния — другое дело. Философские доктрины, аргументы, книги, теории, церкви и секты — все это по-своему полезно, но они утрачивают всякий смысл, когда наступает реализация. Примерно как географические карты, которые, несомненно, полезны, но, если вам случилось побывать в другой стране, а потом вы должны найти ее на карте, какую разницу вы обнаружите! Познавшие истину более не нуждаются в логических построениях и прочей интеллектуальной акробатике, истина для них конкретна, осязаема, это жизнь их жизней. «Как плод в руке»¹¹⁸, — говорили древние мудрецы, можно просто показать его. Познавшие истину могут указать пальцем: вот она, Душа. Им не требуются доказательства, и они ничего не собираются доказывать другим — их удовлетворение совершенно, а кто не верит, ну что ж поделаешь.

Представьте себе, что вы совершили путешествие в далекую страну, а по возвращении к вам приходят и говорят, что этой страны нет на свете. Сколько бы вам ни доказывали, что нет такой страны, вы будете лишь улыбаться в ответ или, возможно, подумаете, что ваши оппоненты не в своем уме.

Познавший истину говорит нам: все, что выдуманно на свете о Боге и о крохотных религиях, — все это детский лепет, суть религии в реализации души.

Религия может быть реализована. Вы к этому готовы? Вы этого желаете? Если желаете и готовы, то придете к реализации, и тогда вы будете подлинно религиозными людьми. Без этого вы, по сути, не отличаетесь от атеистов. Но если атеисты всегда откровенны, то верующий, не пытающийся сделать шаг к реализации религии, — лицемер.

Что же наступает после реализации? Допустим, что мы уже осознали единство вселенной, осознали себя Бесконечным Существом, осознали, что Душа есть единственное Бытие и что это Она проявляет себя через формы феноменального мира, — как мы дальше живем? Забываемся в угол и ждем смерти? Старый вопрос: а что это может дать миру? Прежде всего, почему надо делать добро для мира? Есть ли в этом резон? И кто имеет право спрашивать; что это может дать миру? Ребенок любит конфеты, а вы занимаетесь исследованиями в области электричества. Ребенок спрашивает вас: из электричества получаются конфеты? Нет, отвечаете вы, на что ребенок вам заявляет: какой в нем прок!

Итак, люди задают вопрос: что это может дать миру? Деньги даст? Нет. Так какой в этом прок? Вот как люди обычно смотрят на пользу. Однако постижение религии благодатно для мира. Ведь многие боятся, что если они постигнут истину, осознают единство всего сущего, то иссякнут источники любви и все, что им дорого, ради чего они стараются в этой и в последующих жизнях, — все исчезнет. Люди не желают задумываться над тем, что больше всего дают миру именно те, кто меньше всего заботится о своем «Я». Подлинная любовь приходит, когда человек обнаруживает, что предмет его любви не есть нечто низкое, мелкое, смертное. Подлинная любовь приходит, когда человек любит не комок праха, а самого Бога. Жена еще сильнее полюбит мужа, если будет думать о нем, как о Боге, мать еще сильнее полюбит детей, если увидит, что в ее детях — Бог. Человек полюбит заклятого врага, если увидит, что это Бог. Человек полюбит святого, зная, что святой и есть Бог, но полюбит он и богохульника, когда поймет, что и за богохульником тоже Бог. Тот, для кого маленький человечек умер, а его место занял сам Бог, способен двигать мирами. Вселенная преобразится для него: исчезнет все страдание, вся боль, не будет больше борьбы и преодоления. Из тюремной камеры, где мы каждый день должны бороться друг с другом за кусок хлеба, мир превратится в райские кущи. Какую красоту обретет вселенная! Это и будет наивысшим благодеянием, которое получит мир от постижения религии, в нем не останется борений и стычек. Даже если человечество уловит проблеск великой истины, мир из поля боя преобразится в царство мира. Та неприличная и грубая спешка, которая заставляет нас опережать всякого другого, исчезнет тогда из мира. А с нею навсегда исчезнут и вся борьба, ненависть, зависть и зло. Боги будут жить тогда на этой земле. Эта наша земля станет тогда небом, а какое же зло может быть, когда боги играют с богами, работают с богами, любят богов. В этом великая польза божественной реализации. Все, что вы видите в обществе, будет изменено и преобразовано тогда. Вы больше не будете думать о человеке как грешнике, вот и первое достижение. Вы больше не будете насмешливо взирать со

¹¹⁸ Образ, свойственный общеиндийскому культурному наследию, нередко встречается в буддийских сочинениях. Очень часто к нему прибегал учитель Вивекананды Рамакришна Парамахамса. См., например, Провозвестие Рамакришны, СПб., 1914, с. 265 и др.

стороны на бедного мужчину или женщину, которые сделали ошибку. Вы, леди, более не будете смотреть свысока и с презрением на бедных женщин, которые по ночам выходят на панель, потому что даже в них увидите самого Бога. У вас не будет больше завистливых и мстительных мыслей. Все они исчезнут, и любовь, великий идеал, приобретет такую мощь, что больше не потребуются кнут, чтобы направить человечество по верному пути.

Если одна миллионная часть от населения Земли просто сядет и в течение нескольких минут будет повторять: «Люди, звери и все живое, все вы есть Бог, вы все есть проявления единого живого Бога», — то мир изменится в полчаса.

Бог во всем, что вы видите и ощущаете. Как вы можете увидеть зло, если оно не в вас? Как вы можете увидеть вора, если он не прячется в тайниках вашего сердца? Как вы можете распознать убийцу, если он не в вас? Станьте добрыми — и зло покинет вас, и вы увидите вселенную новыми глазами. Это и будет самым большим общественным благом, самым большим благом для человеческого сообщества.

Эти мысли были развиты в Индии в далекие времена. В силу ряда причин, из-за замкнутости учителей, из-за иностранных завоеваний, эти мысли не получили распространения. Но величественная истина, заключенная в них, воздействует на людей там, где эти мысли известны. Моя жизнь преобразилась от соприкосновения с человеком, познавшим истину. Придет час, когда истина распространится по всему миру. Эта философия покинет уединение монастырей, выйдет из книг, читавшихся избранными, перестанет быть достоянием сект и горстки ученых, она распространится по всему свету, чтобы мог к ней приобщиться и святой, и грешник, и мужчина, и женщина, и дитя, и ученый, и неграмотный. Истина питает собою даже воздух, и каждый наш вдох будет говорить: «Ты есть То».

И вся вселенная, с ее мириадами солнц и лун, всем, что имеет глас, единым дыханием подтвердит: «Ты есть То».